электронный научный журнал

Регионалистика

2021 Том 8 №1

regionalistica.org

В номере:

Внешняя торговля КНДР с Россией на фоне международных санкций

Инфраструктурные проекты Монголии: роль российских дальневосточных портов

Темпы реализации национальных проектов на Дальнем Востоке

Нацпроект «Экология» в контексте решения экологической проблемы Ангаро-Енисейского региона

<http://doi.org/10.14530/reg.2021.1>

ISSN 2313-0881

Регионалистика

2021 Том 8 № 1

Электронный научный журнал

regionalistica.org

ISSN 2313-0881

Периодичность выхода:

шесть номеров в год

Учредитель:

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт экономических
исследований
Дальневосточного отделения
Российской академии наук
(Хабаровск)

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
11 марта 2014 г.
Свидетельство Эл № ФС77-57151

Авторы несут полную
ответственность за подбор
и изложение фактов, содержащихся
в опубликованных материалах.
Высказываемые авторами взгляды
могут не отражать точку зрения
редакции.
Перепечатка материалов журнала
допускается только по согласованию
с редакцией

Адрес редакции:

680042, Хабаровск,

ул. Тихоокеанская, 153

Телефон: +7 (4212) 725-225

E-mail: regionalistica@ecrin.ru

Дизайн: В.Н. Украинский

Вёрстка: В.В. Червонцева

В оформлении обложки использована
карта Петра Планциуса (1594)

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономических исследований Дальневосточного отделения
Российской академии наук, 2021

Редакционная коллегия

Главный редактор: О.М. Прокапало,
д-р экон. наук

проф. Цунео Акаха (Монтерей, США)
проф. Винсент Ф. Галлуччи (Сиэтл, США)
д-р социол. наук С.Г. Кирдина-Чэндлер (Москва, Россия)
д-р экон. наук Н.В. Ломакина (Хабаровск, Россия)
академик РАН П.А. Минакир (заместитель
главного редактора, Хабаровск, Россия)
д-р экон. наук С.Н. Найденов (Хабаровск, Россия)
канд. экон. наук О.Г. Поливаева (Хабаровск, Россия)
Л.А. Самохина (Хабаровск, Россия)
канд. экон. наук В.Н. Украинский (Хабаровск, Россия)
канд. экон. наук И.А. Свириденко (ответственный секре-
тарь, Хабаровск, Россия)

Редакционный совет

д-р экон. наук Н.Е. Антонова (Хабаровск, Россия)
канд. экон. наук А.Б. Бардаль (Хабаровск, Россия)
д-р филос. наук Л.Е. Бляхер (Хабаровск, Россия)
д-р экон. наук С.Д. Валентей (Москва, Россия)
д-р экон. наук Н.В. Гальцева (Магадан, Россия)
д-р социол. наук К.В. Григоричев (Иркутск, Россия)
д-р геогр. наук А.Н. Демьяненко (Хабаровск, Россия)
канд. экон. наук Д.А. Изотов (Хабаровск, Россия)
канд. экон. наук А.Г. Исаев (Хабаровск, Россия)
академик РАН В.А. Крюков (Новосибирск, Россия)
д-р экон. наук С.В. Кузнецов (Санкт-Петербург, Россия)
д-р экон. наук Ю.Г. Лаврикова (Екатеринбург, Россия)
чл.-корр. РАН В.Н. Лаженцев (Сыктывкар, Россия)
д-р экон. наук С.Н. Леонов (Хабаровск, Россия)
д-р социол. наук Э.О. Леонтьева (Хабаровск, Россия)
д-р экон. наук Н.П. Рыжова (Владивосток, Россия)
чл.-корр. РАН В.И. Суслов (Новосибирск, Россия)
д-р геогр. наук А.И. Трейвиш (Москва, Россия)
д-р экон. наук А.Н. Швецов (Москва, Россия)
д-р экон. наук Ю.Д. Шмидт (Владивосток, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ, ОБЗОРЫ, ЭССЕ →

Дёмина Я.В.

Внешняя торговля КНДР: влияние санкций5

*Намжилова В.О.*Российско-монгольские торгово-экономические отношения:
дальневосточные перспективы29*Минакир П.А., Прокапало О.М.*

Национальные проекты на Дальнем Востоке: проблемы и перспективы развития39

Ковальчук Л.Б.

Диагностика неравенства в социальной сфере дальневосточных субъектов РФ56

Бюраева Ю.Г.

Структура занятости населения Республики Бурятия: тенденции и сдвиги68

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ →

Кибалов Е.Б., Малов В.Ю., Шибикин Д.Д.

Варианты решения экологической проблемы Ангаро-Енисейского региона81

ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ →

*Заостровских Е.А., Краснопольский Б.Х.*Международная конференция Вольного экономического общества России
«Арктика: решения задач устойчивого развития»97*Ким А.Л.*

Двадцать третий Краевой конкурс молодых учёных и аспирантов101

CONTENTS

ARTICLES, SURVEYS, ESSAYS →

Dyomina Ya.V.

DPRK's Foreign Trade: The Impact of Sanctions5

Namzhilova V.O.

Russian-Mongolian Trade and Economic Relations: Far Eastern Prospects29

Minakir P.A., Prokapalo O.M.

National Projects in the Far East: Problems and Prospects for Development39

*Kovalchuk L.B.*Diagnostics of Inequality in the Social Sphere of the Far Eastern Regions
of the Russian Federation.....56*Byuraeva Yu.G.*

Employment Structure of the Population of the Republic of Buryatia: Trends and Shifts68

INVITATION TO DISCUSSION →

Kibalov E.B., Malov V.Yu., Shibikin D.D.

Options for Solving the Ecological Problem of the Angara-Yenisei Region.....81

SCIENTIFIC CHRONICLE →

*Zaostrovskikh E.A., Krasnopol'ski B.H.*International Conference of the Free Economic Society of Russia
«The Arctic: Solutions to Sustainable Development Problems»97*Kim A.L.*23rd Regional Competition of Young Scientists and Postgraduates101

**ДЁМИНА
Яна
Валерьевна**

Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

Институт экономических исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**DYOMINA
Yana
Valeryevna**

Candidate of science (economics), senior research fellow

Economic Research Institute FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

yandemi@yandex.com
ORCID: 0000-0001-5208-7273

© Дёмина Я.В., 2021

УДК 339.5+339.9

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ КНДР: ВЛИЯНИЕ САНКЦИЙ

Статья содержит анализ динамики и структуры внешней торговли КНДР, а также оценку влияния международных санкций на развитие страны. В настоящее время в соответствии с резолюциями Совета Безопасности ООН действуют санкции, предполагающие полный запрет на вывоз из страны основных экспортных товаров, ограничения на импорт нефтепродуктов и использование за рубежом северокорейской рабочей силы. Введение международных санкций и обострение отношений между Севером и Югом оказало значительный негативный эффект на внешнюю торговлю КНДР. До 2013 г. в целом наблюдался положительный тренд, однако, ужесточение санкций и нивелирование торговли с Республикой Корея привели к сжатию экспортно-импортных операций страны. Возможности восстановления внешнеэкономических отношений КНДР и развития сотрудничества с Россией тесно связаны с решением ядерной проблемы и отменой международных санкций.

Внешняя торговля, экспорт, импорт, санкции, КНДР, Китай, Республика Корея, Россия

DPRK'S FOREIGN TRADE: THE IMPACT OF SANCTIONS

The author analyzes the dynamics and structure of DPRK's foreign trade, as well as the impact of international sanctions. Currently, in accordance with UN Security Council resolutions, sanctions include a complete ban on the country's main export goods, restrictions on the import of petroleum products and the use of North Korean labor abroad. International sanctions and the aggravation of the North and South relations had a significant negative effect on the DPRK's foreign trade. Until 2013, there was a positive trend, but the tightening of sanctions and nullification of trade with the Republic of Korea led to the collapse of export-import operations. The possibility of restoring the DPRK's foreign economic relations and developing cooperation with Russia is closely linked to resolving the nuclear issue and lifting international sanctions.

Foreign trade, export, import, sanctions, DPRK, China, Republic of Korea, Russia

Работа выполнена в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских учёных – кандидатов наук, проект МК-1111.2019.6 «Трёхстороннее экономическое сотрудничество России, Республики Корея и КНДР: перспективы и препятствия».

Введение

Корейская Народно-Демократическая Республика была провозглашена 9 сентября 1948 г. и недавно отметила свой 70-летний юбилей со дня образования. При этом политическое и социально-экономическое противостояние на Корейском полуострове длится ни одно десятилетие и пока не нашло решения. Проблема денуклеаризации и упрочения мира и безопасности в регионе имеет резонансное значение не только для Восточной Азии, но и для всего мира. Поэтому «корейская проблема» оказалась в тесной зависимости от геополитических интересов таких государств, как США, КНР и РФ.

В 2018 г. намечилось «потепление» в отношениях между Севером и Югом: делегация из КНДР присутствовала на XXIII зимних Олимпийских играх в г. Пхёнчхане (Республика Корея); 27 апреля, 26 мая и 18–20 сентября успешно прошли три межкорейских саммита [12; 15]. Также 12 июня 2018 г. в Сингапуре состоялся саммит КНДР – США, который существенно разрядил международную обстановку и перевёл угрозу военного столкновения в фазу переговорного процесса. Однако стороны не были готовы пойти на взаимные уступки, поэтому испытания северокорейского ядерного оружия не прекратились, а заветные цели – мирное разрешение ядерной проблемы Корейского полуострова, налаживание сотрудничества через снятие санкций и взаимное признание – не были достигнуты.

Целью данной работы является анализ динамики и структуры (товарной и географической) экспортно-импортных потоков КНДР, а также оценка влияния международных санкций на развитие внешней торговли страны.

Международные санкции в отношении КНДР

Первые санкции против КНДР были введены в 2006 г. после успешного испытания ядерного оружия. В настоящее время действуют 20 резолюций Совета Безопасности (СБ) ООН, направленных на финансовую изоляцию КНДР, организацию торговой и морской блокады страны. В октябре 2006 г. была принята резолюция 1718 (2006), в соответствии с которой создан Комитет СБ ООН по санкциям в отношении КНДР (Комитет 1718), а также введено оружейное эмбарго, замораживание активов, запрет на поездки в отношении лиц, причастных к ядерной программе, на поставки предметов роскоши и на проведение КНДР ядерных испытаний или запуск баллистических ракет.

Так как испытания ядерного оружия не прекратились, в последующие годы СБ ООН расширил и ужесточил санкции (резолюции 2094 (2013), 2270 (2016), 2321 (2016), 2345 (2017), 2356 (2017), 2371 (2017), 2375 (2017), 2397 (2017), 2407 (2018), 2464 (2019) и 2515 (2020)). Введённые санкции действуют до 30 апреля 2021 г. и включают следующее:

- эмбарго на поставки оружия и связанных с ним материальных средств;
- нераспространение предметов, имеющих отношение к программам, связанным с ядерными, баллистическими ракетами и другими видами оружия массового уничтожения;
- запрет на поездки включённых в перечень физических лиц;
- утилизация изъятых предметов;
- запрет на перевозки;
- замораживание активов;
- финансовые меры;
- запрет на специализированное обучение и подготовку граждан КНДР по дисциплинам, которые могли бы способствовать ядерной деятельности КНДР или разработке систем доставки ядерного оружия;

- запрет на научно-техническое сотрудничество;
- запрет на поставки угля и минеральных ресурсов и секторальные запреты¹;
- запрет на экспорт конденсата и природного газа в КНДР;
- запрет в отношении всех продуктов переработки нефти²;
- ограничение на поставку, продажу или передачу сырой нефти³;
- запрет в отношении экспорта из КНДР морепродуктов, текстильных изделий;
- запрет в отношении работы граждан КНДР за границей;
- запрет на поставки в КНДР топлива, предметов роскоши, новых вертолётных и новых или бывших в эксплуатации морских судов;
- запрет на поставку, продажу или передачу памятников, независимо от того, является ли КНДР страной их происхождения.

США и их союзниками были также введены «вторичные» расширительные санкции, призванные максимально затруднить экономическое положение КНДР, вызвать массовое недовольство населения и дестабилизировать ситуацию в стране [6; 7]. В частности, американский подход предусматривает возможность применения санкций против КНДР и её контрагентов даже в тех случаях, когда сделки между ними легальны, с точки зрения СБ ООН.

Внешняя торговля КНДР до введения санкций

КНДР делает упор на самостоятельность развития народного хозяйства (чучхе), однако, подобная идеология не исключает внешнюю торговлю. Недопустимой является зависимость от других стран, поэтому государством ставится задача производить основные виды продукции своими силами и лишь те товары, которые невозможно производить самостоятельно, получать через внешнюю торговлю путём взаимного обмена [10; 13]. Как отмечалось выше, первые санкции в отношении КНДР были введены в октябре 2006 г., поэтому в данной работе анализ влияния санкций на экспортно-импортные потоки страны выполнен на двух временных отрезках: 1995–2006 и 2007–2019 гг.

КНДР засекретила и не публикует большую часть экономической статистики с 1960-х гг., поэтому показатели, имеющиеся в открытом доступе, по сути, являются оценками международных организаций или учреждений других стран (например, Республики Корея) и могут сильно отличаться друг от друга [13].

По данным двусторонней торговли государств мира с КНДР, с 1995 по 2006 г. товарный экспорт страны вырос в 2,3 раза – с 1,1 до 2,5 млрд долларов США. Максимальное значение стоимостного объёма было достигнуто в конце рассматриваемого периода, минимальное (1 млрд долларов) – в 2003 г. (рис. 1).

Основные направления товарного экспорта КНДР менялись на протяжении исследуемого периода и составляют около 30 стран. В течение анализируемых 12 лет только три государства

¹ КНДР запрещено поставлять, продавать или передавать: уголь; железо и железную руду; золото; титановую руду; ванадиевую руду; медь; никель; серебро; цинк; редкоземельные минералы; свинец и свинцовую руду; продовольственную и сельскохозяйственную продукцию; машинное оборудование; электрооборудование; землю и камни, включая магнезит и магнезию; древесину и суда.

² За исключением поставок в совокупном объёме до 500 тыс. баррелей в течение 12-месячного периода начиная с 1 января 2018 г. и последующих 12-месячных периодов.

³ Разрешено в совокупном объёме до 4 млн баррелей, или 525 тыс. т, в течение любого 12-месячного периода начиная с 22 декабря 2017 г.

входили в топ-10 экспортных направлений КНДР: Япония, Мексика и Китай. Удельный вес Японии и Мексики к концу периода снизился (с 31,5 до 3,1% и с 18,7 до 2,2% соответственно), Китая, – наоборот, вырос (с 5,9 до 19,0%) (рис. 2).

Рис. 1. Совокупный товарный экспорт, импорт и внешнеторговый баланс КНДР, млрд долларов

Источник: здесь и далее, если не указано иное, рассчитано по данным Конференции ООН по торговле и развитию (United Nations Conference on Trade and Development, UNCTAD). URL: https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en (дата обращения: 07.07.2020).

Рис. 2. Доли основных торговых партнёров в совокупном объеме товарного экспорта КНДР в 1995–2006 гг., %

В целом на топ-10 стран приходилось от 71,5% (1999 г.) до 85,5% (2006 г.). Лидирующим направлением экспорта товаров из КНДР в 1995, 1997–2001 гг. была Япония, в 1996 г. – Россия, в 2002–2004 гг. – Китай и в 2005–2006 гг. – Ангола.

Товарный импорт КНДР в исследуемый период вырос в 2,1 раза – с 1,3 до 2,8 млрд долларов (см. [рис. 1](#)). Максимальное значение стоимостного объёма было достигнуто в конце рассматриваемого периода, минимальное (1,1 млрд долларов) – в 1998 г. При этом внешняя торговля КНДР характеризовалась хроническим дефицитом (за исключением 1997 г., когда был достигнут положительный баланс в 24 млн долларов). Основными партнёрами КНДР по импорту являлись около 20 стран ([рис. 3](#)).

Рис. 3. Доли основных торговых партнёров в совокупном объёме товарного импорта КНДР в 1995–2006 гг., %

В целом на топ-10 стран приходилось от 78,8% (1997 г.) до 90% (2001 г.). На протяжении почти всего исследуемого периода (за исключением 2001 г., когда лидерство перехватила Япония) главным поставщиком товаров в КНДР был Китай, удельный вес которого колебался от 20,8% (573 млн долларов) до 44,6% (1,2 млрд долларов).

С 1995 по 2006 г. только три государства входили в топ-10 источников импортных товаров для КНДР: Китай, Россия и Германия. В начале периода Германия занимала более высокие позиции, чем Россия, но к концу периода ситуация изменилась. Доли Германии и России были существенно ниже доли Китая: удельный вес Германии колебался от 2,1% (23 млн долларов) до 8,2% (139 млн долларов), России – от 2,2% (62 млн долларов) до 9,2% (226 млн долларов).

В начале рассматриваемого периода товарная структура¹ внешней торговли КНДР в целом выглядела следующим образом: 29,5% объёма экспорта приходилось на сырьевые товары, драгоценные камни и немонетарное золото, в том числе руды и металлы – 7,8%, топливо – 2,0% (рис. 4). Удельный вес промышленных товаров достигал 69,5%, из которых 27,6% – машины и транспортное оборудование, при этом на детали и компоненты для электротехнических и электронных изделий приходилось 13,9%.

Рис. 4. Товарная структура внешней торговли КНДР в 1995 и 2006 г., %

В импорте также преобладали промышленные товары (53,2%) с долей машин и транспортного оборудования – 18,3%, деталей и компонентов для электротехнических и электронных изделий – 2,4%. Удельный вес сырьевых товаров был значительно выше, чем в экспортных потоках – 42,3%. Среди них на руды и металлы приходилось 3,2%, топливо – 18,5%. Текстильные волокна, пряжа, ткани и одежда составляли 23,2% совокупного товарного экспорта КНДР и 14,1% импорта.

В конце исследуемого периода в товарном экспорте КНДР по-прежнему преобладали промышленные товары, хотя их доля незначительно снизилась (до 66,3%). В импорте их удельный вес существенно сократился (до 37,7%), а доля сырьевых товаров заметно выросла (до 59,3%). В экспорте удельный вес сырьевых товаров слабо увеличился (до 31,4%).

Значительный рост как в экспортных (до 9,2%), так и в импортных потоках (до 35,1%) показал удельный вес топлива, а также руд и металлов – до 10,5 и 7,3% соответственно. Доля текстиля, наоборот, существенно снизилась как в экспорте, так и в импорте КНДР – до 8,2 и 6,2% соответственно.

Таким образом, за период 1995–2006 гг. внешняя торговля КНДР характеризовалась в целом положительным трендом. В географической структуре экспорта лидерство принадлежало Японии, Мексике и Китаю, в импорте – Китаю, России и Германии. В товарной структуре

¹ Анализ проводился по трём укрупнённым группам: сырьевые товары, драгоценные камни и немонетарное золото (из которых выделяются две подгруппы: руды и металлы, топливо); промышленные товары (из которых выделяются «машины и транспортное оборудование», а из них, в свою очередь, – «детали и компоненты для электротехнических и электронных изделий») и текстильные волокна, пряжа, ткани и одежда.

экспорта КНДР на протяжении всего исследуемого периода преобладали промышленные товары, в импорте их доля существенно снизилась к концу периода, уступив первенство группе сырьевых товаров.

Внешняя торговля КНДР после введения санкций

Внешние ограничения, введённые в отношении КНДР, привели к ещё большей зависимости экономики страны от поставок из Китая. Так, по данным двусторонней торговли государств мира с КНДР, за период с 2007 по 2018 г. в топ-10 экспортных направлений страны входили Китай, Ангола, Индия и Бразилия (*рис. 5*).

Рис. 5. Доли основных торговых партнёров в совокупном объёме товарного экспорта КНДР в 2007–2018 гг., %

Однако только КНР находилась в этом списке в течение всего изучаемого периода, кроме того, её доля существенно превышала показатели других стран – среднее значение удельного веса Китая в товарном экспорте КНДР за исследуемый период составило 64,3% (1,7 млрд долларов). Для Анголы, Индии и Бразилии эти значения были равны 11,4% (298 млн долларов), 4,1% (107 млн долларов) и 3,5% (91 млн долларов) соответственно.

В целом на топ-10 стран приходилось от 76,3% (2018 г.) до 94,7% (2017 г.), а совокупный товарный экспорт КНДР упал с 2,7 млрд долларов в 2007 г. до 0,5 млрд в 2018 г. Максимальное значение стоимостного объёма (3,7 млрд долларов) было достигнуто в 2013 г., минимальное – в конце периода (см. *рис. 1*).

Товарный импорт КНДР характеризовался крайней нестабильностью: в исследуемый период его объём колебался от 4,4 млрд долларов в 2013 г. до 2,4 млрд в 2018 г. (см. *рис. 1*). Ужесточение санкций хоть и сократило импорт (на 23% по сравнению с началом периода и на

31% по сравнению с 2017 г.), но его падение не было столь стремительным, как в случае экспорта. При этом сальдо торгового баланса было отрицательным в течение всего исследуемого периода, достигнув рекордных 1,9 млрд долларов в 2018 г.

Основными партнёрами КНДР по импорту являлись около 30 стран. В целом на топ-10 стран приходилось от 91,4% (2009 г.) до 98,9% (2017 г.). На протяжении всего исследуемого периода главным поставщиком товаров в КНДР был Китай, удельный вес которого колебался от 44,7% (1,4 млрд долларов) до 93,1% (3,2 млрд долларов) (рис. 6), достигнув в среднем за период 75,6% (2,7 млрд долларов).

Рис. 6. Доли основных торговых партнёров в совокупном объёме товарного импорта КНДР в 2007–2018 гг., %

В течение всего рассматриваемого периода только три государства входили в топ-10 источников импортных товаров для КНДР: Китай, Индия и Россия. Доли Индии и России были существенно ниже доли КНР. Так, удельный вес Индии колебался от 1,3% (31 млн долларов) до 24,9% (1,1 млрд долларов) со средним значением за период – 7,7% (279 млн долларов), России – от 1,3% (46 млн долларов) до 3,3% (104 млн долларов) со средним значением за период в 2% (73 млн долларов).

В 2007 г., как и в период до введения санкций, в структуре экспорта КНДР наибольший удельный вес приходился на промышленные товары (76,3%), среди которых 58,3% составляли машины и транспортное оборудование (рис. 7). При этом на детали и компоненты приходилось всего 5,1% (до введения санкций – 16,3%). Сырьевые товары составляли 21,7% объёма экспорта, из них 9,6% приходилось на топливо и 8,4% – на руды и металлы.

Рис. 7. Товарная структура внешней торговли КНДР в 2007 и 2018 г., %

В структуре импорта наибольшая доля приходилась на сырьевые товары (65,4%) с преобладанием в этой группе топлива (39,5%). Промышленные товары составляли 32,7% объема импорта, в том числе машины и транспортное оборудование – 11%. Текстильные волокна, пряжа, ткани и одежда – наименее значительная группа товаров как в структуре экспорта (4,5%), так и импорта (6,8%) КНДР.

В конце исследуемого периода в товарном экспорте КНДР по-прежнему преобладали промышленные товары, доля которых заметно выросла – до 85,4%. В импорте их удельный вес, наоборот, сократился (до 26,1%). Доля сырьевых товаров в экспорте существенно снизилась (до 14,3%), а в импорте заметно выросла (до 73,6%). При этом в структуре импорта произошло перераспределение удельного веса между топливом и рудами и металлами: доля последних увеличилась вдвое (до 18,6%). Незначительная доля текстиля снизилась как в экспорте, так и в импорте КНДР – до 2,6 и 4,6% соответственно.

Рассмотрим подробнее (по основным товарным группам) товарную структуру внешней торговли КНДР до и после ужесточения санкций в 2016–2017 гг. на примере её стратегических партнёров: КНР и РФ.

Китай. По данным Базы статистических данных ООН по торговле товарами (United Nations Commodity Trade Statistics Database, UN COMTRADE), экспорт товаров из КНДР в Китай снизился в 2019 г. по сравнению с 2015 г. в 11,9 раза – с 2,6 млрд до 216 млн долларов¹. В товарной структуре экспорта КНДР в Китай в 2015–2016 гг. преобладало топливо (*табл. 1*). Практически единственным товаром в данной группе был антрацит – 41,0% (1,05 млрд долларов) и 46,6% (1,18 млрд долларов) объема экспорта в 2015 и 2016 г. соответственно.

По итогам 2017 г., в связи с введением эмбарго на поставки угля, основным источником экспортных доходов КНДР стали предметы одежды: пальто, брюки, комбинезоны, пиджаки.

¹ Данные UN COMTRADE и UNCTAD не совпадают.

Таблица 1

Экспорт КНДР в КНР в 2015–2017 гг.

Товарная группа	2015		2016		2017	
	млн дол-ларов	% совокупного объёма	млн дол-ларов	% совокупного объёма	млн дол-ларов	% совокупного объёма
Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные	1 064,0	41,4	1 192,9	47,0	421,3	24,3
Предметы одежды и принадлежности к одежде, кроме трикотажных, машинного или ручного вязания	632,5	24,6	475,8	18,8	496,5	28,7
Руды, шлак и зола	204,7	8,0	226,8	8,9	187,2	10,8
Рыба и ракообразные, моллюски и прочие водные беспозвоночные	108,0	4,2	190,3	7,5	163,0	9,4
Чёрные металлы	—	—	—	—	59,3	3,4

Источник: здесь и далее, если не указано иное, составлено / рассчитано по данным UN COMTRADE. URL: <https://comtrade.un.org/data/> (дата обращения: 02.12.2020).

Так как полный запрет на экспорт угля из КНДР был введён с 5 августа 2017 г., поставки антрацита в КНР в 2017 г. всё же осуществлялись (23,7% совокупного объёма экспорта, или 410 млн долларов). По заявлениям Государственного департамента США, в настоящее время Китай в нарушение действующих санкций продолжает закупать уголь и прочие запрещённые товары из КНДР [20].

Товарная группа «руды, шлак и зола» занимала третье и четвертое место в экспорте КНДР в 2015–2019 гг. (табл. 1 и 2). Однако её состав по товарным позициям менялся в связи с введением запретов СБ ООН. Так, в 2015–2017 гг. группа была в основном представлена железной рудой и её концентратами, свинцом.

В 2015 г. на драгоценные металлы (кроме серебра) в структуре экспорта приходилось 1,2% (31 млн долларов). После введения эмбарго в 2016 г. их место занял цинк (2%, или 51 млн долларов). В 2018–2019 гг. в связи с новыми запретами СБ ООН данная группа товаров состояла только из вольфрама и молибдена.

Также в связи с ужесточением санкций в экспорте 2018–2019 гг. не были представлены предметы одежды и рыба, моллюски и ракообразные.

Однако ряд экспертов утверждают [20; 24], что несмотря на санкции СБ ООН, неофициальный экспорт вышеуказанных товаров (наряду с полезными ископаемыми) продолжается путём незаконной морской перевалки.

После ужесточения санкций чёрные металлы стали занимать более существенную позицию в поставках из КНДР. Так, в 2017 г. на них приходилось 3,4% (59 млн долларов), в том числе на чугун – 1,9% (33 млн долларов). В 2018 и 2019 г. доля металлов выросла до 15,0 и 15,7% соответственно, однако, стоимость упала до 32 и 34 млн долларов соответственно. Кроме того, основной товарной позицией стал ферросилиций (в связи с введением запрета на чугун), на который пришлось 27 млн (12,4%) и 29 млн долларов (13,7%) соответственно.

Таблица 2

Экспорт КНДР в КНР в 2018–2019 гг.

Товарная группа	2018		2019	
	млн дол-ларов	% сово-купного объёма	млн дол-ларов	% сово-купного объёма
Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные	11,4	5,3	11,4	5,3
Руды, шлак и зола	25,4	11,9	21,5	10,0
Чёрные металлы	31,9	15,0	33,9	15,7
Часы всех видов и их части	31,3	14,7	49,5	23,0
Обработанные перья и пух и изделия из перьев или пуха; искусственные цветы; изделия	24,2	11,3	34,1	15,8
Инструменты и аппараты оптические, фотографические, кинематографические, измерительные, контрольные, прецизионные, медицинские или хирургические; их части и принадлежности	10,0	4,7	16,4	7,6

Санкционный режим также привёл к тому, что около половины объёма экспорта КНДР по итогам 2019 г. составили три товарные группы, на которые в 2015 г. приходилось менее 0,1%: «часы всех видов и их части»; «обработанные перья и пух и изделия из перьев или пуха; искусственные цветы; изделия»; «инструменты и аппараты оптические, фотографические, кинематографические, измерительные, контрольные, прецизионные, медицинские или хирургические; их части и принадлежности».

В первой группе основным товаром были часовые механизмы (22,8% объёма экспорта, или 49 млн долларов). Вторая группа была представлена такими товарами, как парики, накладные бороды, брови и ресницы (13,6%, или 29 млн долларов). Наконец, третья группа была полностью представлена приборами, аппаратурой и моделями, предназначенными для демонстрационных целей, например, при обучении или экспонировании (7,6%, или 16 млн долларов).

Что касается топлива, приносившего до ужесточения санкций наибольший доход (более 1 млрд долларов) в государственную казну КНДР, в 2018–2019 гг. объём поставок в рамках данной группы товаров составил 11,4 млн долларов (5,3%). Единственным товаром в группе была электроэнергия, на которую санкции не распространяются.

Импорт КНДР в целом и из КНР в частности снизился не так значительно, как экспорт. Максимальное значение стоимостного объёма за исследуемый период было достигнуто в 2017 г. (3,2 млрд долларов), минимальное – в 2018 г. (2,2 млрд долларов). В конце периода наблюдался незначительный рост поставок на 16,7% (до 2,6 млрд долларов).

Товарная структура импорта КНДР из Китая была более диверсифицирована, чем структура экспортных потоков. Так, на три лидирующих группы приходилась примерно четверть стоимости всех закупок. В 2015–2017 гг. в структуре импорта преобладали электрические машины и оборудование (*табл. 3*), представленные в основном сотовыми телефонами, аппаратурой для телевизионной связи и двигателями постоянного тока.

Таблица 3

Импорт КНДР из КНР в 2015–2017 гг.

Товарная группа	2015		2016		2017	
	млн дол-ларов	% совокупного объема	млн дол-ларов	% совокупного объема	млн дол-ларов	% совокупного объема
Электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, их части и принадлежности	331,7	11,3	281,8	9,9	332,8	10,3
Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части	251,5	8,5	237,8	8,4	248,2	7,6
Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, и их части и принадлежности	196,1	6,7	249,6	8,8	200,9	6,2
Пластмассы и изделия из них	167,9	5,7	177,3	6,2	227,8	7,0
Химические нити; плоские и аналогичные нити из химических текстильных материалов	151,6	5,2	175,1	6,2	214,2	6,6
Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные	147,7	5,0	138,5	4,9	69,4	2,1

В товарной группе «реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части» основной товарной позицией были компьютеры. На них приходилось 1,2% (36 млн долларов), 1,3% (38 млн долларов) и 0,9% (30 млн долларов) совокупной стоимости импорта в 2015, 2016 и 2017 г. соответственно.

В группе средств наземного транспорта в 2015 и 2016 г. основной товарной позицией были грузовые транспортные средства с массой более 20 т, на которые приходилось 2,5% (73 млн долларов) и 3,6% (103 млн долларов) соответственно. В 2017 г. в связи с ужесточением санкций лидерство перешло к мотоциклам и велосипедам, доля которых составила 1,2% (38 млн долларов).

Запреты со стороны СБ ООН привели к тому, что в структуре импорта 2018–2019 гг. три вышеупомянутых товарных группы не были представлены. Одновременно возросли доля и стоимость пластмасс и изделий из них: с 5,7% (168 млн долларов) в 2015 г. до 10,6% (275 млн долларов) в 2019 г. (табл. 3 и 4).

Основной товарной позицией на протяжении пяти рассматриваемых лет были покрытия для пола, стен или потолков. На них приходилось от 0,8% (24 млн долларов) в 2015 г. до 1,2% (32 млн долларов) в 2019 г. Нарастание импорта указанных товаров свидетельствует о том, что строительство туристических объектов и многоквартирных жилых домов в крупных городах на территории КНДР продолжалось [24].

Таблица 4

Импорт КНДР из КНР в 2018–2019 гг.

Товарная группа	2018		2019	
	млн дол- ларов	% сово- купного объёма	млн дол- ларов	% сово- купного объёма
Пластмассы и изделия из них	220,7	9,9	274,6	10,6
Химические нити; плоские и аналогичные нити из химических текстильных материалов	138,3	6,2	189,3	7,3
Жиры и масла животного или растительного происхождения и продукты их расщепления; готовые пищевые жиры; воски животного или растительного происхождения	155,7	7,0	143,8	5,6
Съедобные фрукты и орехи; кожура цитрусовых плодов или корки дынь	82,5	3,7	–	–
Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные	23,8	1,1	28,6	1,1

Следующая товарная группа, доля и стоимость которой возросли, – химические нити. Основной товар этой группы – ткани из синтетических комплексных нитей. На них приходилось от 2,7% (80 млн долларов) в 2015 г. до 3,6% (93 млн долларов) в 2019 г. Рост импорта сырья для текстильной промышленности может означать, что неофициальный экспорт текстиля и одежды из КНДР продолжается [24].

В отличие от двух вышеупомянутых групп доля и стоимость закупок топлива из КНР значительно снизились в связи с введением и ужесточением международных санкций. Основная товарная позиция – нефть и нефтепродукты – не менялась в течение исследуемого периода. В 2015 г. её поставки составили 2,3% (66 млн долларов) объёма импорта из КНР, в 2019 г. – 0,5% (12 млн долларов). При этом объём закупок упал с 123 тыс. т нефтепродуктов (2015 г.) до 11 тыс. т (по данным Комитета 1718 – 23 тыс. т¹) (2019 г.).

Импортируемые в настоящее время объёмы нефти и нефтепродуктов соответствуют примерно четвертой части от уровня потребления до введения санкций [3]. Экономика КНДР страдает от хронической нехватки электроэнергии и топлива со времён распада СССР. По данным Международного энергетического агентства Организации экономического сотрудничества и развития, в 2016 г. электроэнергию получали только 27% населения страны. Большинство районов за пределами столицы получают мало электроэнергии, за исключением промышленных зон вблизи границы с КНР, которые импортируют электроэнергию из китайской сети. Даже в г. Пхеньяне подача электроэнергии строго нормирована и осуществляется по графику. В жилых домах столицы свет отключают в 23:00 и возобновляют подачу электричества в 5:00 [5]. Запрет на поставки оборудования из-за рубежа также крайне негативно повлиял на создание новых электрогенерирующих мощностей. Однако эксперты считают [28; 29], что КНДР способна справиться со снижением поставок энергоносителей благодаря повышению эффективности конечного использования, прямому сокращению потребления энергии и переходу на

¹ Рассчитано по данным СБ ООН. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/1718/supply-sale-or-transfer-of-all-refined-petroleum> (дата обращения: 12.08.2020).

альтернативные источники (например, производство жидкого топлива из угля¹). Указанные меры позволят поддерживать рост экономики КНДР текущими темпами.

Следует учитывать, что несмотря на санкции, неофициальный импорт сырой нефти и нефтепродуктов продолжается путём незаконной морской перевалки [20; 22; 24; 26; 29]. Так, в 2019 г. США зарегистрировали 555 случаев поставки запрещённых товаров из КНДР в Китай.

Наконец, в течение рассматриваемого периода вырос импорт продовольственных товаров. В группе жиров и масел животного или растительного происхождения преобладало соевое масло. Его доля колебалась от 3,1% (101 млн долларов) до 4,5% (116 млн долларов). В то же время товарная группа съедобных фруктов и орехов была в основном представлена яблоками (2,2%, или 50 млн долларов). Поскольку северокорейские фирмы столкнулись с трудностями в получении иностранной валюты, они стали импортировать больше продуктов питания, чтобы получить валюту от граждан КНДР² [23].

Санкции негативно сказались на внешней торговле КНДР с Китаем. За последние пять лет экспорт сократился почти в 12 раз, а поставок несанкционированных товаров (часовых механизмов, париков, накладных ресниц, ферросилиция, вольфрама, молибдена и пр.) недостаточно для получения иностранной валюты. В то же время импорт снизился незначительно, что в 2019 г. привело к рекордному дефициту в 2,4 млрд долларов. Структура импорта также изменилась: поставки оборудования и транспортных средств – под запретом, закупки нефти и нефтепродуктов – жёстко регламентированы. Изменения в импорте КНДР можно интерпретировать двояко: с одной стороны, были прекращены закупки капитальных товаров, связанных с промышленным производством, что связано с санкциями; с другой стороны, рост импорта продовольственных товаров происходил с целью получения иностранной валюты от северокорейских граждан и направления её властям.

Россия. Экспорт КНДР в Россию снизился в 2019 г. по сравнению с 2015 г. в 1,9 раза – с 5,7 до 3 млн долларов. При этом динамика товаропотоков в исследуемый период была крайне нестабильна: максимальное значение показателя (10,6 млн долларов) было отмечено в 2016 г., минимальное (2 млн долларов) – в 2018 г.

В структуре экспорта КНДР в РФ в 2015 и 2017 г. преобладали предметы одежды (*табл. 5*). На них приходилась примерно треть стоимости всех поставок.

Резкое снижение доли данной группы в 2016 г. не было связано с существенным падением стоимости товаров. Как отмечалось выше, в 2016 г. объём экспорта КНДР в РФ был максимальным. В группе были представлены следующие товары: костюмы; брюки, комбинезоны и пальто. С сентября 2017 г. экспорт текстильных изделий из КНДР был запрещён.

Группа товаров «рыба и ракообразные, моллюски и прочие водные беспозвоночные» занимала второе место в экспорте КНДР в РФ в 2015 и 2016 г. (29,5 и 26,6% соответственно). Однако с августа 2017 г. эта категория товаров оказалась под запретом. До введения санкций единственной товарной позицией в группе была мороженная рыба.

Наибольший доход в казну КНДР по итогам торговли с РФ в 2016 г. принесли «средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, и их части и принадлежности». Основным товаром в группе были комплектующие: на них пришлось 32% (3,4 млн долларов).

¹ Хыннамский завод по производству химических удобрений перешёл на систему газификации антрацита (раньше работал за счёт поставок нефти). В перспективе планируется создание синтетического горючего на основе угля [13].

² По мнению Посла РФ в КНДР А. Мацегоры, «в стране самым активным образом используют денежную единицу государства, которое называют злейшим врагом». URL: https://dprk.mid.ru/ru/embassy/novosti_posolstva/k_rossiyanam_simpatiya_osobaya_posol_rossii_v_kndr_aleksandr_matsegora_o_tom_kak_vyzhivaet_strana_ch/ (дата обращения: 09.12.2020).

Таблица 5

Экспорт КНДР в РФ в 2015–2017 гг.

Товарная группа	2015		2016		2017	
	млн дол-ларов	% совокупного объёма	млн дол-ларов	% совокупного объёма	млн дол-ларов	% совокупного объёма
Предметы одежды и принадлежности к одежде, кроме трикотажных машинного или ручного вязания	1,7	30,0	1,3	11,8	1,2	31,8
Рыба и ракообразные, моллюски и прочие водные беспозвоночные	1,7	29,5	2,8	26,6	–	–
Инструменты музыкальные; их части и принадлежности	1,1	19,0	1,1	10,3	1,0	26,6
Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, и их части и принадлежности	–	–	3,7	34,7	–	–
Прочие химические продукты	–	–	–	–	0,4	9,7
Изделия из чёрных металлов	–	–	–	–	0,2	5,0

Санкционный режим привёл к тому, что основным источником дохода для северокорейских фирм при торговле с Россией стала поставка музыкальных инструментов. Так, в 2017 г. на данную группу товаров приходилось 26,6% совокупного объёма экспорта (981 тыс. долларов). Экспортировались в основном духовые музыкальные инструменты (аккордеоны) – 945 тыс. долларов (25,6% совокупного объёма экспорта). Стоит отметить, что в 2015 и 2016 г. стоимостной объём экспорта духовых музыкальных инструментов составлял 1,03 и 1,04 млн долларов соответственно (см. *табл. 5*). Резкий рост доли и стоимости указанных товаров произошёл в 2018–2019 гг. Наибольший удельный вес (72,3%, или 1,4 млн долларов) был достигнут в 2018 г., наибольшая стоимость (1,6 млн долларов, или 52,4%) – в 2019 г. (*табл. 6*). Товарная структура в рамках группы при этом не изменилась: на духовые музыкальные инструменты пришлось 68,3% (1,35 млн долларов) и 50,5% (1,53 млн долларов) совокупного объёма экспорта в 2018 и 2019 г. соответственно.

Второй по значимости группой товаров по итогам 2018 г. стали «пластмассы и изделия из них», на которые пришлось 10,6% (0,2 млн долларов). Основной товар – полипропилен (9,1%, или 180 тыс. долларов). По итогам 2019 г. данная товарная группа была слабо представлена (1,1%, или 34 тыс. долларов). Её место заняли «реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части» и «фармацевтическая продукция».

Среди оборудования доминирующей товарной позицией были насосы и компрессоры. На них пришлось 16% совокупного объёма экспорта 2019 г. (486 тыс. долларов). Фармацевтическая продукция была полностью представлена вакцинами для людей (0,4 млн долларов, или 13,9% совокупного стоимостного объёма экспорта 2019 г.).

Что касается импорта КНДР из России, то падение произошло в 1,7 раза (с 78,3 млн долларов в 2015 г. до 44,9 млн долларов в 2019 г.). Как и в случае с Китаем, внешнюю торговлю КНДР с РФ на протяжении исследуемого периода характеризовал хронический дефицит. Однако вследствие резкого падения объёмов северокорейского импорта он сократился с 72,6 млн долларов в 2015 г. до 41,8 млн долларов в 2019 г.

Таблица 6

Экспорт КНДР в РФ в 2018–2019 гг.

Товарная группа	2018		2019	
	млн долларов	% совокупного объёма	млн долларов	% совокупного объёма
Инструменты музыкальные; их части и принадлежности	1,4	72,3	1,6	52,4
Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, и их части и принадлежности	0,1	5,5	–	–
Пластмассы и изделия из них	0,2	10,6	0,0	1,1
Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части	0,1	5,5	0,6	19,3
Фармацевтическая продукция	–	–	0,4	13,9

Бесспорное лидерство в структуре импорта КНДР из РФ принадлежало группе топливных товаров (*табл. 7 и 8*). В 2015–2017 гг. на них приходилось более 80% стоимостного объёма импорта (от 57,6 до 65,1 млн долларов). Основным товаром в группе был уголь битуминозный: на него пришлось 57,1% (45 млн долларов), 74,8% (51 млн долларов) и 52,6% (40 млн долларов) совокупного стоимостного объёма импорта в 2015, 2016 и 2017 г. соответственно. В 2018–2019 гг. удельный вес и стоимость энергоносителей значительно снизились, а товарная структура в рамках группы изменилась в связи с запретами СБ ООН. Так, стоимость закупок нефти и нефтепродуктов в 2018 г. сократилась в 2,9 раза по сравнению с 2017 г. – с 62 до 21,6 млн долларов.

Так как поставки угля оказались под санкциями¹, основным импортным товаром из России стали лёгкие дистилляты. Их удельный вес равнялся 56,9% (18,3 млн долларов) и 52,6% (23,6 млн долларов) совокупного стоимостного объёма импорта в 2018 и 2019 г. соответственно. Стоит отметить, что Россия стала крупнейшим поставщиком нефти и нефтепродуктов на рынок КНДР после введения санкций.

В импорте КНДР из РФ в 2018–2019 гг., как и в случае с КНР, выросли доля и стоимость продовольственной продукции, которая также была реализована на местном рынке с целью получения твёрдой валюты от населения.

На три группы товаров приходилась четверть стоимости всех поставок (*табл. 8*). Группа «злаки» была полностью представлена пшеницей и меслином. Резкий рост стоимости импорта (в 3,3 раза) в 2019 г. по сравнению с 2018 г. был частично обусловлен неурожаем зерновых в КНДР в 2019 г. Мука пшеничная или пшенично-ржаная – единственный товар в группе мукомольно-крупяной продукции. Стоимость её закупок в 2019 г. по сравнению с 2018 г. также существенно выросла (в 1,4 раза) вследствие неурожая.

¹ Отметим, что перевозка российского угля в третьи страны в рамках проекта «Хасан – Раджин» не попадает под действие санкций СБ ООН. Однако российские компании прекратили поставки, опасаясь санкций со стороны США [16].

Таблица 7

Импорт КНДР из РФ в 2015–2017 гг.

Товарная группа	2015		2016		2017	
	млн дол-ларов	% совокупного объема	млн дол-ларов	% совокупного объема	млн дол-ларов	% совокупного объема
Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные	65,1	83,2	57,6	84,3	62,0	82,3
Злаки	2,7	3,5	–	–	–	–
Продукция мукомольно-крупяной промышленности; солод; крахмалы; инулин; пшеничная клейковина	2,3	2,9	3,4	5,0	2,3	3,1
Рыба и ракообразные, моллюски и прочие водные беспозвоночные	2,0	2,6	2,1	3,1	2,4	3,2
Жиры и масла животного или растительного происхождения и продукты их расщепления; готовые пищевые жиры; воски животного или растительного происхождения	–	–	–	–	3,0	3,9

Таблица 8

Импорт КНДР из РФ в 2018–2019 гг.

Товарная группа	2018		2019	
	млн дол-ларов	% совокупного объема	млн дол-ларов	% совокупного объема
Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные	21,6	67,3	27,2	60,6
Злаки	1,2	3,6	3,8	8,4
Продукция мукомольно-крупяной промышленности; солод; крахмалы; инулин; пшеничная клейковина	2,4	7,4	3,4	7,6
Жиры и масла животного или растительного происхождения и продукты их расщепления; готовые пищевые жиры; воски животного или растительного происхождения	4,2	13,0	4,2	9,4
Фармацевтическая продукция	1,4	4,3	2,5	5,6

В условиях ужесточения международных санкций руководство КНДР решило сделать максимальный упор на концепцию «чучхе». При этом для решения продовольственной проблемы предполагается «получение высокоурожайных сортов, соответствующих местным условиям», а также «активное внедрение современных технологий» для повышения производительности в сельском хозяйстве [13].

Наконец, в группе растительных масел преобладало соевое масло: 7,7% совокупного стоимостного объёма импорта 2018 г. (2,5 млн долларов) и 9,4% – 2019 г. (весь объём поставок в рамках группы – 4,2 млн долларов).

Импорт лекарственных средств в 2019 г. вырос в 1,8 раза по сравнению с 2018 г. Фармацевтическая продукция из РФ была представлена в основном витаминами и их производными (в 2018 г. – 1,1 млн долларов, или 3,5%; в 2019 г. – 2 млн долларов, или 4,6%).

Как и в случае с Китаем, международные санкции негативно сказались на северокорейской внешней торговле с РФ. Экспорт КНДР сократился почти вдвое, импорт – в 1,7 раза. В течение всего рассматриваемого периода сохранялся хронический дефицит внешнеторгового оборота. Однако, в отличие от торговли с КНР, дефицит товарооборота с Россией сократился вследствие сжатия северокорейского импорта. В настоящее время КНДР поставляет в РФ узкий список несанкционных товаров (музыкальные инструменты, насосы, вакцины и пр.), которые не всегда соответствуют требованиям российского рынка и не всегда обладают высоким качеством [8]. Структура импорта также подверглась изменениям, но лидирующую позицию в ней по-прежнему занимает топливо. Россия является главным поставщиком нефти и нефтепродуктов в КНДР (объёмы поставок находятся в пределах, регламентированных СБ ООН). Рост импорта продовольственных товаров происходил, во-первых, с целью получения иностранной валюты от северокорейских граждан, во-вторых, вследствие неурожая зерновых в КНДР в 2019 г.

Перспективы российско-корейского сотрудничества

«Стратегия экономического развития страны на 2016–2020 гг.» предполагает достижение самообеспеченности КНДР в как можно большем количестве сфер за счёт мобилизации внутренних резервов с упором на науку и технику [13]. Также приоритетным является расширение внешнеэкономических связей на основе их диверсификации.

Как отмечалось выше, более 90% внешнеторгового оборота КНДР приходится на Китай. Руководство страны, осознавая уязвимость такого положения, надеется на расширение круга партнёров за счёт сотрудничества с Россией прежде всего в сфере ТЭК. В настоящее время Россия и Китай выступают единственными поставщиками продуктов переработки нефти в КНДР (в пределах, установленных Комитетом 1718).

Для КНДР свойственна хроническая нехватка электроэнергии. На российском Дальнем Востоке она, наоборот, имеется в избытке. Поэтому весьма перспективными выглядят поставки на территорию КНДР электроэнергии, не подпадающей под действие санкций, в первую очередь в приграничный Раджин, где функционирует торгово-экономическая зона «Расон»¹ (далее – Расон) и ранее осуществлялся совместный проект «Хасан – Раджин». Также возможен экспорт российской электроэнергии в Республику Корея через территорию КНДР [3; 31]. Однако взаимодействие в электроэнергетической сфере сталкивается со следующими проблемами: неудовлетворительное состояние северокорейской сети ЛЭП; устаревшее и изношенное оборудование на большинстве электростанций [3; 28]; вопросы экономической эффективности и распределения инвестиций, а также высокий политический риск [19].

Проекты трёхстороннего (РФ, КНДР и Республика Корея) инфраструктурного сотрудничества в разных сферах (транспортные и электрические сети, газопроводы и др.) обсуждаются давно [1; 2; 14; 17; 18; 30]. Это обусловлено наличием в трёх странах взаимодополняющих ресурсов: дешёвая рабочая сила и минеральное сырьё КНДР, природные ресурсы России,

¹ Подробнее см. в [4].

передовые технологии и финансовые ресурсы Республики Корея. Кроме того, трёхстороннее сотрудничество может способствовать снижению напряжённости и решению ядерной проблемы Корейского полуострова. Однако имеется ряд ограничивающих сотрудничество факторов (помимо санкционного режима): конкуренция со стороны Китая, отсутствие финансовой поддержки, несоответствие интересов России и Республики Корея, неоднозначное определение принципов и направлений трёхстороннего сотрудничества, чрезмерное внимание к «горстке мегапроектов» [30; 33].

В случае отмены международных санкций перспективным становится осуществление совместных проектов на территориях с особым режимом хозяйствования (например, Расон, Кэсонский промышленный комплекс¹ и другие зоны экономического развития на территории КНДР; Свободный порт Владивосток, территории опережающего социально-экономического развития на российском Дальнем Востоке и особые экономические зоны на остальной территории РФ). Так, согласно опросу, проведённому среди 167 южнокорейских компаний, почти 75% респондентов были готовы инвестировать в КНДР (в частности, вернуться в Кэсонский промышленный комплекс), если бы санкции были сняты [27].

Также эксперты [30] считают перспективными следующие направления сотрудничества: лесной комплекс, рыбная и строительная отрасли, сельское хозяйство, горнодобывающие проекты и туризм.

До введения международных санкций Россия активно привлекала рабочую силу из КНДР². До принятия резолюции 2397 (2017)³ на территории РФ находились 32 тыс. северо-корейских рабочих, из них примерно 14 тыс. человек работали на Дальнем Востоке, остальные – в городах: Москва, Санкт-Петербург, Иркутск, Красноярск, Омск, Екатеринбург [32]. Около 80% северо-корейских трудовых мигрантов были заняты в строительной отрасли. Репатриация граждан КНДР в соответствии с требованиями СБ ООН существенно сказалась на строительной отрасли Приморского края, где застройщики особенно ценили дисциплинированность, ответственность и трудолюбие северо-корейских рабочих [21]. Несмотря на заявления российских властей о том, что все граждане КНДР, с которыми были заключены временные трудовые контракты, покинули территорию нашей страны, Государственный департамент США продолжает обвинять РФ и КНР в несоблюдении международных санкций. Так, заместитель помощника госсекретаря США по делам Северной Кореи А. Вон заявил, что на территории России и Китая северо-корейские граждане продолжают работать по туристическим и учебным визам.

В целом перспективы сотрудничества с КНДР (как двустороннего, так и трёхстороннего), которое в настоящее время ограничивается в основном гуманитарной помощью и торговлей узкой номенклатурой незапрещённых товаров, связаны с отменой международных санкций.

Заключение

Север и Юг Корейского полуострова развиваются отдельно на протяжении 70 лет. За этот период КНДР не удалось успешно «встроиться» в процессы международного экономического сотрудничества в регионе и мире. Единственной многосторонней структурой, в которой участвует республика, в настоящее время является Экономическая и социальная комиссия

¹ Подробнее см. в [4; 9; 11].

² Граждане КНДР трудились и в других странах: 50 тыс. рабочих находились в Китае; в Кувейте и Монголии работали около 4 тыс. человек, в Катаре – 2,5 тыс., в ОАЭ – 2 тыс. В странах ЕС находились от нескольких сотен до нескольких тысяч граждан КНДР [21; 25].

³ Согласно резолюции, государства-члены ООН были обязаны репатриировать всех граждан КНДР, получающих доход на их территории, в течение 24 месяцев – до 22 декабря 2019 г.

ООН для Азии и Тихого Океана (Субрегиональное отделение для Восточной и Северо-Восточной Азии). Что касается внешнеэкономического сотрудничества КНДР, то в соответствии с резолюциями СБ ООН действуют санкции, предполагающие полный запрет на вывоз из страны основных экспортных товаров, ограничения на импорт нефтепродуктов и использование за рубежом северокорейской рабочей силы. Введённые США и их союзниками «вторичные» расширительные санкции направлены на полную финансовую изоляцию КНДР, организацию её торговой и морской блокады.

До введения санкций внешняя торговля КНДР характеризовалась в целом положительным трендом. В географической структуре экспортных товарных потоков лидерство принадлежало Японии, Мексике и Китаю, в импортных – Китаю, России и Германии. В товарной структуре экспорта КНДР на протяжении всего исследуемого периода преобладали промышленные товары, в импорте их доля существенно снизилась к концу периода, уступив первенство группе сырьевых товаров.

Введение международных санкций и обострение отношений между Севером и Югом оказало значительный негативный эффект на внешнюю торговлю КНДР. Стоит отметить, что до 2013 г. (первое закрытие Кэсонского промышленного комплекса) в целом наблюдался положительный тренд, однако, ужесточение санкций и нивелирование торговли с Югом привели к сжатию экспортно-импортных операций страны. Так, экспорт из КНДР в Китай (ключевой партнёр, на которого приходится более 90% товарооборота) после введения санкций сократился в 12 раз. Значительного сжатия импорта из КНР не произошло, что привело к рекордному торговому дефициту – 2,4 млрд долларов.

Возможности восстановления внешнеэкономических отношений КНДР и развитие сотрудничества с другими странами (в том числе с Россией) тесно связаны с решением ядерной проблемы и отменой международных санкций.

Список литературы

1. Асмолов К.В., Захарова Л.В. Отношения России с КНДР в XXI веке: итоги двадцатилетия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 3. С. 585–604. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-3-585-604>
2. Бардаль А.Б., Демьяненко А.Н., Дёмина О.В., Дёмина Я.В., Ломакина Н.В., Минакир П.А. К вопросу о трёхстороннем экономическом сотрудничестве Республики Корея, КНДР и России // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 6. С. 18–36. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2018.6.18>
3. Дёмина О.В. Перспективы развития российских энергетических проектов на Корейском полуострове // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 3 (92). С. 8–19. <http://dx.doi.org/10.22394/1818-4049-2020-92-3-8-19>
4. Дёмина Я.В. Зоны экономического развития КНДР: перспективы функционирования в условиях санкций // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 4. С. 64–75. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2019.4.64>
5. Жабин Н. Более 50% населения КНДР живёт без электроснабжения. URL: <https://neftegaz.ru/news/energy/451828-bolee-50-naseleniya-kndr-zhivet-bez-elektrosnabzheniya> (дата обращения: 03.12.2020).
6. Жебин А.З. Корея на распутье // КНДР и РК – 70 лет. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 17–32.
7. Жебин А.З. США применяют против КНДР новое оружие – финансовое // Независимая газета. 2015. № 19 (6349). С. 1–2.
8. Забровская Л.В. Экономические связи российского Дальнего Востока с корейскими государствами // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 11. С. 114–121. <http://dx.doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-11-114-121>

9. *Захарова Л.В.* Внешнеэкономические связи КНДР в XXI веке и перспективы их развития при Ким Чен Ыне // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 4. С. 81–97.
10. *Захарова Л.В.* Внешнеэкономическое сотрудничество и его значение для экономики КНДР // КНДР и РК – 70 лет. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 164–177.
11. *Захарова Л.В.* Межкорейские экономические связи после «санкций от 24 мая 2010 г.» // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 3. С. 101–111.
12. *Захарова Л.В.* Межкорейское «потепление» 2018 года и перспективы возобновления экономических отношений Севера и Юга // Корейский полуостров в поисках мира и процветания. Сборник трудов конференции в 2 т. Т. 1. М.: ИДВ РАН, 2019. С. 289–303.
13. *Захарова Л.В.* Экономика КНДР: взгляд изнутри // Азия и Африка сегодня. 2017. № 12. С. 38–45.
14. *Захарова Л.В.* Экономические отношения России и КНДР в XXI в. // Азия и Африка сегодня. 2015. № 5. С. 15–21.
15. *Кириянов О.В.* Экономика КНДР в условиях жёсткого санкционного давления: особенности развития в 2016–2018 годы // Материалы VIII Международной корееведческой конференции. Владивосток: ДВФУ, 2019. С. 200–206.
16. *Козлов Л.Е.* Связи Дальнего Востока России и КНДР: история и современность // Корейский полуостров: история и современность. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 192–200.
17. *Кукла М.П.* Реалии и перспективы экономического сотрудничества России и КНДР // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 2 (41). С. 61–71.
18. *Мишин В.Ю.* Россия – КНДР: взаимный поиск путей интеграции. Возможности и перспективы // Россия и АТР. 2016. № 2 (92). С. 62–71.
19. *Синякова А.Ф.* Энергетическое сотрудничество в СВА: перспективы азиатского энергокольца // Восточная Азия в меняющемся мире : Доклады, представленные на VI Международной конференции молодых востоковедов в Институте Дальнего Востока РАН (Москва, 29–30 ноября 2018 г.). М.: ИДВ РАН, 2019. С. 154–160.
20. *Brunnstrom D.* U.S. Accuses China of «Flagrant» N. Korea Violations, Offers \$5 Million Reward. URL: <https://www.reuters.com/article/usa-northkorea-china-idUSKBN28B540> (дата обращения: 17.12.2020).
21. *Burghart S., Park D., Zakharova L.* The DPRK's Economic Exchanges with Russia and the EU Since 2000: An Analysis of Institutional Effects and the Case of the Russian Far East // Asia Europe Journal. 2020. № 18. Pp. 281–303. <https://doi.org/10.1007/s10308-019-00544-4>
22. *Byrne J., Byrne L.* Sierra Leone Registers North Korea Linked Vessels in Potential Sanctions Breach. URL: <https://www.nknews.org/2018/02/sierra-leone-registers-north-korea-linked-vessels-in-potential-sanctions-breach/> (дата обращения: 27.11.2020).
23. *Choi J.* Assessment of North Korea's Trade with China in 2018 and Prospects for 2019 // KIEP Opinions. 2019. № 156. Pp. 1–5.
24. *Choi J.* North Korea's Trade with China in 2019 // KIEP Opinions. 2020. № 187. Pp. 1–4.
25. *Chung C., Breuker R.* Commentary: North Korea Farming Out Forced Labor to the European Union. URL: <http://www.reuters.com/article/us-north-korea-eu-commentary-idUSKCN0XN2PA> (дата обращения: 17.11.2020).
26. *Cohen A.* North Korea Illegally Trades Oil, Coal, with China's Help. URL: <https://www.forbes.com/sites/arielcohen/2019/03/21/north-korea-illegally-trades-oil-coal-with-chinas-help/?sh=78d5b0d0301a> (дата обращения: 23.11.2020).
27. *Harris B., Hornby L., Sevastopulo D.* Economic Scramble for North Korea Picks Up Pace. URL: <https://www.straitstimes.com/opinion/economic-scramble-for-north-korea-picks-up-pace> (дата обращения: 22.11.2020).

28. Hippel D., Hayes P. DPRK Investments in Coal Gasification Driven by Long-Run Juche and Sanctions Proofing. URL: <https://nautilus.org/napsnet/napsnet-special-reports/dprk-investments-in-coal-gasification-driven-by-long-run-juche-and-and-sanctions-proofing/> (дата обращения: 01.12.2020).
29. Hippel D., Hayes P. Energy Insecurity in the DPRK: Linkages to Regional Energy Security and the Nuclear Weapons Issue. URL: <https://nautilus.org/napsnet/napsnet-special-reports/energy-insecurity-in-the-dprk-linkages-to-regional-energy-security-and-the-nuclear-weapons-issue/> (дата обращения: 01.12.2020).
30. Lee J., Park J., Kim S., Mikheev V.V., Minakir P.A., Karaganov S.A., Kim N., Kang B., Kim Ch. Peace and Prosperity on the Korean Peninsula and South Korea – North Korea – Russia Trilateral Cooperation // World Economy Brief. 2019. Vol. 9. № 24. Pp. 1–7.
31. Lim H., Kim J. DPRK's Special Economic Zone Policies: Recent Development and Future Challenges // KIEP World Economy Update. 2015. Vol. 5. № 16. Pp. 1–5.
32. Lukin A., Zakharova L. Russia – North Korea Economic Ties: Is There More Than Meets the Eye? // Orbis. 2018. Vol. 62. Issue 2. Pp. 244–261. <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2018.02.005>
33. Park J. New Approaches to the Trilateral Cooperation Between South Korea, North Korea and Russia // KIEP Opinions. 2019. № 162. Pp. 1–3.

References

1. Asmolov K.V., Zakharova L.V. Russia's Relations with the DPRK in the 21st Century: Results of the First 20 Years. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* [Vestnik RUDN. International Relations]. 2020. Vol. 20. No. 3. Pp. 585–604. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-3-585-604> (In Russian)
2. Bardal A.B., Demyanenko A.N., Dyomina O.V., Dyomina Y.V., Lomakina N.V., Minakir P.A. About the Trilateral Economic Cooperation of Republic of Korea, DPRK, and Russia. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2018. Vol. 5. No. 6. Pp. 18–36. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2018.6.18> (In Russian)
3. Dyomina O.V. Prospects for Development of the Russian Energy Projects on the Korean Peninsula. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia]. 2020. No. 3 (92). Pp. 8–19. <http://dx.doi.org/10.22394/1818-4049-2020-92-3-8-19> (In Russian)
4. Dyomina Ya.V. Economic Development Zones in the DPRK: Prospects Under International Sanctions. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2019. Vol. 6. No. 4. Pp. 64–75. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2019.4.64> (In Russian)
5. Zhabin N. 50% of the DPRK's Population Lives Without Electricity. Available at: <https://neftegaz.ru/news/energy/451828-bolee-50-naseleniya-kndr-zhivet-bez-elektrosnabzheniya> (accessed 3 December 2020). (In Russian)
6. Zhebin A.Z. Korea at the Crossroad. In: *The DPRK and the ROK: The 70th Anniversary of Foundation*. Moscow, 2018. Pp. 17–32. (In Russian)
7. Zhebin A.Z. USA Uses New Weapons Against North Korea – Financial. *Nezavisimaya gazeta* [Independent Newspaper]. 2015. No. 19 (6349). Pp. 1–2. (In Russian)
8. Zabrovskaya L.V. Economic Ties of the Russian Far East with the Korean States. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. 2019. Vol. 63. No. 11. Pp. 114–121. <http://dx.doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-11-114-121> (In Russian)
9. Zakharova L.V. Foreign Economic Relations of DPRK in XXI Century and Prospects of Their Development Under Kim Jong-Un. *Problemy Dal'nego Vostoka* [The Far Eastern Affairs]. 2013. No. 4. Pp. 81–97. (In Russian)
10. Zakharova L.V. Economic Cooperation with Foreign Countries and Its Role for the DPRK's Economy. In: *The DPRK and the ROK: The 70th Anniversary of Foundation*. Moscow, 2018. Pp. 164–177. (In Russian)

11. Zakharova L.V. Inter-Korean Economic Ties After the «Sanctions of May 24, 2010». *Problemy Dal'nego Vostoka* [The Far Eastern Affairs]. 2016. No. 3. Pp. 101–111. (In Russian)
12. Zakharova L.V. Inter-Korean «Detente» 2018 and Prospects of North – South Economic Relations Revival. In: *The Korean Peninsula in Search of Peace and Prosperity. Proceedings of the Conference in 2 Vols.* Vol. 1. Moscow, 2019. Pp. 289–303. (In Russian)
13. Zakharova L.V. The DPRK Economy: An Inside Look. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today]. 2017. No. 12. Pp. 38–45. (In Russian)
14. Zakharova L.V. Russia – North Korea's Economic Relations in the XXIth Century. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today]. 2015. No. 5. Pp. 15–21. (In Russian)
15. Kiryanov O.V. The Economy of the DPRK Under Severe Sanctions Pressure: Features of Development in 2016–2018. In: *Proceedings of the VIII International Korean Studies Conference.* Vladivostok, 2019. Pp. 200–206. (In Russian)
16. Kozlov L.E. The Contacts Between the Russian Far East and the DPRK: Past and Present. In: *The Korean Peninsula: History and Present Times.* Moscow, 2020. Pp. 192–200. (In Russian)
17. Kukla M.P. Realities and Prospects of the Russia – North Korea Economic Relations. *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Ojkumena. Regional Researches]. 2017. No. 2 (41). Pp. 61–71. (In Russian)
18. Mishin V.Yu. Russia – North Korea: Mutual Search of Integration Paths. Possibilities and Prospects. *Rossiya i ATR* [Russia and the Pacific]. 2016. No. 2 (92). Pp. 62–71. (In Russian)
19. Sinyakova A.F. Energy Cooperation in North – East Asia: Asian Energy Ring Prospects. In: *East Asia in a Changing World : Reports Presented at the VI International Conference of Young Orientalists at the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences* (Moscow, November 29–30, 2018). Moscow, 2019. Pp. 154–160. (In Russian)
20. Brunnstrom D. *U.S. Accuses China of «Flagrant» N. Korea Violations, Offers \$5 Million Reward.* Available at: <https://www.reuters.com/article/usa-northkorea-china-idUSKBN28B540> (accessed 17 December 2020).
21. Burghart S., Park D., Zakharova L. The DPRK's Economic Exchanges with Russia and the EU Since 2000: An Analysis of Institutional Effects and the Case of the Russian Far East. *Asia Europe Journal.* 2020. No. 18. Pp. 281–303. <https://doi.org/10.1007/s10308-019-00544-4>
22. Byrne J., Byrne L. *Sierra Leone Registers North Korea Linked Vessels in Potential Sanctions Breach.* Available at: <https://www.nknews.org/2018/02/sierra-leone-registers-north-korea-linked-vessels-in-potential-sanctions-breach/> (accessed 27 November 2020).
23. Choi J. Assessment of North Korea's Trade with China in 2018 and Prospects for 2019. *KIEP Opinions.* 2019. No. 156. Pp. 1–5.
24. Choi J. North Korea's Trade with China in 2019. *KIEP Opinions.* 2020. No. 187. Pp. 1–4.
25. Chung C., Breuker R. *Commentary: North Korea Farming Out Forced Labor to the European Union.* Available at: <http://www.reuters.com/article/us-north-korea-eu-commentary-idUSKCN0XN2PA> (accessed 17 November 2020).
26. Cohen A. *North Korea Illegally Trades Oil, Coal, with China's Help.* Available at: <https://www.forbes.com/sites/arielcohen/2019/03/21/north-korea-illegally-trades-oil-coal-with-chinas-help/?sh=78d5b0d0301a> (accessed 23 November 2020).
27. Harris B., Hornby L., Sevastopulo D. *Economic Scramble for North Korea Picks Up Pace.* Available at: <https://www.straitstimes.com/opinion/economic-scramble-for-north-korea-picks-up-pace> (accessed 22 November 2020).
28. Hippel D., Hayes P. *DPRK Investments in Coal Gasification Driven by Long-Run Juche and Sanctions Proofing.* Available at: <https://nautilus.org/napsnet/napsnet-special-reports/dprk-investments-in-coal-gasification-driven-by-long-run-juche-and-and-sanctions-proofing/> (accessed 1 December 2020).

29. Hippel D., Hayes P. *Energy Insecurity in the DPRK: Linkages to Regional Energy Security and the Nuclear Weapons Issue*. Available at: <https://nautilus.org/napsnet/napsnet-special-reports/energy-insecurity-in-the-dprk-linkages-to-regional-energy-security-and-the-nuclear-weapons-issue/> (accessed 1 December 2020).
30. Lee J., Park J., Kim S., Mikheev V.V., Minakir P.A., Karaganov S.A., Kim N., Kang B., Kim Ch. Peace and Prosperity on the Korean Peninsula and South Korea – North Korea – Russia Trilateral Cooperation. *World Economy Brief*. 2019. Vol. 9. No. 24. Pp. 1–7.
31. Lim H., Kim J. DPRK's Special Economic Zone Policies: Recent Development and Future Challenges. *KIEP World Economy Update*. 2015. Vol. 5. No. 16. Pp. 1–5.
32. Lukin A., Zakharova L. Russia – North Korea Economic Ties: Is There More Than Meets the Eye? *Orbis*. 2018. Vol. 62. Issue 2. Pp. 244–261. <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2018.02.005>
33. Park J. New Approaches to the Trilateral Cooperation Between South Korea, North Korea and Russia. *KIEP Opinions*. 2019. No. 162. Pp. 1–3.

■ ■ ■
Для цитирования:

Дёмина Я.В. Внешняя торговля КНДР: влияние санкций // Регионалистика. 2021. Т. 8. № 1. С. 5–28. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.1.5>

For citing:

Dyomina Ya.V. DPRK's Foreign Trade: The Impact of Sanctions. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2021. Vol. 8. No. 1. Pp. 5–28. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.1.5> (In Russian)

НАМЖИЛОВА**Виктория
Очировна**

Кандидат экономических
наук, научный сотрудник
Бурятский научный центр
СО РАН,
ул. Сахьяновой, 8, Улан-Удэ,
Россия, 670047

NAMZHILOVA**Victoria
Ochirovna**

Candidate of science
(economics), research fellow
Buryat Scientific Centre
SB RAS,
8, Sakhyanovoy Street,
Ulan-Ude, Russia, 670047

dayavika@yandex.ru

УДК 339.5

**РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИЕ ТОРГОВО-
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ:
ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ**

В статье рассматривается роль Дальнего Востока в современных российско-монгольских торгово-экономических отношениях. На основе данных таможенной статистики определены особенности взаимной торговли дальневосточных субъектов РФ с Монголией. Выявлены факторы, обусловившие растущий интерес Улан-Батора к российским дальневосточным портам. Выделены монгольские проекты строительства железных дорог, потенциально направленные на усиление транспортной связности с российскими территориями, особенно в условиях необходимости диверсификации поставок минерального сырья. Показаны «узкие места» транспортно-логистической среды в граничащем с Монголией регионе – Республике Бурятия. Результаты исследования могут быть использованы в практике реализации транспортно-логистических решений для расширения российско-монгольской торговли.

Российско-монгольская торговля, экспорт, импорт, транзит угля, дальневосточные порты, грузоперевозки, строительство терминалов

**RUSSIAN-MONGOLIAN TRADE
AND ECONOMIC RELATIONS:
FAR EASTERN PROSPECTS**

The article examines the role of the Far East in modern Russian-Mongolian trade and economic relations. Based on the data of customs statistics, the features of mutual trade of the Far Eastern subjects with Mongolia are determined. The factors determining the growing interest of Ulaanbaatar to Russian Far Eastern ports are identified. Author highlights the Mongolian projects of railways construction, potentially aimed at enhancing transport connectivity with Russian territories, especially in the context of mineral raw materials supply diversification. The «bottlenecks» of the transport and logistics environment in the region bordering on Mongolia – the Republic of Buryatia, are shown. The research findings are applicable to management practices, especially those concerning transport and logistics solutions to ensure Russian-Mongolian trade.

Russian-Mongolian trade, export, import, transit of coal, Far Eastern ports, cargo transportation, construction of terminals

© Намжилова В.О., 2021

Введение

В последние годы наблюдается активизация деловых связей России и Монголии, включая ежегодное участие представительных монгольских делегаций в Восточном экономическом форуме и создание российско-монгольской рабочей группы по промышленности. Идёт поиск новых перспективных направлений взаимодействия, общие усилия направлены на создание благоприятных условий для реализации совместных проектов. Долгое время в силу разных причин вопросы торгово-экономического сотрудничества России и Монголии оставались второстепенными, и сегодня приходит понимание, что многолетнюю историю добрососедских отношений необходимо укреплять экономически [4]. Эта необходимость становится ещё более очевидной на фоне высокой динамики торгово-экономических связей Монголии с его южным соседом – Китаем [7]. Как справедливо отмечают эксперты, трансграничные взаимодействия в Северо-Восточной Азии имеют большой потенциал [5]. В связи с этим растёт геополитическое значение российского Дальнего Востока: поставлена амбициозная задача по увеличению товарооборота России с Монголией до 0,5 млрд долларов США.

Дальний Восток в российско-монгольской торговле

В настоящее время вклад Дальнего Востока в российско-монгольский товарооборот составляет всего 4%, в экспорт – 3,9% и импорт – 9,1% (*табл. 1*). По итогам 2019 г. товарооборот ДФО с Монголией составил 70,8 млн долларов, из них экспорт – 67,7 млн долларов, импорт – 3,1 млн долларов. При этом в последнее десятилетие товарооборот макрорегиона с Монголией отличается положительной динамикой за исключением сокращения торговли в кризисном 2015 г. По данным официальной таможенной статистики, внешнеторговый оборот вырос с 16,9 млн долларов в 2011 г. до 70,8 млн долларов в 2019 г. Однако здесь обязательно уточнение: рост в последние годы обусловлен включением в состав ДФО¹ регионов, непосредственно граничащих и имеющих активные внешнеэкономические связи с Монголией.

Таблица 1

Вклад ДФО в показатели внешней торговли России с Монголией

Год	Оборот		Экспорт		Импорт	
	тыс. долларов	%	тыс. долларов	%	тыс. долларов	%
2011	16 921,7	1,1	16 338,9	1,1	582,8	0,7
2012	21 201,7	1,1	20 696,2	1,1	505,5	0,8
2013	25 296,2	1,6	24 965,2	1,6	331,0	0,8
2014	27 631,9	1,8	27 017,7	1,9	614,2	1,5
2015	19 255,4	1,7	18 389,5	1,7	865,9	2,0
2016	22 913,2	2,5	22 413,6	2,5	499,6	1,4
2017	41 549,9	3,0	41 152,2	3,1	397,7	1,0
2018*	41 681,7	2,5	39 470,2	2,5	2 211,5	5,1
2019**	70 799,0	4,0	67 730,0	3,9	3 069,0	9,1

Примечания: * – включая сведения по Республике Бурятия и Забайкальскому краю за ноябрь – декабрь 2018 г.; ** – включая сведения по Республике Бурятия и Забайкальскому краю за весь 2019 г.

Источник: составлено по данным ФТС России. URL: <http://customs.ru/statistic> (дата обращения: 05.09.2020).

¹ Указом Президента РФ № 632 от 3 ноября 2018 г. к дальневосточным субъектам РФ были отнесены Республика Бурятия и Забайкальский край.

В целях обеспечения сопоставимости показателей необходимо анализировать данные по внешней торговле ДФО с Монголией, «очищенные» от данных по двум нововведённым в состав ДФО субъектам РФ. Если в целом исследователи выявили относительно малый «масштаб» структурных сдвигов во внешней торговле ДФО вследствие изменения его административных границ [2], то отнесение Республики Бурятия и Забайкальского края к дальневосточным субъектам РФ значительно повлияло на показатели торговли ДФО с Монголией: разница в значениях – 2,4 раза. Таким образом, без учёта Республики Бурятия и Забайкальского края товарооборот ДФО с Монголией в 2019 г. составил 29,3 млн долларов.

Далее, изучая роль Дальнего Востока в развитии российско-монгольской торговли, будем рассматривать ДФО в его современных границах, охватывающих одиннадцать субъектов РФ. Анализ территориальной структуры внешней торговли дальневосточных субъектов РФ с Монголией показывает, что большую часть внешнеторгового оборота обеспечивают два субъекта: Республика Бурятия и Амурская область (их совокупная доля в экспортных и импортных операциях более 90%). При этом экспорт Амурской области практически целиком формируется поставками электроэнергии: хотя электроэнергия поставляется с Гусиноозёрской ГРЭС, расположенной на юге Республики Бурятии, учёт экспорта ведётся по юридическому адресу государственной регистрации экспортёра – АО «Восточная энергетическая компания». Четыре дальневосточных региона не осуществляют торговлю с Монголией, что во многом объясняется их значительной отдалённостью и транспортной труднодоступностью. Остальные пять субъектов РФ в составе ДФО осуществляют торговлю с Монголией в пределах нескольких сотен тысяч долларов (*табл. 2*).

Таблица 2

Территориальная структура внешней торговли ДФО с Монголией в 2019 г.

Субъект РФ	Экспорт		Импорт	
	тыс. долларов	% к итогу	тыс. долларов	% к итогу
Республика Саха (Якутия)	368,5	0,5	0,3	*
Камчатский край	–	–	–	–
Приморский край	96,8	0,1	1,5	*
Хабаровский край	532,1	0,8	238,6	7,8
Амурская область	27 701,9	40,9	371,2	12,1
Магаданская область	–	–	–	–
Сахалинская область	–	–	–	–
ЕАО	–	–	30,9	1,0
ЧАО	–	–	–	–
Республика Бурятия	36 736,8	54,2	2 386,1	77,8
Забайкальский край	2 293,8	3,4	40,4	1,3

Примечание. * – меньше 0,1%.

Источник: составлено по данным ФТС России. URL: <http://customs.ru/statistic> (дата обращения: 15.10.2020).

Основными экспортными позициями в товарной структуре внешней торговли дальневосточных субъектов РФ с Монголией являются: электроэнергия (товарная группа «минеральные продукты»), продукты питания (яйца, масла, кондитерские изделия и др.) и машиностроительная продукция (*табл. 3*). Подробный анализ данных таможенной статистики подтверждает узкий характер специализации экспорта большинства дальневосточных регионов, за исключением Забайкальского края и Республики Бурятия. В этом ключе прослеживается влияние на товарную структуру внешней торговли регионов приграничного положения и наличия международной транспортной инфраструктуры. Так, экспорт Забайкальского края охватывает 19 товарных групп, а для Республики Бурятия характерна наиболее широкая номенклатура экспортных товаров. При этом тенденция её расширения сформировалась за последние годы: если в 2011 г. регион экспортировал товары в Монголию всего по 24 товарным группам из 97, то в 2019 г. вывозимые товары охватывали уже 83 товарные группы товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (ТН ВЭД).

Таблица 3

Товарная структура внешней торговли ДФО с Монголией в 2019 г.

Товарная группа (код ТН ВЭД)	Экспорт		Доля ДФО в структуре экспорта РФ в Монголию, %	Импорт		Доля ДФО в структуре импорта РФ из Монголии, %
	тыс. дол- ларов	% к итогу		тыс. дол- ларов	% к итогу	
Продовольственные товары и с.-х. сырьё (01-24)	19 088,9	28,2	10,1	622,3	20,3	52,0
Минеральные продукты (25-27)	28 819,5	42,6	2,5	711,6	23,2	2,7
Продукция химической промышленности (28-40)	3 148,2	4,6	2,9	10,2	0,3	56,7
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия (44-49)	3 467,0	5,1	23,9	3,4	0,1	5,8
Текстиль, текстильные изделия и обувь (50-67)	1 488,9	2,2	39,0	833,3	27,2	17,9
Металлы и изделия из них (72-83)	2 574,2	3,8	2,8	58,1	1,9	98,5
Машиностроительная продукция (84-90)	8 154,5	12,0	0,5	536,4	17,5	87,6
Прочие товары (41-43, 68-71, 91-97)	988,8	1,5	2,9	293,8	9,6	69,0

Источник: рассчитано по данным ФТС России. URL: <http://customs.ru/statistic> (дата обращения: 15.10.2020).

В дальневосточном импорте монгольских товаров можно выделить следующие основные товарные группы: текстиль, текстильные изделия и обувь (27,2%); минеральные продукты (23,2%); продовольственные товары (20,3%) и машиностроительная продукция (17,5%). В динамике импорта ДФО из Монголии также прослеживается тенденция расширения номенклатуры товаров: если в 2011 г. были представлены лишь 10 товарных групп, то в 2019 г. уже 21 группа товаров стоимостью свыше 1 тыс. долларов.

В апреле 2018 г. по итогам встречи полномочного представителя Президента РФ в ДФО Ю. Трутнева с Премьер-министром Монголии У. Хурэлсухом и Вице-премьером Правительства Монголии У. Энхтүвшинном была поставлена амбициозная задача увеличить товарооборот ДФО с Монголией до 500 млн долларов, при этом конкретные сроки обозначены не были¹. Перспективы достижения целевого уровня представляются весьма далёкими, но в определённой степени могут быть связаны с расширением торговли вследствие реализации инфраструктурных проектов.

Инфраструктурные проекты Монголии: роль дальневосточных портов

Интересы Монголии на российском Дальнем Востоке связаны в первую очередь с обеспечением доступа к дальневосточным морским портам для выхода монгольской продукции горнорудной отрасли на мировые рынки². В настоящее время ведётся активная разработка природных ресурсов на малоосвоенных территориях Монголии. Среди стратегических месторождений полезных ископаемых: Таван-Толгой, Нарийн-Сухайт (уголь), Оюу-Толгой (медь, золото), Цагаан Суварга (медь, молибден), Тумуртэй (железная руда), Асгат (серебро) и др. Именно природные ресурсы стали основой динамичного развития экономики и международного сотрудничества Монголии [6]. При этом ключевым потребителем сырьевой продукции является Китай, доля которого во внешнеторговом обороте Монголии превышает 60%, а в экспорте составляет порядка 90% [9]. Расположение крупных осваиваемых месторождений в непосредственной близости от южной границы страны (250–300 км) создаёт исключительно благоприятные условия для Китая как одного из основных инвесторов, потребителей, а также потенциального транзитёра монгольского сырья на азиатские рынки [3].

Высокая зависимость экономического благополучия от южного соседа заставляет Монголию искать пути диверсификации рынков сбыта минерального сырья и прорабатывать транспортно-логистическое направление, поскольку при колоссальных запасах полезных ископаемых более остро стоит задача развития сопутствующей инфраструктуры. Освоение крупных месторождений полезных ископаемых становится мощным стимулом для развития монгольской сети железных дорог, включая не только модернизацию главной магистрали – Улан-Баторской железной дороги, но и реализацию масштабной программы строительства новой железнодорожной инфраструктуры. В общей сложности Монголия планирует в три этапа построить железные дороги протяжённостью 5,7 тыс. км (при существующих 1,9 тыс. км), что предполагает колоссальные изменения. Таким образом, не имея выхода к морю, Монголия создаёт условия для транспортировки минерального сырья.

Для России большой интерес представляет не только реконструкция магистрального хода Улан-Баторской железной дороги, но и строительство железных дорог в восточном и северо-восточном направлениях: прежде всего железнодорожной линии Таван-Толгой – Зунбуян, строительство которой начато в мае 2019 г. Данная ветка протяжённостью 414 км соединит месторождение коксующегося угля на юге страны с главной железнодорожной магистралью Монголии³. Тем самым открываются новые возможности для транспортировки

¹ Елаш А. Россия и Монголия увеличат товарооборот за счёт потенциала Дальнего Востока. URL: https://minvt.gov.ru/press-center/news/15146/?sphrase_id=1481391 (дата обращения: 11.10.2020).

² Батболд Ш. Алс Дорнод дахь Монголын ашиг сонирхол (Интересы Монголии на Дальнем Востоке). URL: <https://www.montsame.mn/mn/read/200056> (дата обращения: 16.10.2020).

³ Павлов В. Углю приготовят две дороги. URL: <https://gudok.ru/1520/newspaper/detail.php?ID=1464391> (дата обращения: 11.10.2020).

минерального сырья и продуктов его переработки, в том числе в Россию через пограничный переход Наушки – Сухэ-Батор, по Транссибу к российским портам на Дальнем Востоке и далее в третьи страны.

Дальнейшее перспективное возведение железной дороги в направлении Сайншанд – Баруун-Урт – Чойбалсан протяжённостью 640 км даст выход на железнодорожный пограничный переход Соловьёвск – Эрэнцав на восточной окраине российско-монгольской границы, при этом расширяя доступ к урановым месторождениям в аймаке Дорнод. Кроме того, изучаются проекты доступа к дальневосточным портам через территорию Китая при условии удлинения международных транспортных коридоров Приморье-1 и Приморье-2. Иными словами, Монголия придаёт важное значение совмещению своих инфраструктурных проектов с Россией и Китаем, в том числе в рамках создания трёхстороннего экономического коридора. Расширение железнодорожной сети Монголии не только позволит задействовать труднодоступные месторождения, но и в целом укрепит транспортную взаимосвязанность трёх соседних стран [8].

Вышесказанное объясняет заинтересованность Монголии в создании логистического хаба в одном из дальневосточных портов России для обеспечения своего экспорта в страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Заявляя об этом на Восточном экономическом форуме в 2017 г., Президент Монголии Х. Баттулга прежде всего отметил интерес к порту Восточный¹. Со временем под строительство угольного терминала была выбрана площадка в бухте Троицы в порту Зарубино. На Восточном экономическом форуме в 2019 г. стало известно о совместном проекте российской транспортной группы FESCO (ПАО «ДВМП») и монгольской госкомпании «Эрдэнэс Таван Толгой» по созданию угольного терминала, ориентированного на грузопоток из Монголии. Подготовлено предварительное технико-экономическое обоснование проекта, суммарные инвестиции оцениваются в 260 млн долларов², ввод в эксплуатацию планируется в 2024 г. Реализация данного проекта мощностью до 10 млн т создаст определённый противовес наращиваемой пропускной способности на монголо-китайской границе, где инфраструктурные преобразования ведут к увеличению объёмов ежегодных поставок угля с нынешних 36 до 60 млн т.

Следует отметить ещё один сделанный шаг, способствующий выходу Монголии к дальневосточным морским портам России. После нескольких лет согласования в июне 2018 г. было подписано межправительственное соглашение о транзитных перевозках по железным дорогам³. Соглашением предусматриваются гибкая тарифная политика в отношении транзитных грузов; обеспечение конкурентоспособности тарифов на грузовые железнодорожные перевозки по сравнению с альтернативными направлениями на долгосрочной основе; облегчение процедур пересечения государственной границы для грузов, перевозимых железнодорожным транспортом и создание условий для беспрепятственного выхода к морю для экспортёров Монголии⁴.

¹ Монголию интересует возможность использования порта Восточный в Приморье. URL: <http://tass.ru/vef-2017/articles/4529860> (дата обращения: 11.10.2020).

² Fesco планирует вложить \$260 миллионов в угольный терминал в Зарубино. URL: <https://ria.ru/20190904/1558266832.html> (дата обращения: 17.10.2020).

³ Монголия и Россия согласовали условия транзита грузов по железной дороге. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2429061.html> (дата обращения: 20.10.2020).

⁴ См. Распоряжение Правительства РФ № 268-р от 21 февраля 2018 г. «О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии об условиях транзитных перевозок грузов железнодорожным транспортом».

Транспортно-логистическая среда на российско-монгольской границе (на примере Республики Бурятия)

В обеспечении российско-монгольской торговли ключевую роль играет приграничный регион – Республика Бурятия. По её территории проходят автомобильная дорога федерального значения Улан-Удэ – Кяхта – Монголия и южная ветка Восточно-Сибирской железной дороги на Монголию. Здесь расположены основные пограничные переходы российско-монгольской границы: многосторонний автомобильный пункт пропуска (МАПП) Кяхта и железнодорожный пункт пропуска (ЖДПП) Наушки.

Данные таможенной статистики свидетельствуют об устойчивом росте грузоперевозок через данные пункты пропуска (*табл. 4*), при этом грузопоток в сторону Монголии значительно превышает грузопоток в обратном направлении: на железнодорожном транспорте – в 7,4 раза, на автомобильном – в 13 раз.

Таблица 4

Грузопоток в основных пунктах пропуска на российско-монгольской границе, тыс. т

Пункт пропуска	2015	2016	2017	2018	2019
МАПП Кяхта	84,4	126,2	148,8	169,1	190,2
ЖДПП Наушки	3 978,7	4 383,7	5 514,9	6 170,3	6 910,8

Источник: составлено по данным Бурятской таможни Дальневосточного таможенного управления ФТС России.

На территории Республики Бурятия консолидируется значительная часть грузов, следующих в Монголию со всей России прежде всего грузовыми автомобилями. Хотя в настоящее время объёмы автомобильных грузоперевозок относительно небольшие, тем не менее наблюдается тенденция к их увеличению вслед за возрастающим взаимным товарооборотом между Россией и Монголией. Потенциальная интенсификация грузовых автомобильных перевозок требует развития транспортно-логистической инфраструктуры в г. Улан-Удэ, а также в местах, приближенных к государственной границе. Так, в ожидании реализации находится проект строительства таможенно-логистического комплекса в непосредственной близости от МАПП Кяхта [1].

Железнодорожные перевозки консолидированных грузов из Республики Бурятия в Монголию значительно уступают по привлекательности автомобильному транспорту в силу целого ряда причин: высокой стоимости отправки груза (стоимость перевозок крытыми вагонами увеличивается в 2 раза и более, контейнерами – в несколько раз), увеличенных сроков доставки, дополнительных расходов на перевалку грузов и складирование, особенностей оформления таможенных документов. Тем не менее развитие железнодорожных грузоперевозок между Россией и Монголией становится особенно актуальным на фоне вводимых ограничений в секторе автомобильных перевозок – коррективы в ситуацию вносит пандемия COVID-19. Так, с 16 ноября 2020 г. во избежание распространения новой коронавирусной инфекции Монголия инициировала приостановку работы большей части автомобильных пунктов пропусков на российско-монгольской границе, включая МАПП Кяхта¹, что привело к скоплению грузов на складах перевозчиков и перемещению грузовых потоков на железную дорогу. В этой ситуации

¹ Хилийн боомтуудыг түр хааж, нэвтрэх хөдөлгөөнийг зогсоов (Временно закрыты пограничные переходы, движение приостановлено). URL: <https://news.mn/r/2373199/> (дата обращения: 15.11.2020).

стала очевидной необходимость строительства современного терминала для обработки железнодорожных грузов. Хотя вопрос создания подобного терминала, к примеру, транспортно-логистического центра на базе грузового двора железнодорожной станции Тальцы, обсуждается давно, нынешние условия могут стать катализатором для его решения.

Строительство грузовых терминалов в Республике Бурятия актуально ещё и потому, что в целом согласуется с идеей создания комфортных условий для функционирования транспортных коридоров, в том числе в рамках экономического коридора Китай – Монголия – Россия. В последние годы в международных контейнерных грузоперевозках между Китаем и Европой растёт значимость ЖДПП Наушки, который представляет альтернативу маршрутам через пункты пропуска Республики Казахстан и погранпереход Забайкальск – Маньчжурия. Создание условий для эффективного консолидирования контейнерных грузов в приграничном с Монголией регионе позволит привлечь внимание многих российских грузоотправителей.

Кроме того, определённую грузовую базу создают и местные предприятия, осваивающие монгольский рынок. По данным АО «Российский экспортный центр», Республика Бурятия находится на пятом месте по объёму несырьевого неэнергетического экспорта в Монголию среди российских регионов, при этом номенклатура экспорта отличается наибольшим разнообразием товаров. Развитие экспорта продовольственных товаров (пригодных для контейнеризации и востребованных на монгольском рынке) и освоение новых товарных ниш будут положительно влиять на рост железнодорожных грузоперевозок при условии оптимизации тарифов.

Таким образом, вне всякого сомнения, реализация транспортно-логистических решений на территории Республики Бурятия крайне важна как на локальном уровне, так и для обеспечения российско-монгольской торговли в целом, и даже в свете продвижения международного транспортного коридора Россия – Монголия – Китай на рынке грузоперевозок между Азией и Европой. Рассмотренный выше вопрос налаживания грузоперевозок минерального сырья из Монголии к дальневосточным портам России также напрямую затрагивает тему организации транспортной логистики в Республике Бурятия. Представляется, что совершенствование транспортно-логистической инфраструктуры будет зависеть от эффективности государственно-частного партнёрства, выработки общей стратегии с учётом интересов большого числа участников. В целом, очевидно, что развитие транспортно-логистического комплекса в Республике Бурятия будет иметь мультипликативный эффект.

Заключение

Подводя итоги, необходимо отметить, что несмотря на скромные масштабы внешнеторговых связей российского Дальнего Востока с Монголией, очевидны перспективы расширения взаимодействия в сфере неэнергетического экспорта и транзита, развития приграничных территорий. В условиях отсутствия выхода к морю Монголия развивает сети транспортной инфраструктуры для диверсификации поставок минерального сырья – здесь определённые ожидания связаны с транзитом к российским дальневосточным портам. Интенсификация российско-монгольского взаимодействия на Дальнем Востоке во многом потребует развития приграничной инфраструктуры и улучшения транспортно-логистической среды на границе с Монголией, а именно в Республике Бурятия.

Список литературы

1. Балдоржиев Б.Б. Строительство транспортно-логистических, туристско-рекреационных, инфраструктурных объектов, автомобильных дорог от МАПП Алтан-Булаг – Кяхта до г. Улан-Удэ // Экономический коридор Китай – Монголия – Россия: дорожная карта / Отв. ред. Б.В. Базаров, Ян Чэньхуа. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 171–174.
2. Белоусова А.В. Внешняя торговля Дальневосточного федерального округа в 2017–2019 гг. // Регионалистика. 2020. Т. 7. № 4. С. 5–23. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2020.4.5>
3. Грайворонский В.В. Модернизация железнодорожного транспорта в Монголии и роль российско-монгольского сотрудничества // Восточная аналитика. 2011. № 2. С. 123–130.
4. Даваасурэн А. О состоянии российско-монгольских отношений. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/owasia/o-sostoyanii-rossiyskomongolskikh-otnosheniy/> (дата обращения: 16.04.2020).
5. Пармон В.Н., Крюков В.А., Селивёрстов В.Е. Трансграничные взаимодействия на Востоке России: научное сопровождение и задачи Сибирского отделения РАН // Регион: экономика и социология. 2020. № 2 (106). С. 226–258. <http://dx.doi.org/10.15372/REG20200210>
6. Суходолов Я.А., Даваасурэн А. Тенденции развития внешнеторгового сотрудничества России с Монголией // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 8. С. 18–30.
7. Суходолов Я.А., Даваасурэн А., Манжигеев А.Ф. Современная специфика и перспективы развития внешнеторгового сотрудничества России с Монголией // Известия Байкальского государственного университета. 2018. Т. 28. № 4. С. 632–639. [http://dx.doi.org/10.17150/2500-2759.2018.28\(4\).632-639](http://dx.doi.org/10.17150/2500-2759.2018.28(4).632-639)
8. Нямдолжин А. Монгол-Оросын улс төрийн харилцаа: Монголын эдийн засаг ба төмөр замын хөгжилд нөлөөлөх нь (Монголо-российские отношения: влияние на экономику Монголии и развитие железных дорог) // Олон Улс Судлал. 2020. № 1 (110). С. 21–40. <https://doi.org/10.5564/jis.v1i110.1340>
9. Оюун. Монгол-Хятадын худалдаа, эдийн засгийн хамтын ажиллаганы зарим асуудлын тухайд (Проблемы монголо-китайского торгово-экономического сотрудничества) // Олон Улс Судлал. 2018. № 1 (108). С. 81–101. <https://doi.org/10.5564/jis.v0i1.1123>

References

1. Baldorzhiev B.B. Construction of Transport and Logistics, Tourist and Recreational Infrastructure Facilities, Highways from the Altan-Bulag – Kyakhta Checkpoint to Ulan-Ude. In: *China – Mongolia – Russia Economic Corridor: Road Map*. Ed. by B.V. Bazarov, Yang Chenhua. Ulan-Ude, 2017. Pp. 171–174. (In Russian)
2. Belousova A.V. Foreign Trade of the Far Eastern Federal District in 2017–2019. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2020. Vol. 7. No. 4. Pp. 5–23. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2020.4.5> (In Russian)
3. Grajvoronskij V.V. Modernization of Railway Transport in Mongolia and the Role of Russian-Mongolian Cooperation. *Vostochnaya analitika* [Eastern Analytics]. 2011. No. 2. Pp. 123–130. (In Russian)
4. Davaasuren A. *On the State of Russian-Mongolian Relations*. Available at: <https://russiancouncil.ru/blogs/owasia/o-sostoyanii-rossiyskomongolskikh-otnosheniy/> (accessed 16 April 2020). (In Russian)
5. Parmon V.N., Krjukov V.A., Seliverstov V.E. Cross-Border Interactions in the Russian East: Research Support and Tasks Before the Siberian Branch of the RAS. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology]. 2020. No. 2 (106). Pp. 226–258. <http://dx.doi.org/10.15372/REG20200210> (In Russian)
6. Sukhodolov Ya.A., Davaasuren A. Trends in Foreign Trade Cooperation Between Russia and Mongolia. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik* [Russian Foreign Economic Journal]. 2019. No. 8. Pp. 18–30. (In Russian)
7. Sukhodolov Ya.A., Davaasuren A., Manzhigeev A.F. Contemporary Peculiarities and Prospects for the Development of Russian Foreign Trade Cooperation with Mongolia. *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo*

universiteta = *Bulletin of Baikal State University*. 2018. Vol. 28. No. 4. Pp. 632–639. [http://dx.doi.org/10.17150/2500-2759.2018.28\(4\).632-639](http://dx.doi.org/10.17150/2500-2759.2018.28(4).632-639) (In Russian)

8. Nyamdoljin A. Mongolian-Russian Political Relations: Its Impact on Mongolian Economy and Railway Development. *Olon Uls Sudlal* [Journal of International Studies]. 2020. No. 1 (110). Pp. 21–40. <https://doi.org/10.5564/jis.v1i110.1340> (In Mongolian)

9. Oyun W. Issues on Trade and Economic Cooperation of Mongolia – China. *Olon Uls Sudlal* [Journal of International Studies]. 2018. No. 1 (108). Pp. 81–101. <https://doi.org/10.5564/jis.v0i1.1123> (In Mongolian)

■ ■ ■
Для цитирования:

Намжилова В.О. Российско-монгольские торгово-экономические отношения: дальневосточные перспективы // Регионалистика. 2021. Т. 8. № 1. С. 29–38. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.1.29>

For citing:

Namzhilova V.O. Russian-Mongolian Trade and Economic Relations: Far Eastern Prospects. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2021. Vol. 8. No. 1. Pp. 29–38. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.1.29> (In Russian)

**МИНАКИР
Павел
Александрович**

Академик РАН, доктор
экономических наук,
профессор, научный
руководитель
Институт экономических
исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**MINAKIR
Pavel
Aleksandrovich**
Academician RAS, doctor
of economics, professor,
research supervisor
Economic Research Institute
FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

minakir@ecrin.ru
ORCID: 0000-0002-5451-5662

© Минакир П.А.,
Прокапало О.М., 2021

УДК 338.26

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В работе рассмотрены основные категории национальных проектов России 2019–2024 гг. на региональном уровне. Дана оценка эффектов и последствий от реализации мероприятий региональных проектов с учётом региональной специфики и финансовых ресурсов. Показано отставание индикаторов развития от запланированных целей в результате сокращения численности населения за счёт естественной убыли, снижения реальных доходов граждан и сохранения высокого уровня бедности. Актуализирована проблема согласования региональных проектов с действующими федеральными / региональными программами и стратегиями социально-экономического развития. Проанализировано влияние пандемии коронавирусной инфекции на реализацию национальных проектов на Дальнем Востоке.

Национальные проекты, субъекты Федерации ДФО, индикаторы, национальная программа, мониторинг

NATIONAL PROJECTS IN THE FAR EAST: PROBLEMS AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

The work considers the main categories of national projects of Russia 2019–2024 at the regional level. An assessment of the effects and consequences of the implementation of regional projects taking into account regional specifics and financial resources is given. The article shows the development indicators lag behind the planned goals as a result of a decrease in the number due to natural population decline, a decrease in real incomes of citizens, and the preservation of a high level of poverty of the population. The problem of coordination of regional projects with the current federal and regional programs and strategies for socio-economic development has been updated. The impact of the pandemic of coronavirus infection on the implementation of national projects in the Far East is analyzed.

National projects, federal subjects of the Far Eastern Federal District, indicators, national program, monitoring

ПРОКАПАЛО**Ольга
Михайловна**

Доктор экономических наук,
директор
Институт экономических
исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

PROKAPALO**Olga
Mikhailovna**

Doctor of economics, director
Economic Research Institute
FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

prokapalo@ecrin.ru

ORCID: 0000-0002-7570-397X

Содержание и масштабы национальных проектов

Первые 4 национальных проекта («Образование», «Здоровье», «Жильё», «Развитие АПК») были предложены в Послании Президента РФ В. Путина Национальному собранию РФ в 2005 г. С 2006 г. началась их реализация. Фактически эти национальные проекты являлись основой предвыборной программы Д. Медведева, которому, как первому вице-премьеру российского правительства, и было поручено их курирование. Определённого срока действия эти проекты не имели. Финансирование по ним было утверждено только до 2008 г., правда, впоследствии пролонгировалось в годовых бюджетах. Проект «Развитие АПК» в 2008 г. был преобразован в государственную программу.

Каких-либо результатов реализации этих проектов не подводилось. Фактически они просуществовали до 2012 г., когда вновь избранный президентом страны В. Путин обнародовал майские указы, в составе которых несколько указов фактически заменили собой и расширили перечень национальных проектов: «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики»¹, «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения»², «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки»³, «О мерах по обеспечению граждан Российской Федерации доступным и комфортным жильём и повышению качества жилищно-коммунальных услуг»⁴, «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации»⁵.

Результаты реализации этих указов широко освещались в медиа, контролировались Администрацией Президента РФ и российским правительством, но полностью их цели и задания выполнены не были. В 2018 г. был восстановлен формат национальных проектов: утверждены новые 12 национальных проектов и комплексный план развития магистральной инфраструктуры⁶, по существу, также имеющий статус национального проекта. Каждому национальному проекту соответствовали федеральные проекты, выполнение которых по замыслу должно обеспечить достижение задач национального проекта (*табл. 1*).

¹ Указ Президента РФ № 597 от 7 мая 2012 г.

² Указ Президента РФ № 598 от 7 мая 2012 г.

³ Указ Президента РФ № 599 от 7 мая 2012 г.

⁴ Указ Президента РФ № 600 от 7 мая 2012 г.

⁵ Указ Президента РФ № 606 от 7 мая 2012 г.

⁶ Распоряжение Правительства РФ № 2101-р от 30 сентября 2018 г. «Об утверждении комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71975292> (дата обращения: июль 2020).

Таблица 1

Национальные и федеральные проекты России

Национальный проект	Федеральный проект	Национальный проект	Федеральный проект
Образование	Современная школа Успех каждого ребёнка Поддержка семей, имеющих детей Цифровая образовательная среда Учитель будущего Молодые профессионалы Новые возможности для каждого Социальная активность Социальные лифты для каждого Экспорт образования	Экология	Ликвидация свалок Утилизация и переработка мусора Обезвреживание опасных отходов Чистый воздух Чистая вода Оздоровление Волги Сохранение озера Байкал Сохранение рек и озёр Национальные парки и заповедники Сохранение лесов «Зелёные» технологии
Здраво-охранение	Поликлиники и фельдшерские пункты Борьба с онкологическими заболеваниями Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями Здоровье детей Подготовка врачей Экспорт медицинских услуг Умное здравоохранение Инновационная медицина	Наука	Передовые научные центры Научная инфраструктура Молодые учёные
Демография	Помощь семьям при рождении детей Содействие занятости Старшее поколение Здоровье нации Спорт – норма жизни	Малое и среднее предпринимательство	Лучшие условия для бизнеса Доступные кредиты Помощь в развитии бизнеса Поддержка фермеров Поддержка начинающих предпринимателей
Культура	Культурный досуг Творческие люди Цифровая культура	Цифровая экономика	Цифровое право Доступная связь и интернет Квалифицированные кадры Информационная безопасность Цифровые технологии Цифровое государство
Безопасные и качественные автомобильные дороги	Строительство и ремонт дорог Передовые дорожные технологии Безопасность на дорогах Автодороги Минобороны	Производительность труда и поддержка занятости	Эффективный труд Бережливое производство Поддержка занятости

Продолжение таблицы 1

Национальный проект	Федеральный проект	Национальный проект	Федеральный проект
Жильё и городская среда	Ипотека Жильё Благоустройство Расселение аварийных домов	Международная кооперация и экспорт	Промышленный экспорт Экспорт сельхозпродукции Поддержка экспортёров
Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры			Речной транспорт Скоростные железные дороги Европа – Западный Китай Железнодорожный транспорт и транзит Связь между центрами экономического роста Морские порты России Региональные аэропорты Северный морской путь Транспортно-логистические центры

Источники: составлено по: Указ Президента РФ № 204 от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200> (дата обращения: июль 2020); Национальные проекты. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/section/2641> (дата обращения: июль 2020); Национальные проекты России. URL: <https://национальныепроекты.рф> (дата обращения: декабрь 2020).

Каждый национальный проект имеет собственные акценты и задачи. Так, национальный проект «Образование» направлен на оснащение школ в городской и сельской местности современным оборудованием, внедрение образовательных технологий для раскрытия таланта каждого ребёнка, развитие системы среднего профессионального образования и повышение конкурентоспособности высшей школы. Национальный проект «Здравоохранение» нацелен на оснащение больниц и поликлиник современным оборудованием, формирование фельдшерско-акушерских пунктов и мобильных медицинских комплексов, усиление борьбы с онкологическими и сердечно-сосудистыми заболеваниями. Проект «Демография» направлен на повышение суммарного коэффициента рождаемости; рост ожидаемой продолжительности здоровой жизни; увеличение доли граждан, ведущих здоровый образ жизни и граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом. В проекте «Культура» основные мероприятия связаны с ремонтом музеев, концертных залов, театров, библиотек и укреплением российской гражданской идентичности. Проект «Цифровая экономика» нацелен на создание широкополосной связи для госструктур, школ и больниц. Основные цели развития дорожного проекта связаны с расширением скоростных контейнерных перевозок, улучшением автодорог регионального и межмуниципального значения, повышением безопасности дорожного движения. Основные финансовые ресурсы по национальному проекту «Жильё и городская среда» предусмотрены на расселение аварийного жилья и создание комфортной среды обитания. Центральной частью экологического проекта являются повышение качества питьевой воды и проблема утилизации мусора. Основные цели развития нацпроекта «Развитие малого и среднего предпринимательства» связаны с увеличением господдержки фермерства, ростом числа занятых в малом и среднем бизнесе.

Источниками финансирования национальных проектов являются средства федерального бюджета, государственных внебюджетных фондов, консолидированных бюджетов субъектов РФ и внебюджетные источники.

Наряду с национальными проектами, в настоящее время разработаны и реализуются государственные программы управления экономическими и социальными процессами по таким направлениям, как новое качество жизни, инновационное развитие и модернизация экономики, сбалансированное региональное развитие, эффективное государство и обеспечение национальной безопасности¹.

Как отмечают эксперты, предварительно прорабатывались варианты, как соотнести уже реализуемые государственные программы и те мероприятия, которые запланированы в национальных проектах. В качестве одного из вариантов предлагалось переориентировать существующие государственные программы и подстроить их под национальные проекты. Например, считать госпрограмму «Развитие здравоохранения» тождественной проекту «Здравоохранение». В силу ряда ограничений этого сделать не удалось. Во-первых, при таком подходе из системы программно-целевого планирования выпала бы значительная часть не менее важных, но не являющихся прорывными, мероприятий. Во-вторых, ряд мероприятий национальных проектов носят межотраслевой характер, что могло привести к нарушению отраслевого принципа программно-целевого планирования.

В результате федеральные проекты национальных проектов были погружены в структуру государственных программ: часть проектов полностью интегрированы в одну госпрограмму, другие – вписаны сразу в несколько. Например, федеральные проекты национального проекта «Демография» были интегрированы в программы «Развитие здравоохранения», «Развитие образования», «Развитие физической культуры и спорта» и др. [8]. Но реализация показателей нацпроектов через несколько госпрограмм, по мнению некоторых аналитиков, усложнит и сам процесс реализации национальных проектов, и контроль за их реальным воплощением [6].

При всей масштабности замысла и широте отражения существенных проблем развития страны национальные проекты (кроме проектов по цифровой экономике) не затрагивают напрямую основных источников экономического роста. Не предлагается ни одного национального проекта по развитию и техническому перевооружению отраслей и высокотехнологических производств: приборостроения, электроники, авиации, кораблестроения, фармацевтики, космического, атомного машиностроения, современной синтетической химии и др. Нет национального проекта по развитию машиностроения. Фактически отсутствует самый главный национальный проект, который должен, по существу, вобрать в себя многие федеральные проекты, «рассыпанные» ныне по разным нацпроектам, – нет проекта по реализации основной цели развития экономики – осуществления технологического прорыва по базовым направлениям [1; 7].

Для контроля за выполнением мероприятий проводится мониторинг выполнения количественных показателей нацпроектов, для чего 91 показатель, из числа отражённых во всех проектах, внесён в Федеральный план статистических работ². Тем самым проекты становятся объектами статистического учёта.

¹ Официальный портал Госпрограмм РФ. URL: <https://programs.gov.ru/Portal> (дата обращения: декабрь 2020).

² Распоряжение Правительства РФ № 671-р от 06 мая 2008 г. «Об утверждении Федерального плана статистических работ (вместе с «Федеральным планом статистических работ»)). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/462> (дата обращения: декабрь 2020).

Система и темпы реализации национальных проектов в ДФО

В субъектах РФ инструментами реализации национальных и федеральных проектов являются региональные проекты. Количество реализуемых региональных проектов определяется с учётом декомпозиции федеральных целевых результатов и показателей на региональном уровне, возможностью реализации в соответствии с региональными полномочиями. В силу огромных различий между регионами по основным природно-географическим и социально-экономическим характеристикам неизбежны существенные расхождения по целевым индикаторам национальных проектов в их региональном разрезе, а также в финансовых ресурсах, которые субъекты РФ в порядке софинансирования способны привлечь для осуществления региональных проектов соответствующего профиля.

Анализ формирования и «реализации» региональных проектов показывает, что в некоторых субъектах РФ федеральный формат национальных проектов воспроизводится полностью, в других случаях полной «проекции» нет.

В большинстве субъектов Федерации ДФО реализуются региональные проекты и программы по всем направлениям. Всего в регионах Дальнего Востока разработано и реализуется от 40 (Магаданская область) до 50–52 (Забайкальский, Приморский и Хабаровский края, Амурская область) региональных проектов.

Кроме этого, в рамках комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры в ДФО планируется провести мероприятия по первому этапу расширения Байкало-Амурской и Транссибирской магистралей, построить дополнительные пути и железнодорожную линию Селихино – Ныш через пролив Невельского. Также одним из проектов является завершение строительства угольного перегрузочного комплекса в бухте Мучке Хабаровского края.

Анализ структуры расходов в соответствии с паспортами проектов показывает, что основной объём финансовых ресурсов в субъектах Федерации ДФО планируется распределить в проекты жилищного строительства (от 20–35% – в Камчатском крае, ЕАО, ЧАО и Сахалинской области – до 70% – в Республике Саха (Якутия)), проекты в области демографической политики (20–46% – в Сахалинской и Магаданской областях, Хабаровском, Приморском и Камчатском краях, Республике Бурятия и ЕАО), проекты здравоохранения (16–38% – в Магаданской области, Республике Бурятия, Хабаровском, Приморском и Забайкальском краях, ЧАО), инфраструктурные проекты (15–50% – в Республике Бурятия, Сахалинской, Магаданской и Амурской областях, Хабаровском и Забайкальском краях). Наименее затратным выглядит проект «Производительность труда и поддержка занятости» (0,1–3,4%).

В Республике Саха (Якутия) разработано 50 региональных проектов по всем 12 направлениям. Основные целевые ориентиры реализации отдельных национальных проектов направлены на достижение определённых количественных параметров. Так, в частности, по проекту «Демография» предусматривается система мер, направленных на увеличение суммарного коэффициента рождаемости¹ с 1,93 до 2,25; в «Здравоохранении» – снижение смертности от новообразований (в том числе злокачественных) от 136,5 до 130 на 100 тыс. населения; в «Образовании» – создание 8 400 новых мест в общеобразовательных организациях в сельской местности; по проекту «Наука» планируется формирование научно-образовательного центра мирового уровня на основе интеграции высших учебных заведений, научных организаций и

¹ Характеризует среднее число рождений у одной женщины на протяжении репродуктивного периода. Самый высокий в мире коэффициент рождаемости в Республике Нигер (7,03), самый низкий – в Республике Корея (0,92).

производственных предприятий; проект «Жильё и городская среда» предполагает расселение из аварийного жилищного фонда 51,1 тыс. человек. Ориентировочная стоимость реализации национальных проектов в Республике Саха (Якутия) за 6 лет (2019–2024 гг.) составит 318 млрд рублей, из которых 76,4% – средства федерального бюджета, 3,1% – внебюджетные источники и средства государственных внебюджетных фондов.

В *Сахалинской области* разработано и утверждено 46 региональных проектов по национальным проектам: «Здравоохранение» (6 проектов), «Образование» (7), «Демография» (5), «Культура» (3), «Безопасные и качественные автомобильные дороги» (3), «Жильё и городская среда» (3), «Экология» (3), «Малое и среднее предпринимательство» (5), «Производительность труда и поддержка занятости» (3), «Цифровая экономика» (5) и «Международная кооперация и экспорт» (3). Запланированный объём финансирования региональных проектов в 2020 г. составляет 14,1 млрд рублей. При этом 40% средств направляется на реализацию мероприятий по проекту «Жильё и городская среда», из которых более 50% составляют расходы на сокращение непригодного для проживания жилищного фонда. К концу 2024 г. предполагается расселить граждан из 128 тыс. м² непригодного для проживания жилищного фонда¹. Вторым крупным инвестиционно затратным направлением (20% общего объёма финансирования в 2020 г.) является реализация мероприятий в рамках нацпроекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги». Основной объём этих средств предполагается потратить на мероприятия, связанные с увеличением доли автомобильных дорог, соответствующих нормативным требованиям; снижением количества мест концентрации дорожно-транспортных происшествий и доли дорог, работающих в режиме перегрузки.

Республика Бурятия участвует в 11 национальных проектах. На их реализацию предполагается выделить 108 млрд рублей, из которых 70% будет финансироваться из федерального бюджета². Из общего объёма финансирования более 85% средств планируется направить на реализацию 4 национальных проектов: «Демография» (34%), «Здравоохранение» (19%), «Экология» (16,6) и «Безопасные и качественные автомобильные дороги» (15,7%). Региональные проекты нацпроекта «Демография» направлены на повышение рождаемости и сохранение тенденций прошлых лет по естественному приросту населения в республике. Более 50% расходов связано с финансовой поддержкой семей при рождении детей³, что будет способствовать созданию благоприятных условий для жизнедеятельности семьи, рождения детей и минимизации последствий изменения материального положения в связи с увеличением семьи. Кроме этого, планируются мероприятия по расширению доступности дошкольного образования и созданию дополнительно 6 460 мест для детей в возрасте до трёх лет. В сфере здравоохранения в рамках проекта предусмотрен ремонт и строительство больниц, переоснащение кабинетов; будет реализовываться проект «Здоровый образ жизни», направленный на снижение показателей смертности. По национальному проекту «Экология» разработано и реализуется 5 региональных проектов. В рамках проектов «Сохранение озера Байкал» и «Чистая страна» до 2024 г. будет введено в строй 21 очистное сооружение и ликвидированы 5 несанкционированных свалок в границах городских населённых пунктов. Реализация регионального проекта «Сохранение лесов» к концу 2024 г. позволит ежегодно восстанавливать лесные насаждения, равные площади всего вырубленного и погибшего за год леса. Основным целевым ориенти-

¹ Жильё и городская среда. URL: <https://np.sakhalinmedia.ru/housing> (дата обращения: декабрь 2020).

² На реализацию нацпроектов Бурятии выделяют 108 млрд рублей. URL: <https://www.baikal-daily.ru/news/15/368730> (дата обращения: декабрь 2020).

³ Комплекс мер, направленных на усиление материальной поддержки семей с детьми: осуществление ежемесячных выплат, предоставление материнского капитала и дополнительные меры поддержки рождаемости на Дальнем Востоке.

ром нацпроекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги» является приведение к нормативному состоянию 85% сети дорог Улан-Удэнской агломерации и 50% региональных автодорог. По нацпроекту «Жильё и городская среда» будут проводиться работы по переселению 3,7 тыс. граждан из аварийного жилья площадью 66 тыс. м², благоустроены более 300 общественных пространств (парки, скверы, аллеи) и более 1 тыс. дворов¹.

В *Хабаровском крае* реализуется 52 региональных проекта по 11 национальным проектам. В соответствии с разработанными паспортами основные финансовые ресурсы предполагается направить на выполнение задач в области здравоохранения (29% общего объёма финансирования), демографии (24%) и автодорожного строительства (19%). В сфере здравоохранения запланировано расширение количества проведения профилактических осмотров, снижение смертности от болезней кровообращения и новообразований, строительство и реконструкция 23 медицинских учреждений, создание и замена фельдшерско-акушерских пунктов и амбулаторий, закупка восьми передвижных мобильных комплексов для увеличения числа выездов мобильных медицинских бригад в удалённые районы края. По национальному проекту «Демография» основные мероприятия направлены на повышение рождаемости; улучшение условий для работающих женщин, имеющих детей дошкольного возраста; увеличение доли граждан, систематически занимающихся физкультурой и спортом и ведущих здоровый образ жизни. Ёмкий блок мероприятий нацпроекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги» касается развития магистральной инфраструктуры. К 2024 г. планируется провести ремонт более 885 км автомобильных дорог регионального значения с установкой 83 стационарных камер фотовидеофиксации нарушений дорожного движения и разместить 10 автоматических пунктов весогабаритного контроля.

В *Приморском крае* разработаны паспорта по 51 региональному проекту по 11 национальным проектам. В 2020 г. общий объём финансирования составляет 23,2 млрд рублей, из которых немногим более 45% планируется осуществить за счёт средств федерального бюджета, более 37% – краевого бюджета, более 17% – государственных внебюджетных фондов и внебюджетных источников. Наиболее затратными являются мероприятия по проектам «Демография» (36,5% общего объёма финансирования), «Здравоохранение» (немногим более 32%) и «Безопасные и качественные автомобильные дороги» (9,4%). Проект «Демография» до 2024 г. нацелен на увеличение суммарного коэффициента рождаемости до 1,954; обеспечение возможности женщинам, имеющим детей, совмещать трудовую деятельность с семейными обязанностями за счёт повышения доступности дошкольного образования; увеличение продолжительности здоровой жизни населения края до 64 лет; создание для всех категорий и групп населения условий для занятия физической культурой и спортом, а также повышение уровня обеспеченности населения спортивными объектами. Реализация проекта «Здравоохранение» направлена на увеличение числа граждан, прошедших профилактические осмотры; снижение смертности от сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний; снижение младенческой смертности; доведение до 100% числа медицинских учреждений, работающих в едином информационном пространстве и увеличение количества (до 4,5 тыс. человек) пролеченных иностранных граждан. Проект «Безопасные и качественные автомобильные дороги» предусматривает увеличение доли региональных автомобильных дорог, соответствующих нормативным требованиям; снижение смертности в результате дорожно-транспортных происшествий, введение автоматизированных и роботизированных технологий организации дорожного движения.

¹ Нацпроекты помогут решить проблемы республики – Глава Бурятии. URL: <https://egov-buryatia.ru/national-project/detail.php?ID=38630> (дата обращения: декабрь 2020).

Кроме этого, в рамках комплексного плана расширения и модернизации инфраструктуры разработан проект, который предполагает сооружение подъезда к г. Находке при строительстве комплекса нефтеперерабатывающих и нефтехимических производств ЗАО «Восточная нефтехимическая компания». Общий объём финансирования по проекту составляет 8,7 млрд рублей, из которых более 85% – средства федерального бюджета¹.

Реализация проектов

Анализ данных Счётной палаты РФ² свидетельствует о том, что в настоящее время реальная ситуация далека от запланированных целей. Так, сохраняются тенденции сокращения численности населения за счёт естественной убыли, продолжается снижение реальных доходов граждан, остаётся высоким уровень бедности населения, наблюдается снижение ВВП / ВРП страны и регионов РФ, превышен установленный предельный уровень инфляции (*табл. 2*).

Пандемия новой коронавирусной инфекции заставила пересмотреть сроки и целевые ориентиры достижения результатов. В связи с этим в июле 2020 г. подписан новый указ о национальных целях развития России до 2030 г.³, который заменяет предыдущий стратегический документ. Данный указ определяет пять национальных целей развития страны: сохранение населения, здоровье и благополучие людей; возможности для самореализации и развития талантов; комфортная и безопасная среда для жизни; достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство; цифровая трансформация.

В новом указе отсутствует цель по выводу России в число пяти крупнейших экономик мира, что связано с «неблагоприятной международной экономической конъюнктурой»⁴.

В неизменном виде остались пять «национальных целей» из предыдущего майского указа (с пролонгацией достижения основных параметров к 2030 г.): обеспечение устойчивого естественного роста численности населения Российской Федерации; повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет; обеспечение устойчивого роста реальных доходов граждан и уровня пенсионного обеспечения не ниже инфляции; снижение в два раза уровня бедности в Российской Федерации по сравнению с 2017 г.; улучшение жилищных условий не менее 5 млн семей ежегодно.

В рамках национальной цели «Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство» должен быть обеспечен выход на темп роста валового внутреннего продукта страны выше среднемирового уровня при условии сохранения макроэкономической стабильности. Реальный рост инвестиций в основной капитал должен составить не менее 70% по сравнению с 2020 г. Такой же рост запланирован и в сфере экспорта несырьевых неэнергетических товаров. Число занятых в сфере малого и среднего предпринимательства должно достигнуть 25 млн человек. Ранее предполагалось, что такое количество граждан будет занято в сфере малого и среднего бизнеса в 2024 г.

В области цифровой трансформации целевые ориентиры стали более абстрактными. Отмечается, что ключевые отрасли экономики и социальной сферы должны достичь «ци-

¹ Региональные проекты Приморского края в составе национального проекта «Расширения и модернизации инфраструктуры». URL: <https://www.primorsky.ru/regionalnye-proekty/infrastructura/> (дата обращения: январь 2021).

² Мониторинг достижения национальных целей. URL: <https://ng.ach.gov.ru> (дата обращения: июль 2020).

³ Указ Президента РФ № 474 от 21 июля 2020 г. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1401794/> (дата обращения: июль 2020).

⁴ Старостина Ю. Путин подписал новый июльский указ о целях России до 2030 года. Главное. URL: https://www.rbc.ru/economics/21/07/2020/5f16add29a7947246d35b6c0?from=from_main_13 (дата обращения: июль 2020).

фровой зрелости», без дальнейшего уточнения. Кроме этого, в новый указ включены такие показатели, как доведение до 95% доли получаемых через электронные ресурсы социальных услуг, рост до 97% доли домохозяйств с возможностью использования широкополосного доступа к сети Интернет, рост в 4 раза (по сравнению с 2019 г.) вложений в отечественные решения в IT-сфере.

Таблица 2

Исполнение национальных целей в РФ и ДФО

Показатель	РФ		ДФО	
	2019	Январь – сентябрь 2020	2019	Январь – сентябрь 2020
Обеспечение устойчивого естественного роста численности населения РФ				
Естественный прирост (+), убыль (–) населения, тыс. человек	–316,2	–387,1	–8,9	–9,3
Обеспечение устойчивого роста реальных доходов граждан, а также роста уровня пенсионного обеспечения выше уровня инфляции				
Реальные располагаемые денежные доходы населения, % к соответствующему периоду прошлого года	101,7	96,4	101,5	96,4
Реальный размер назначенных пенсий, % к соответствующему периоду прошлого года	103,2	101,9	101,7	103,5
Снижение в 2 раза уровня бедности в РФ (до 6,6%)				
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, % от общей численности населения	12,3	...	8,2–23,9 ¹	...
Обеспечение темпов экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности, в том числе инфляции не выше 4%				
Рост ВВП, %	101,3	96,6	103,0 ²	95,0 ²
Индекс потребительских цен, % к соответствующему месяцу предыдущего года	3,0	4,1 ³	3,9	4,1 ³

Примечания: ¹ – вариация по субъектам Федерации ДФО, min – Сахалинская область, max – ЕАО; ² – оценка; ³ – ноябрь 2020 г., % к декабрю 2019 г.

Источники: составлено по: Социально-экономическое положение федеральных округов – 2019 г. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b19_20/Main.htm (дата обращения: июль 2020); Социально-экономическое положение федеральных округов – 2020 г. Январь – сентябрь. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20_20/Main.htm (дата обращения: декабрь 2020); Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в январе – ноябре 2020 года. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13259> (дата обращения: январь 2021); [5].

Взаимоотношение между национальными проектами и государственной программой «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа»

В настоящее время, наряду с системой национальных / региональных проектов, утверждены сразу несколько федеральных документов, касающихся развития ДФО¹: Стратегия пространственного развития РФ до 2025 г., государственная программа РФ «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа» до 2025 г. (далее – Госпрограмма), Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 г. и на перспективу до 2035 г. (далее – Нацпрограмма).

Кроме этого, существует ещё множество ведомственных программ, а также стратегии социально-экономического развития отдельных субъектов РФ. Пока полной корреляции между этими многочисленными стратегическими документами не просматривается. Это осложняет процесс выявления реальных итогов реализации всех этих многочисленных стратегий, программ, инициатив и так далее, так как неясно, к какому именно действию следует отнести тот или иной позитивный / негативный результат.

Обычной практикой административного регулирования в РФ является отдавание приоритета последнему утверждённому нормативно-правовому документу, даже если в явном виде это не предусматривается действующими административными регламентами. Как правило, контроль осуществляется именно по наиболее «свежему» документу. Даже если очевидна несогласованность этих документов.

Согласно распоряжению Правительства РФ² Нацпрограмма «... обеспечивает взаимосвязь мероприятий национальных проектов (программ), государственных программ Российской Федерации, направленных на развитие отдельных отраслей экономики и социальной сферы на территории Дальнего Востока, ресурсы для их реализации». Фактически такая взаимосвязь обеспечивается с помощью двух административных протоколов:

- федеральные проекты, входящие в состав национальных проектов, интегрированы в текст Нацпрограммы;
- основные результирующие показатели Нацпрограммы представляют собой скорректированные задания, которые содержались в Госпрограмме развития региона;
- разделы Нацпрограммы, в которых собраны задания по отдельным субъектам РФ (в основном утверждённые в качестве региональных проектов в составе национальных проектов), соответствуют ранее включённым в территориальные разделы Госпрограммы.

То есть на идейном уровне должно осуществляться согласование национальных проектов с федеральными государственными программами «по горизонтали» и с региональными проектами и программами «по вертикали».

Такая конструкция фактически превращает Нацпрограмму развития Дальнего Востока до 2035 г. в синтетический документ, определяющий поведение федеральных и региональных органов управления, а также в основу для контроля над исполнением решений по регио-

¹ См.: Распоряжение Правительства РФ № 207-р от 13 февраля 2019 г. «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года»; постановление Правительства РФ № 308 от 15 апреля 2014 г. «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа»; распоряжение Правительства РФ № 2464-р от 24 сентября 2020 г. «Об утверждении Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года».

² Распоряжение Правительства РФ № 2464-р от 24 сентября 2020 г. URL: <https://minvr.gov.ru/upload/iblock/fdc/nats-programma.pdf> (дата обращения: январь 2021).

нальному развитию. То есть абсолютным приоритетом в рамках всей, довольно хаотической, системы плановых документов, касающихся развития Дальнего Востока, пользуется именно Нацпрограмма.

Однако это только общая идеология. Практическая работа по согласованию множества регулирующих документов до сих пор не систематизирована и фактически представляет собой оперативную работу со стратегическими документами в каждом субъекте РФ в попытках согласования их целевых индикаторов с регионально дифференцированными заданиями по национальным проектам [2; 4].

При этом национальные проекты не решают всех задач структурной перестройки экономики. Вне этих проектов существует огромное количество вопросов, нуждающихся в пристальном внимании. Поэтому в настоящее время проводится работа по модернизации национальных, федеральных и региональных проектов в соответствии с национальными целями, целевыми показателями, в том числе их пролонгация до 2030 г.

Например, в Хабаровском крае сейчас действует 52 региональных проекта, которые необходимо актуализировать, а заодно разработать новые проекты. В частности, подготовлены предложения по участию в новом национальном проекте «Туризм и индустрия гостеприимства», разрабатываемом сейчас по поручению Президента РФ. В Приморском крае работа связана с корректировкой конкретных целей и задач и формированию нового списка проектов. Так, проходят согласование мероприятия по национальному проекту «Туризм». Кроме этого, досрочно закрываются шесть региональных проектов: «Учитель будущего», «Поддержка семей, имеющих детей», «Поддержка фермеров сельскохозяйственных коопераций», «Улучшение условий ведения предпринимательской деятельности», «Популяризация предпринимательства», мероприятия по которым переходят в другие проекты¹.

Для мониторинга выполнения мероприятий национальных проектов разработан перечень показателей². Например, национальный проект «Демография» оценивается по таким критериям, как доля граждан, ведущих здоровый образ жизни; доля граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом; ожидаемая продолжительность здоровой жизни; смертность населения старше трудоспособного возраста; суммарный коэффициент рождаемости; число лиц, которым рекомендованы индивидуальные планы по здоровому образу жизни; обращаемость в медицинские организации по вопросам здорового образа жизни. В настоящее время результаты выполнения национальных проектов в 2020 г. можно оценить не в полной мере, поскольку основная часть официальной статистической информации по проектам представляется по итогам года.

Целевые показатели национальных проектов – это конкретные объекты, а именно построенные больницы, школы, дома, отремонтированные дороги, введенные в строй новые производства, а в случае с социальной инфраструктурой – качественное здравоохранение, образование и здоровая экологическая среда.

В рамках реализации национальных проектов в 2020 г. в Хабаровском крае благоустроено 110 общественных территорий, отремонтированы 8 спортивных залов в сельских школах, новым оборудованием оснащены 7 детских поликлиник (отделений), в нормативное состоя-

¹ Тонких Д. Национальные проекты в Приморье ждут изменения в 2021 году. URL: <https://primorsky.ru/news/231579> (дата обращения: январь 2021).

² Методики расчёта показателей национальных и федеральных проектов (программ), реализуемых в рамках исполнения Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»: Сборник. URL: <https://www.gks.ru/metod/proekt.htm> (дата обращения: июль 2020).

ние приведено почти 200 км автодорог, введено более 180 тыс. м² жилья. Оказана финансовая поддержка семьям с детьми: ежемесячные денежные выплаты на первого ребёнка получили 5 442 семьи, на третьего и последующих детей – 3 248 семей¹. По нацпроекту «Жильё и городская среда» в 2020 г. в 54 муниципалитетах края появились новые скверы, площади, аллеи, детские и спортивные площадки – 121 общественная территория. На это из бюджетов всех уровней было направлено почти 400 млн рублей, из которых 357 млн рублей – средства федерального бюджета. В конце 2020 г. показатели исполнения нацпроекта были скорректированы: вместо 445 территорий к 2024 г. в регионе запланировано привести в порядок 610, что позволит создать ещё больше современных и комфортных мест отдыха². По программе расселения аварийного жилья приобретены квартиры на вторичном рынке для переселения более 730 человек из аварийного жилья площадью 11,4 тыс. м². С 2021 г. планируется строительство многоквартирных домов в 13 муниципалитетах. Всего будет построено 24 дома для расселения почти 2,5 тыс. человек из аварийного жилфонда площадью 41,6 тыс. м². По реализации мероприятий по проекту «Экология» Хабаровский край занимает лидирующее место в ДФО. Плановый показатель охвата населения, обеспеченного качественным водоснабжением, для региона в отчётном периоде должен был составить не менее 80,7%. Фактически он достиг уровня 82,5%. Новые объекты водоснабжения появились в муниципалитетах края. Намечено масштабное строительство водопроводной сети в г. Бикине, оцениваемое в 800 млн рублей.

В Магаданской области финансирование мероприятий национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» составило 418,6 млн рублей, при этом 98% средств – поступления из федерального бюджета. В рамках реализации национального проекта запущена микрокредитная компания, куда предприниматели могут обратиться за займами на льготных условиях. Кроме того, в г. Магадане был открыт современный центр «Мой бизнес», объединивший всю существующую инфраструктуру поддержки предпринимательства. В целом по итогам реализации национального проекта различными видами поддержки воспользовались более 1,5 тыс. субъектов малого и среднего бизнеса. Навыкам ведения своего дела обучились 470 человек, что помогло создать в 2020 г. более 40 новых предприятий³.

В Сахалинской области в рамках национального проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги» в 2020 г. уложили 200 тыс. м² асфальта. В нормативное состояние привели около 30 км дорог; устроено 18,5 км тротуаров, 27 автобусных остановок, 19,45 км стационарного электрического освещения; установлено 8 светофоров⁴.

Влияние пандемии коронавирусной инфекции на реализацию национальных проектов на Дальнем Востоке

Негативные шоки под воздействием событий на нефтяном и валютном рынках, карантин и ограничения во время пандемии повлияли на деятельность целого ряда отраслей. Пандемические шоки привели к уменьшению выпуска и доходов из-за частичной остановки или

¹ В Хабаровском крае в 2020 году выросло число предпринимателей и самозанятых. URL: <https://minec.khabkrai.ru/events/Novosti/6088> (дата обращения: декабрь 2020).

² Дарий Тюрин: Показатели нацпроектов в Хабаровском крае выполнены. URL: <https://www.khabkrai.ru/events/news/181910#close> (дата обращения: январь 2021).

³ Экономика Магаданской области в 2020 году продемонстрировала рост промышленного производства. URL: <https://kolymaplus.ru/news/ekonomika-magadanskoy-oblasti-v-2020-godu-prodemonstrovala-rost-promyshlennogo-proizvodstva> (дата обращения: январь 2021).

⁴ В рамках нацпроекта на Сахалине в 2020 году уложили 200 тысяч квадратных метров асфальта. URL: <https://sakhalinmedia.ru/news/1042553> (дата обращения: январь 2021).

фактического прекращения работы предприятий; снижению объёмов выпуска в связи с падением спроса; сокращению стоимости экспорта и увеличению дефицита рабочей силы из-за закрытия границ; снижению спроса на зарубежных рынках и сокращению добычи ресурсов; повышению цен, связанному с сокращением объёмов импорта; росту расходов и сокращению налоговых доходов региональных бюджетов [5]. Ввиду особенностей отраслевой структуры экономики ДФО перечень пострадавших от негативных последствий видов экономической деятельности имеет важные отличия от общероссийского перечня. К ним следует отнести транспорт и логистические услуги, туризм, горнорудное производство и обрабатывающую промышленность.

Общэкономическая ситуация в 2020 г. в регионах ДФО на фоне этих событий оценивается неоднозначно (*табл. 3*).

Таблица 3

Основные показатели развития ДФО в январе – ноябре 2020 г.,
% к январю – ноябрю 2019 г.

Территория	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Ввод жилья	Оборот розничной торговли	Экспорт*	Реальные денежные доходы населения	Численность безработных*
ДФО	96,0	91,9	99,0	96,2	82,8	96,4	114,7
Республика Бурятия	113,7	106,7	106,6	98,3	203,1	95,0	115,0
Республика Саха (Якутия)	93,6	87,4	91,8	93,9	67,9	97,1	116,2
Забайкальский край	96,0	104,4	79,1	95,8	181,5	98,2	107,9
Камчатский край	106,7	89,2	175,7	97,9	97,4	99,3	106,7
Приморский край	95,9	76,2	106,0	91,9	65,9	94,4	116,1
Хабаровский край	99,5	96,5	78,7	99,1	106,9	93,1	122,9
Амурская область	91,8	90,6	112,7	99,2	159,0	97,1	117,3
Магаданская область	105,2	171,5	177,8	94,1	88,1	101,3	124,0
Сахалинская область	96,3	101,0	110,7	99,0	76,1	100,5	115,7
ЕАО	97,6	96,4	54,0	93,4	152,2	99,4	88,6
ЧАО	97,6	90,9	—	100,7	262,4	106,8	186,1

Примечание. * – в январе – сентябре 2020 г., % к январю – сентябрю 2019 г.

Источники: составлено по: Социально-экономическое положение федеральных округов – 2020 г. Январь – сентябрь. URL: <https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20/Main.htm> (дата обращения: декабрь 2020); Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в январе – ноябре 2020 года. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13259> (дата обращения: январь 2021).

В добывающих отраслях ДФО за январь – ноябрь 2020 г. по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. снижение производства составило 4%. На динамику объёмов добычи негативно повлияло сжатие внешнего и внутреннего спроса. Сокращение производства отмечено практически во всех (кроме Республики Бурятия, Камчатского края и Магаданской области) субъектах Федерации ДФО. Значительный промышленный рост в Республике Бурятия (113,7%) связан с освоением Никольского месторождения каменного угля, а также с ростом добычи урана на севере региона¹.

Существенное снижение в секторе обрабатывающей промышленности отмечено в большинстве субъектов Федерации ДФО, но особенно в Приморском крае (–23,8%) из-за сокращения объёма производства транспортных средств и оборудования, лесоматериалов и пищевой продукции. На фоне этого зафиксирован промышленный рост в Республике Бурятия (благодаря стабильной работе авиационного и локомотивового ремонтного заводов, целлюлозно-картонного комбината, предприятий по производству лесопроductии²) и Магаданской области (за счёт роста производства химических веществ и продуктов³).

Строительство жилья, испытав падение в первом полугодии 2020 г. из-за введения карантинных мер на строительных площадках, практически восстановило прежний уровень. В январе – ноябре 2020 г. в ДФО введено 1876 тыс. м² общей площади (99% к аналогичному периоду 2019 г.). Сохраняются проблемы с темпами ввода жилья в Хабаровском (–21,3%) и Забайкальском (–20,9%) краях. Принятые летом решения о снижении ставки по ипотеке для новостроек увеличили спрос на жильё, но сокращение объёма его ввода привело к росту цен. Так, стоимость 1 м² общей жилой площади в Республике Саха (Якутия), Хабаровском и Приморском краях, Амурской, Магаданской и Сахалинской областях в 1,1–1,7 раза превышает среднероссийский показатель.

Рост розничной торговли в I кв. 2020 г. уже в последующий период замедлился и по итогам января – ноября составил 96,2%. Во всех субъектах Федерации ДФО (кроме ЧАО) спрос не вернулся на уровень прошлого года. Снижение оборота розничной торговли связано в основном с сокращением спроса населения на непродовольственные товары. Основными факторами, ограничивающими активность организаций розничной торговли, остаются снизившийся платёжный спрос населения, высокий уровень налогов и арендной платы⁴. Спад объёма реализации платных услуг был значительно более сильным, чем торговли. За январь – ноябрь 2020 г. реализация платных услуг сократилась на 18%, в том числе в Республике Саха (Якутия) (–24,6%) и Приморском крае (–21,6%). Точность региональных измерений относительна, но, очевидно, что самый сильный кризисный удар пришёлся на крупные города, в которых платные услуги развиты в наибольшей степени [3].

Доходы населения после роста в I кв. 2020 г. сократились на 3,6% в третьем квартале. Сложно объяснить, почему продолжали расти реальные доходы населения в Магаданской области (101,3%) и ЧАО (106,8%).

Влияние кризиса на региональные рынки труда оценивается неоднозначно. Численность безработных в III кв. 2020 г., по оперативной информации, составила 277 тыс. человек и увели-

¹ Промышленные предприятия в Бурятии сохранили прирост производства в 2020 году. URL: <https://tass.ru/ekonomika/9980861> (дата обращения: январь 2021).

² Там же.

³ Экономика Магаданской области в 2020 году продемонстрировала рост промышленного производства. URL: <https://kolymaplus.ru/news/ekonomika-magadanskoy-oblasti-v-2020-godu-prodemonstrirovala-rost-promyshlennogo-proizvodstva> (дата обращения: январь 2021).

⁴ Социально-экономическое положение России – 2020 г. Январь – ноябрь. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20_01/Main.htm (дата обращения: январь 2021).

чилась по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. на 14,7% (минимальное значение среди федеральных округов РФ). Существенное увеличение количества безработных, по оценкам экспертов, связано с решением федеральных властей о повышении пособий по безработице до прожиточного уровня и упрощением процедуры регистрации в службах занятости в рамках антикризисной политики. Значительная часть зарегистрировавшихся граждан ранее были заняты в неформальной экономике [3]. Уровень безработицы в сентябре – ноябре 2020 г. составил 6,6%, что на 0,3 п. п. выше среднероссийского показателя. При этом сохраняются существенные региональные различия уровня безработицы: от 3,7% (Камчатский край) до 10,3–10,6% (Забайкальский край и Республика Бурятия). Традиционным для России способом балансирования рынков труда является неполная занятость: количество занятых неполное рабочее время в III кв. 2020 г. в ДФО увеличилось на 20% по сравнению с аналогичным периодом 2019 г., в том числе по инициативе работодателя – на 81%.

Таким образом, проведённый анализ свидетельствует о том, что для достижения целевых показателей, определённых в программных документах, необходимо чёткое согласование управленческих ресурсов и финансовых средств на приоритетных направлениях, исключительно важных для территориального социально-экономического развития.

Список литературы

1. Аганбегян А.Г. Как возобновить социально-экономический рост в России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 222. № 2. С. 164–182.
2. Бухвальд Е.М. Национальные проекты в системе стратегического планирования в Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2019. № 2 (132). С. 50–54.
3. Зубаревич Н.В. Пандемия и регионы: итоги января – августа 2020 г. // Экономическое развитие России. 2020. Т. 27. № 11. С. 91–95.
4. Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. Национальные проекты России: региональное измерение // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2019. № 1. С. 37–53.
5. Минакир П.А. Экономика пандемии: дальневосточный аспект // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 4. С. 7–22. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2020.4.007-022>
6. Огнева В.В., Шачнев С.А. Государственные национальные проекты: политическое целеполагание и проблемные аспекты эффективности реализации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9. № 3. С. 120–131.
7. Савкина Р.В. Национальные проекты в системе мер по достижению целей эффективного развития экономики // Инновации и инвестиции. 2020. № 4. С. 287–293.
8. Ярёмченко И.А. Национальные проекты, госпрограммы, национальные цели. Как они скоординированы // Бюджет. 2019. № 10 (202). С. 34–37.

References

1. Aganbegyan A.G. How to Resume Social and Economic Growth in Russia? *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii* [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia]. 2020. Vol. 222. No. 2. Pp. 164–182. (In Russian)
2. Bukhvald E.M. National Projects in the Strategic Planning System in the Russian Federation. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development]. 2019. No. 2 (132). Pp. 50–54. (In Russian)
3. Zubarevich N.V. Pandemic and Regions: January – August 2020 Results. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii* [Russian Economic Developments]. 2020. Vol. 27. No. 11. Pp. 91–95. (In Russian)

4. Ivanov O.B., Bucwald E.M. National Projects of Russia: Regional Dimension. *ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika* [ETAP: Economic Theory, Analysis, Practice]. 2019. No. 1. Pp. 37–53. (In Russian)
5. Minakir P.A. The Economy of the Pandemic: A Far Eastern Russian Aspect. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2020. Vol. 16. No. 4. Pp. 7–22. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2020.4.007-022> (In Russian)
6. Ogneva V.V., Shachnev S.A. State National Projects: The Political Goal-Setting and Problem Aspects of Implementation Efficiency. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* [Proceedings of South-West State University. Series History and Law]. 2019. Vol. 9. No. 3. Pp. 120–131. (In Russian)
7. Savkina R.V. National Projects in the System of Measures to Achieve the Goals of Effective Economic Development. *Innovatsii i investitsii* [Innovation and Investment]. 2020. No. 4. Pp. 287–293. (In Russian)
8. Yaremenko I.A. National Projects, State Programs, National Goals. How are They Coordinated. *Byudzhethet* [Budget]. 2019. No. 10 (202). Pp. 34–37. (In Russian)

■ ■ ■
Для цитирования:

Минакир П.А., Прокапало О.М. Национальные проекты на Дальнем Востоке: проблемы и перспективы развития // Регионалистика. 2021. Т. 8. № 1. С. 39–55. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.1.39>

For citing:

Minakir P.A., Prokapalo O.M. National Projects in the Far East: Problems and Prospects for Development. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2021. Vol. 8. No. 1. Pp. 39–55. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.1.39> (In Russian)

**КОВАЛЬЧУК
Людмила
Борисовна**

Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

Институт экономических исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**KOVALCHUK
Lyudmila
Borisovna**

Candidate of science
(economics), senior research
fellow

Economic Research Institute
FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

Kovalchuklb@mail.ru

Ковальчук Л.Б., 2021

УДК 332.14

ДИАГНОСТИКА НЕРАВЕНСТВА В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ СУБЪЕКТОВ РФ

Расширение границ ДФО за счёт включения в его состав Забайкальского края и Республики Бурятия актуализирует проблему неравенства регионов (прежде всего в социальной сфере), которое в новых границах макрорегиона значительно усилилось и приобрело «сверхнормативный» характер. Установлено, что отставание «новых» дальневосточных субъектов в уровне социального развития сопровождается усилением негативных явлений в социальной сфере. Обоснована необходимость реализации комплекса мер, позволяющих сформировать «коридор возможностей», который регионы смогут использовать, в том числе и в рамках межрегионального взаимодействия в составе ДФО.

Неравенство, социальное развитие, выравнивание, отставание, диагностика, деградация

DIAGNOSTICS OF INEQUALITY IN THE SOCIAL SPHERE OF THE FAR EASTERN REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

The expansion of the borders of the Far Eastern Federal District due to the inclusion of the Trans-Baikal Territory and the Republic of Buryatia in its composition actualizes the problem of inequality of regions (primarily in the social sphere), which in the new boundaries of the macroregion has significantly increased and has acquired a «supernormal» character. It has been established that the lag of the «new» Far Eastern subjects in the level of social development is accompanied by an increase in negative phenomena in the social sphere. The necessity of implementing a set of measures to form a «corridor of opportunities» that regions can use, including within the framework of interregional interaction within the Far Eastern Federal District, has been substantiated.

Inequality, social development, alignment, lag, diagnostics, degradation

Введение

Неравномерность социального развития дальневосточных субъектов РФ является существенным препятствием для комплексного развития экономики, создания сбалансированного хозяйственного комплекса, обеспечивающего долговременное устойчивое развитие макрорегиона. Для ДФО, занимающего с ноября 2018 г.¹ самую большую часть территории страны и обладающего значительным природно-ресурсным потенциалом, сбалансированность хозяйственного комплекса в условиях удалённости от основных экономических центров страны определяет возможности достижения устойчивых темпов экономического роста и представления интересов РФ в бассейне Тихого океана. В данном контексте диагностика неравномерности социального развития дальневосточных регионов представляется весьма актуальной.

Целью диагностики является определение степени дифференциации дальневосточных субъектов РФ по уровню социального развития.

Расширение границ ДФО за счёт включения в его состав регионов Восточной Сибири не только обострило актуальность диагностики внутрирегионального неравенства, но и поставило ряд приоритетных задач: во-первых, установить наличие неравенства в социальном развитии присоединённых и прочих субъектов РФ в составе ДФО, во-вторых, оценить характер этого неравенства и в-третьих, оценить возможность достижения опережающего социально-экономического развития Дальнего Востока в условиях имеющегося внутрирегионального социального неравенства.

Теоретическая основа исследования

С позиций теорий пространственного развития дифференциация является закономерным результатом использования имеющихся конкурентных преимуществ. В моделях И. Тюнена, В. Кристаллера, А. Вебера конкурентными преимуществами, обуславливающими проявление неравенства в развитии территорий, называются: близость к источникам сырья, рынкам сбыта, величина объектов и, соответственно, их сила притяжения факторов производства [9; 11].

С точки зрения П. Фридмана, Ф. Броделя, И. Валлерстайна, пространственное неравенство обусловлено концентрацией на определённых территориях человеческих, финансовых и природных ресурсов, обеспечивающих возможность создания инноваций, способствующих опережающему развитию этих территорий и формированию центров развития [13]. Вокруг таких центров на различных расстояниях располагаются менее развитые территории, образующие полупериферию и периферию. Инновации распространяются на полупериферию, сокращая её отставание от центра. Утверждается, что при изменении геополитических, экономических или технологических условий полупериферии смогут стать новыми центрами, а периферии – никогда, в связи с отсутствием достаточного числа конкурентных преимуществ.

В 1990-е гг. П. Кругман, М. Фуджита и Э. Венаблс разделили факторы, обуславливающие формирование конкурентных преимуществ, на две группы. Факторы «первой природы» создают конкурентные преимущества, связанные с обеспеченностью природными ресурсами и выгодным географическим положением. Факторы «второй природы» связаны с деятельностью человека [12; 13]. Во-первых, это агломерационный эффект. Крупный город отличает-

¹ См. Указ Президента РФ № 632 от 3 ноября 2018 г. «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утверждённый Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849».

ся не только высокой численностью населения, но и большим разнообразием потребителей, производителей и обменов между ними. Во-вторых, это человеческий капитал, включающий здоровье, образование, мотивации населения, обуславливающие его мобильность и адаптивность. В-третьих, это институты, то есть формальные и неформальные нормы и правила (по Д. Норту), по которым живёт общество. Н. Зубаревич добавляет к факторам «второй природы» инфраструктуру. Наличие инфраструктуры (энергетической, транспортной, производственной и социальной) для такой большой в территориальном отношении страны, как Россия, вне всякого сомнения, является фактором развития [1].

Таким образом, наличие в регионе определённых ресурсов, обуславливающее превосходство над другими регионами, представляется его конкурентным преимуществом. При этом использование имеющихся конкурентных преимуществ формирует неравенство регионов, неоднородность пространства.

В условиях такой неоднородности, как отмечают В. Лексин и А. Швецов, значение имеют не сами различия или их уровень, а «мощная динамика» спада или отставания экономики и (или) социальной сферы от экономики и (или) социальной сферы других регионов [4, с. 32].

При расширении границ федеральных округов и формировании макрорегионов, «включённые» территории усиливают дифференциацию пространства не только с точки зрения имеющихся у них конкурентных преимуществ и (или) уровня социально-экономического развития, но и с точки зрения характера этого развития (прогресс / регресс). Эти особенности выводят исследование неравномерности за рамки понятий «неравенство» или «дифференциация» и обуславливают необходимость в определённом их расширении, в частности, за счёт использования определения «сверхнормативное» неравенство. В контексте настоящего исследования «сверхнормативное» неравенство используется для обозначения различий, вызывающих регресс в развитии территории.

Формальным индикатором неравенства, который наиболее часто используется в межрегиональных сравнениях, является коэффициент вариации. Если значение коэффициента вариации показателя сравниваемых регионов превышает 33%, то фиксируется неравенство. Вывод относительно его «сверхнормативного» характера и существенного отрицательного влияния на пространственное развитие всей социально-экономической системы, должен опираться, как представляется, не только на формальные показатели дисперсии или вариации, но и на системное исследование динамики указанных индикаторов неравенства, позволяющих диагностировать дивергентные тренды в развитии экономической или социальной сферы территорий макрорегиона, сопровождающиеся различными патологическими явлениями.

Таким образом, в пространстве макрорегиона, территории объективно имеют различные конкурентные преимущества, которые формируют неравенство в их социально-экономическом развитии. При этом могут появляться дивергентные тренды в социально-экономическом развитии регионов, обуславливающие негативные процессы и явления в экономике или социальной сфере. Неравенство регионов, характеризующееся дивергентной динамикой в их социально-экономическом развитии, представляется «сверхнормативным» неравенством, диагностика которого является важной и актуальной задачей пространственных исследований.

Анализ статистических данных

В целях диагностики «сверхнормативного» неравенства необходимо определить показатели, сравнительный анализ которых будет осуществляться в динамике, позволяющей выявить дивергенцию.

Полагаем, что диагностика «сверхнормативного» неравенства в социальной сфере может опираться на следующие показатели: общие коэффициенты рождаемости и смертности; коэффициент миграционного прироста; обеспеченность и доступность учреждений здравоохранения, образования и культуры; уровни жизни и безработицы; показатели состояния научно-исследовательского сектора.

Диагностика «сверхнормативного» неравенства (отставания) может выполняться на основе сопоставления значений указанных выше показателей социально-экономического развития региона со средними значениями по России и макрорегиону. Совокупность показателей-индикаторов представлена в *таблице 1*.

Таблица 1

Индикаторы развития социальной сферы
экономического пространства региона

№	Направление	Показатель
1.	Культура	Число учреждений культуры
		Число посещений учреждений культуры
		Число участников культурно-досуговых мероприятий учреждений культуры
2.	Социально-экономическое (доходное) неравенство	
2.1	Безработица	Уровень безработицы, %
2.2	Доходное расслоение	Среднедушевые доходы, рублей
		Отношение средней заработной платы к величине прожиточного минимума, %
2.3	Обнищание населения	Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, % от общей численности населения
3.	Демографические процессы	
3.1	Естественное движение населения	Коэффициент рождаемости, ‰
		Коэффициент смертности, ‰
3.2	Механическое движение населения (миграция)	Коэффициент миграционного прироста на 10 тыс. человек населения
4.	Здравоохранение	Заболеваемость на 1 тыс. человек населения
		Мощность амбулаторно-поликлинических учреждений на 10 тыс. человек населения, посещений в смену
		Численность населения на одну больничную койку, человек
		Нагрузка на работников сферы здравоохранения (на одного врача / работника среднего медицинского персонала), человек

Продолжение таблицы 1

№	Направление	Показатель
5.	Образование	Число организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам начального, основного и среднего общего образования
		Удельный вес обучающихся во вторую и третью смены в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам начального, основного и среднего общего образования, %
		Численность студентов, обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена на 10 тыс. человек населения, человек
		Численность студентов, обучающихся по программам высшего образования на 10 тыс. человек населения, человек
		Охват профессиональным образованием, %
6.	Научно-инновационные процессы	
6.1	Разработка и реализация проектов в области НИОКР	Разработанные передовые производственные технологии
		Затраты на научные разработки, тыс. рублей
6.2	Подготовка кадров для научно-исследовательского сектора	Численность занятых, тыс. человек
		Выпуск специалистов с высшим образованием, тыс. человек

Источник: составлено по методологическим пояснениям к официальным статистическим публикациям Росстата.

При выборе показателей мы исходим из того, что основным обобщающим результативным показателем развития социальной сферы территориальной системы представляется человеческий капитал. Роль человеческого капитала определяется не только его вкладом в ВРП, но и тем, что он является условием обеспечения социальной мобильности людей, повышения их жизненных шансов. Опираясь на понятие «человеческий капитал», введённое в научный оборот Т. Шульцем и Г. Беккером, выделим в структуре человеческого капитала элементы, которые, по нашему мнению, необходимо диагностировать в первую очередь, в связи с тем, что они обеспечивают человеку возможность достижения целей получения дохода либо удовлетворения потребностей развития [10]. Такими элементами, с нашей точки зрения, являются: биофизические параметры, обуславливающие возможности воспроизводства населения; интеллектуально-образовательные и «культурные» параметры, обуславливающие формирование его ценностной и духовно-нравственной основы, профессиональных навыков человека, а также возможности для научной и исследовательской деятельности, необходимые для творческого развития личности. С учётом выделенных элементов человеческого капитала в качестве направлений оценивания рассматриваются медико-демографические, образовательные, социально-экономические (формирующие доходное неравенство), «культурные» и научно-исследовательские процессы. При этом результативность каждого процесса представляется

как совокупная результативность отдельных частных процессов. Агрегирование показателей осуществляется методом аддитивной свёртки на том основании, что каждый из диагностируемых показателей является значимым для интегрального показателя и оказывает влияние на его величину, но при этом ни один из них не является критичным.

Диагностика дивергенции осуществляется на основе анализа динамики коэффициента вариации индикаторов развития социальных процессов, для которого должно выполняться следующее неравенство:

$$\sigma_{t+T} > \sigma_t,$$

где σ – коэффициент вариации, t – начало исследуемого периода, T – продолжительность периода, лет.

Для оценки совокупной результативности процессов формирования человеческого капитала используем индикаторы результативности частных процессов социального развития (с учётом их значимости для величины и качества человеческого капитала), представленные в [таблице 1](#), которые затем агрегируем по основным направлениям. В качестве информационной базы исследования используем официальные статистические публикации Росстата.

Поскольку все индикаторы имеют разную размерность, их агрегирование и формирование комплексных оценок выполнено с использованием метода линейного масштабирования, который позволяет привести показатели в сопоставимый вид на основе единой шкалы оценок. Агрегированные оценки результативности основных процессов социального развития, приведённые в сопоставимый вид, были использованы для сравнительного анализа, результаты которого отражены в [таблице 2](#).

Полагаем, что низкая результативность отдельных процессов формирования человеческого капитала по сравнению со среднероссийским уровнем (или средним по макрорегиону) может рассматриваться в качестве сверхнормативных выбросов неравномерности социально-экономического развития дальневосточных регионов.

Таблица 2

Нормированные показатели интегральной результативности процессов формирования человеческого капитала в 2018 г.

Территория	Демографические процессы	Процессы в здравоохранении	Формирование доходного неравенства	Образовательные процессы	Культура	Научно-инновационные процессы
РФ	3,4	5,0	3,0	3,0	4,0	0,5
ДФО	2,9	3,6	2,7	2,1	2,7	0,4
Забайкальский край	2,3	2,6	1,5	1,7	2,0	0,1
Республика Бурятия	2,2	3,0	2,5	1,5	1,8	0,1

Источник: рассчитано по: Региональная статистика. URL: https://www.gks.ru/regional_statistics (дата обращения: 06.03.2020).

Сравнение совокупной результативности процессов формирования человеческого капитала в дальневосточных субъектах РФ с аналогичными среднероссийскими показателями демонстрирует их отставание в развитии социальной сферы. Показатели социального развития социальной сферы Республики Бурятия и Забайкальского края ниже среднего уровня по ДФО.

Особенностью неравенства в развитии социальной сферы Забайкальского края, Республики Бурятия и остальных регионов Дальнего Востока является наличие дивергентных процессов по отдельным направлениям (*табл. 3*).

Таблица 3

Коэффициенты вариации интегральных социальных процессов

Наименование	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Интегральный медико-демографический процесс	23,3	25,7	23,5	23,3	20,9	23,0	29,9	30,3
Интегральный научно-образовательный процесс	80,7	81,2	79,7	82,0	82,5	82,5	83,6	84,0
Интегральный процесс развития культуры	41,7	26,1	31,1	25,5	23,6	31,6	31,4	30,1
Интегральный процесс формирования уровня жизни	53,7	43,9	43,5	43,6	42,1	43,0	40,9	47,7

Источник: рассчитано по: Региональная статистика. URL: https://www.gks.ru/regional_statistics (дата обращения: 06.03.2020).

Динамика коэффициента вариации свидетельствует о сигма-расходимости медико-демографических и научно-образовательных процессов, то есть фактически половина процессов социального развития в присоединённых регионах не только отстают от уровня социального развития среднего по ДФО, но и имеют противоположную динамику. Таким образом, включение Республики Бурятия и Забайкальского края в состав ДФО формирует «сверхнормативное» неравенство в развитии социальной сферы всего макрорегиона.

Низкие показатели социального развития в Забайкальском крае и Республике Бурятия, сохраняющиеся на протяжении последних десятилетий, на фоне положительной динамики этих показателей по стране, отражают негативные тенденции в регионах, свидетельствуют об их социальном неблагополучии (*табл. 4*).

За полтора десятилетия численность населения снизилась, при этом в Забайкалье это снижение составило почти 30%. Увеличение численности безработных с высшим и средним профессиональным образованием (более чем в 2–3 раза) отражает постепенное снижение человеческого капитала. На этом фоне наблюдается рост потребления алкоголя и наркотиков, что, в свою очередь, вызывает рост преступности и ДТП, приводит к распространению уголовной «романтики» в молодёжной среде, росту детской преступности и суицида. С 1993 г. Забайкальский край входит в группу субъектов РФ со сверхвысокой смертностью населения по причине самоубийств и детской преступности [7].

В условиях объективно сложившегося неравенства дальневосточных регионов дивергенция в сфере социального развития между «старыми» и «новыми» субъектам РФ в составе ДФО будет способствовать формированию «сверхнормативного» неравенства и расширению зоны «социального неблагополучия» в федеральном округе в новых границах.

Таблица 4

Динамика индикаторов социального неблагополучия
по регионам Восточного Забайкалья

Показатель	Забайкальский край			Республика Бурятия		
	2000	2018	темп прироста / сокращения, %	2000	2018	темп прироста / сокращения, %
Численность населения, тыс. человек	1 375,0	1 073,0	–22,0	1 038,0	985,0	–5,1
Безработные с высшим образованием, % от общей численности безработных	4,0	9,3	5,3*	3,3	14,4	11,1*
Безработные со средним профессиональным образованием, % от общей численности безработных	12,4	26,9	14,5*	13,1	43,3	30,2*
Преступность на 100 тыс. человек населения	2 368,0	2 509,0	6,0	2 391,0	2 399,0	0,3
Число зарегистрированных ДТП	110,3	129,5	17,4	130,1	134,3	3,2
Число зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков	1 928,0	1 712,0	–11,2	1 240,0	1 564,0	26,1
Потребление алкоголя, дал	1 455,3	1 794,4	23,3	1 309,0	1 322,6	1,0

Примечание. * – абсолютное изменение.

Источник: рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (дата обращения: 06.03.2020).

Неравномерность социально-экономического развития Дальнего Востока формируется различными векторами развития отдельных территорий в его составе. В пространстве макро-региона определяются две крупные зоны: «северная дуга» с концентрацией добывающих производств, и «южная дуга» – высоко- и среднетехнологичных перерабатывающих производств и сферы услуг.

На территории Восточной Сибири сосредоточены запасы цветных металлов, энергетических и лесных ресурсов; транспортные коридоры, связывающие Дальний Восток не только с центральными регионами страны, но и с сопредельными иностранными государствами. Здесь расположены пункты международных транспортных переходов в КНР и Монголию. Физико-географические условия обусловили структуру экономики регионов. Так, почти четверть ВРП Забайкальского края (22,6%) формируется за счёт реализации транспортных услуг, оптовой и розничной торговли (11,4%), добычи цветных металлов (золота, меди, молибдена), урана и угля (14%). Обработывающие производства, удовлетворяющие потребности внутреннего рынка, на протяжении последнего десятилетия создают не более 6% ВРП. Доля сельского хозяйства, преимущественно животноводства, не превышает 5%.

В Республике Бурятия наибольший вклад в ВРП вносят: оптовая и розничная торговля (15,8%), транспортные услуги (13,9%) и обрабатывающие производства (12,3%). На долю добывающей промышленности приходится 5,5% ВРП, сельского хозяйства – около 4,8%. Таким образом, структурные особенности экономики регионов Восточного Забайкалья усиливают социально-экономическое неравенство территорий ДФО в новых границах и обуславливают проблему определения эффективных механизмов его преодоления.

Использование в Восточном Забайкалье механизма создания «точек роста», достаточно распространённого в условиях использования отраслевых критериев управления пространственным развитием, в настоящий момент представляется достаточно проблематичным [3]. Добывающие предприятия, действующие на территории Забайкальского края и Республики Бурятия, в основном представляют интересы крупного иностранного и российского бизнеса федерального уровня. В частности, компания Хайлэнд Голд (Highland Gold Mining Limited) ведёт разработку и добычу золота на Новоширокинском, Дарасунском, и Талатуйском месторождениях Забайкальского края. ПАО «ГМК «Норильский никель» построен Быстринский горно-обогатительный комбинат, осуществляющий добычу и обогащение руды Быстринского месторождения золота, меди и железа. Освоение Удоканского месторождения меди начато ООО «Байкальская горная компания». Аналогичная ситуация и в Республике Бурятия: добычу вольфрама и золота на Барун-Нарынском месторождении осуществляет ООО «Группа Акрополь». Вполне очевидно, что интересы территорий и интересы перечисленных компаний не пересекаются, как параллельные прямые.

Что касается возможности формирования «точек роста» в пунктах расположения международных таможенных переходов и использования в качестве «моторной» отрасли «транспорт и связь», то барьером для реализации этого механизма является низкая численность населения, отсутствие крупных городов на пути экспортных товарных потоков, которые могли бы служить своеобразным фильтром, преобразующим часть экспортных потоков в продукцию и услуги и способствовать увеличению фонда накопления в самом регионе [8, с. 161].

Ещё одним, достаточно распространённым механизмом смягчения социального неравенства является система государственных трансфертов «отстающим» регионам на «подтягивание» их развития до среднероссийского уровня. Использование финансового механизма обеспечивает возможность создать для населения более или менее сопоставимые условия проживания, повысить стандарты качества жизни и безопасности, уровень потребления и т. д. Система государственных трансфертов имеет исключительно важное значение для формирования человеческого капитала. Кроме того, использование системы трансфертов в целях снижения остроты различного рода патологических ситуаций в социальной сфере представляется достаточно популярной политической повесткой. Однако следует отметить и негативные последствия использования этого механизма, которые проявляются прежде всего в усилении финансовой зависимости субъектов РФ от федерального центра и возможности введения в отношении неблагополучных регионов жёстких мер контроля за расходованием бюджетных средств. Так, в условиях высокой дотационности и закредитованности бюджетов Республики Бурятия и Забайкальского края Министерством финансов РФ были введены ограничения в отношении уровня их госдолга и бюджетного дефицита, что вынудило регионы сокращать объёмы оказания социальных услуг и выплат пособий, пересматривать в сторону уменьшения нормативы потребления социальных благ, снижать уровень и качество жизни, способствуя, таким образом, сокращению человеческого потенциала. Совершенно очевидно, что такое «выравнивание» не только не решает, но и ещё больше обостряет проблему за счёт перекладывания ответственности и нагрузки, связанных с её решением, на сами регионы [5].

В настоящий момент проблему «сверхнормативного» неравенства между регионами Дальнего Востока и включёнными в его состав регионами Восточного Забайкалья государство пытается решить, предоставляя Республике Бурятия и Забайкальскому краю так называемую дальневосточную субсидию. В течение трёх лет в бюджет Забайкальского края планируется направить 9,4 млрд рублей, а в бюджет Республики Бурятия – 6,6 млрд рублей. Средства будут использованы на строительство и реконструкцию различных социальных объектов в муниципалитетах, в которых создаются предприятия и рабочие места, то есть на создание центров экономического роста. Таким образом, «Единая дальневосточная субсидия», с одной стороны, призвана обеспечить решение проблемы выполнения поручений Президента РФ в отстающих регионах, с другой, способствовать улучшению условий жизни населения и привлечению инвесторов. При таких условиях создание центров экономического роста возможно только в столицах регионов (городах Чита и Улан-Удэ). Слабая заселённость территорий, «вымывание» человеческого капитала, обезлюдение сельских поселений, закрытие в них промышленных и сельскохозяйственных предприятий вызывают сомнения в возможности кардинального изменения положения, по крайней мере, в ближайшей перспективе, как это планирует Правительство РФ [8]. Очевидно, что для предотвращения массовой миграции и привлечения на территорию Забайкалья и Бурятии населения из других регионов России и ближнего зарубежья, строительства и восстановления учреждений и объектов социальной сферы «Единой дальневосточной субсидии» недостаточно. Необходима система взаимосвязанных мероприятий, определённых в демографической и социальной политике РФ. В их отсутствии решение проблемы «сверхнормативного» неравенства переносится исключительно на уровень самих регионов. Однако при сложившейся структуре экономики и масштабах социального неблагополучия, решить проблему самостоятельно, в отрыве от других регионов Дальнего Востока, Республика Бурятия и Забайкальский край не в состоянии.

Включение «новых» территорий в состав макрорегиона увеличивает и без того значительный уровень дотационности консолидированных бюджетов дальневосточных субъектов РФ, создавая угрозу разбалансированности [6].

Выход из сложившейся ситуации представляется возможным на основе использования «коридора возможностей», формирование которого, по мнению Н. Зубаревич, основано на децентрализации и дерегулировании, предоставлении большей свободы госменеджменту на региональном уровне [2].

В практическом плане «коридор возможностей» может формироваться взаимосвязанными стратегиями социально-экономического развития субъектов РФ в составе федерального округа и согласовываться с национальной стратегией экономического развития. Взаимосвязь стратегий позволяет учесть возможности пространственного потенциала территорий, осуществить декомпозицию макроэкономических факторов роста и представить допустимые альтернативы.

Республика Бурятия и Забайкальский край, несмотря на имеющиеся проблемы социально-экономического развития, обладают природно-ресурсным потенциалом, системой международных пограничных переходов и таможенных пунктов пропуска на границе с КНР и Монголией, протяжённой сетью автодорог с твёрдым покрытием и развитым авиа- и железнодорожным сообщением между центральными, дальневосточными регионами РФ и странами ближнего и дальнего зарубежья. Совокупная численность населения данных регионов составляет около 2 млн человек, формирующих потенциально ёмкий рынок сбыта товаров и услуг, производимых на Дальнем Востоке. Имеющиеся возможности необходимо использовать в стратегии межрегионального взаимодействия в пространстве ДФО.

Представляется, что разработка системы взаимосвязанных стратегий дальневосточных субъектов РФ, с учётом имеющихся возможностей и особенностей социально-экономического развития каждого из них, в практическом плане может стать достаточно результативным дополнением к мероприятиям федеральной социальной и демографической политики в отношении макрорегиона и способствовать снижению «сверхнормативной» дифференциации территорий в его составе.

Заключение

Диагностика неравенства в социальной сфере регионов в новых границах ДФО выявила его «сверхнормативный» характер. Дивергенция характеризует значительную часть процессов, протекающих в социальной сфере Забайкальского края и Республики Бурятия. Последствия «сверхнормативного» неравенства проявляются в масштабах социального неблагополучия. В связи со спецификой структуры экономики регионов решение данной проблемы связано с участием Забайкальского края и Республики Бурятия в стратегии ускоренного развития Дальнего Востока.

Список литературы

1. Зубаревич Н.В. Региональное развитие и региональная политика в России // ЭКО. 2014. № 4. С. 6–27.
2. Зубаревич Н.В. Государственное управление в пространстве Российской Федерации: коридор возможностей. URL: <https://iphras.ru/uplfile/philec/gou/zubarevich.pdf> (дата обращения: 10.06.2020).
3. Ковальчук Л.Б., Кравцова С.А. Создание территорий опережающего развития в Забайкалье: проблемы и перспективы // Известия Байкальского государственного университета. 2019. Т. 29. № 3. С. 491–498.
4. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы: Теория и практика государственного регулирования территориального развития. М.: URSS, 2016. 368 с.
5. Леонов С.Н. Бюджетные стимулы регионального развития // Известия Байкальского государственного университета. 2016. Т. 26. № 5. С. 723–730. [http://dx.doi.org/10.17150/2500-2759.2016.26\(5\).723-730](http://dx.doi.org/10.17150/2500-2759.2016.26(5).723-730)
6. Леонов С.Н. Проблемы бюджетной сферы дальневосточных субъектов Федерации // Проблемы развития территории. 2020. № 1 (105). С. 93–108.
7. Маркова О.А., Кошелев М.С., Суходолов Я.А. Анализ миграционной преступности в Забайкальском крае, её влияние на криминогенную обстановку в регионе // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 2. С. 211–219. [http://dx.doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12\(2\).211-219](http://dx.doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12(2).211-219)
8. Тихоокеанская Россия – 2030: сценарное прогнозирование регионального развития / под ред. П.А. Минакира. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 557 с.
9. Тюнен И.Г. Изолированное государство. М.: Экономическая жизнь, 1926. 338 с.
10. Becker G.S. Human Capital. New York: Columbia University Press, 1964. 392 p.
11. Christaller W. Die zentralen Orte in Süddeutschland: Eine ökonomisch-geographische Untersuchung über die Gesetzmässigkeit der Verbreitung und Entwicklung der Siedlungen mit städtischen Funktionen. Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1968. 331 p.
12. Fujita M., Krugman P., Venables A.J. The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1999. 367 p.
13. Krugman P.R. Geography and Trade. Cambridge: MIT Press, 1991. 142 p.

References

1. Zubarevich N.V. Regional Development and Regional Policy in Russia. *EKO = ECO Journal*. 2014. No. 4. Pp. 6–27. (In Russian)
2. Zubarevich N.V. *Public Administration in the Space of the Russian Federation: A Corridor of Opportunities*. Available at: <https://iphras.ru/uplfile/philec/gou/zubarevich.pdf> (accessed 10 June 2020). (In Russian)
3. Kovalchuk L.B., Kravtsova S.A. Establishment of Priority Development Areas in Transbaikalia: Problems and Prospects. *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*. 2019. Vol. 29. No. 3. Pp. 491–498. (In Russian)
4. Leksin V.N., Shvetsov A.N. *State and Regions: Theory and Practice of State Regulation of Territorial Development*. Moscow, 2016. 368 p. (In Russian)
5. Leonov S.N. Fiscal Incentives for Regional Development. *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Baikal State University*. 2016. Vol. 26. No. 5. Pp. 723–730. [http://dx.doi.org/10.17150/2500-2759.2016.26\(5\).723-730](http://dx.doi.org/10.17150/2500-2759.2016.26(5).723-730) (In Russian)
6. Leonov S.N. Problems of Budgetary Sphere of the Far Eastern Constituent Entities of the Federation. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory's Development]. 2020. No. 1 (105). Pp. 93–108. (In Russian)
7. Markova O.A., Koshelev M.S., Sukhodolov Ya.A. Analysis of Migrant Crime in Zabaikalsky Region, Its Influence on the Criminogenic Situation in the Region. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal* [Russian Journal of Criminology]. 2018. Vol. 12. No. 2. Pp. 211–219. [http://dx.doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12\(2\).211-219](http://dx.doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12(2).211-219) (In Russian)
8. *Pacific Russia – 2030: Scenario Forecasting for Regional Development*. Ed. by P.A. Minakir. Khabarovsk, 2010. 557 p. (In Russian)
9. Tyunen I.G. *Isolated State*. Moscow, 1926. 338 p. (In Russian)
10. Becker G.S. *Human Capital*. New York: Columbia University Press, 1964. 392 p.
11. Christaller W. *The Central Places in Southern Germany: An Economic-Geographical Study of the Regularity of the Distribution and Development of Settlements with Urban Functions*. Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1968. 331 p. (In German)
12. Fujita M., Krugman P., Venables A.J. *The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1999. 367 p.
13. Krugman P.R. *Geography and Trade*. Cambridge: MIT Press, 1991. 142 p.

■ ■ ■
Для цитирования:

Ковальчук Л.Б. Диагностика неравенства в социальной сфере дальневосточных субъектов РФ // Регионалистика. 2021. Т. 8. № 1. С. 56–67. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.1.56>

For citing:

Kovalchuk L.B. Diagnostics of Inequality in the Social Sphere of the Far Eastern Regions of the Russian Federation. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2021. Vol. 8. No. 1. Pp. 56–67. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.1.56> (In Russian)

■ ■ ■

**БЮРАЕВА
Юлия
Григорьевна**

Доктор социологических наук,
ведущий научный сотрудник
Бурятский научный центр
СО РАН,
ул. Сахьяновой, 8, Улан-Удэ,
Россия, 670047

**BYURAEVA
Yulia
Grigorievna**

Doctor of sociology, leading
researcher
Buryat Science Center SB
RAS,
8, Sakhyanovoy Street,
Ulan-Ude, Russia, 670047

julbur@yandex.ru

УДК 331.5.024.5

**СТРУКТУРА ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ
РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ:
ТЕНДЕНЦИИ И СДВИГИ**

Статья посвящена оценке сдвигов в структуре занятости населения Республики Бурятия. Анализ проведён с использованием метода сдвиг-составляющих на основе выделения национальных, региональных и отраслевых факторов, обусловивших изменение численности занятых в разрезе видов экономической деятельности. Информационной базой послужили данные Бурятстата и Росстата за 2000–2018 гг. Выявлено, что основной причиной изменения структуры занятости региона являются неблагоприятные региональные (в большей степени) и отраслевые условия развития при положительном влиянии национальных факторов. Определены виды экономической деятельности базовые для региона, местного значения и вне специализации региона, проведена оценка их конкурентоспособности с позиции занятости.

Региональная занятость, структурные сдвиги, коэффициент локализации, Республика Бурятия

**EMPLOYMENT STRUCTURE
OF THE POPULATION OF THE REPUBLIC
OF BURYATIA: TRENDS AND SHIFTS**

The article is devoted to the assessment of shifts in the structure of employment of the population of the Republic of Buryatia. The analysis was carried out using the method of shift-components based on the selection of national, regional and sectoral factors that led to the change in the number of employees in the context of economic activities. The information base was the data of Buryatstat and Rosstat from 2000 to 2018. The main reason for the change in the structure of employment in the region was revealed as the presence of unfavorable regional (to a greater degree) and sectoral conditions for development with a positive influence of national factors. The types of economic activities basic for the region, local significance and outside the specialization of the region have been determined, the competitiveness of the types of economic activities has been assessed from the position of employment.

Regional employment, structural changes, localization coefficient, Republic of Buryatia

© Бюраева Ю.Г., 2021

Введение

Одним из основных критериев социально-экономического развития регионов РФ является уровень занятости населения, который отражает степень адаптации регионов к меняющимся условиям и современным вызовам. Так, в ряде регионов РФ проблемы занятости и безработицы в последние годы становятся всё острее. Традиционно к регионам с высоким уровнем безработицы относятся северокавказские и сибирские республики, в том числе Республика Бурятия (в среднем за сентябрь – ноябрь 2020 г. уровень безработицы здесь составил 10,6%)¹.

В связи с этим регулирование процесса занятости должно проходить при постоянном участии государства и общества, помимо рыночных механизмов. Сегодня повышение эффективности использования трудовых ресурсов является одной из важнейших установок государственной политики занятости. Ряд исследований как зарубежных, так и отечественных показали, что при её выработке правомерным является учёт структурных сдвигов в экономике с позиции занятости [9; 10]. В частности, Ю. Блам, Г. Речко, Ю. Фридман и М. Ягольницер сделали вывод о необходимости при проведении активной политики занятости стратегической переориентации структурно-инвестиционной политики с капиталоемких отраслей в пользу отраслей с высоким потенциалом повышения уровня занятости и концентрации инвестиционных ресурсов, ввиду их ограниченности, на видах экономической деятельности (ВЭД), способных стать точками роста [1]. Также изучение структурных сдвигов в занятости населения выполняется для анализа и оценки последствий структурных сдвигов в производительности труда и российской экономике в целом с целью понимания текущей ситуации и разработки рекомендаций по корректировке указанных процессов [4].

Целью данной статьи является оценка сдвигов в структуре занятости населения Республики Бурятия и выявление базовых ВЭД, способных стать локомотивами экономического роста.

Методика исследования

Для анализа структурных сдвигов в занятости используются различные методы: оценка темпов прироста числа работников по ВЭД и изменений удельного веса каждого ВЭД; метод аналогии на основе сравнения отраслевой структуры занятости населения различных государств; индексный метод оценки структурных сдвигов, учитывающий интенсивность различных долей по отдельным группам; метод сдвиг-составляющих и др.

В качестве основного метода оценки в настоящем исследовании использован метод сдвиг-составляющих [3; 6; 7; 8; 11], применяемый для количественного анализа структурных изменений в занятости населения и определения факторов этих изменений путём выделения трёх компонент или сдвиг-составляющих:

- 1) Национальной составляющей, отражающей тенденции развития экономики на федеральном уровне; количественную оценку воздействия макроэкономических условий.
- 2) Отраслевой, отражающей тенденции развития отдельной отрасли²; влияние отраслевых факторов роста.
- 3) Региональной, отражающей влияние региональных факторов роста.

¹ Росстат: «Занятость и безработица в Российской Федерации в июле 2020 года». URL: <https://nangs.org/analytics/rosstat-zanyatost-i-bezrabotitsa-v-rossijskoj-federatsii> (дата обращения: 20.09.2020).

² В данной статье ВЭД и отрасль экономики рассматриваются как аналогичные понятия, что характерно для исследований структурных сдвигов в занятости населения, см., например, [5].

Таким образом, общее изменение численности занятых можно разложить на три доли и определить влияние федеральных, региональных и отраслевых факторов на динамику занятости, в том числе по каждому ВЭД (*табл. 1*).

Таблица 1

Формулы расчёта компонент и общего изменения региональной занятости

Показатель	Формула расчёта	Расшифровка условных обозначений
Национальная компонента (NS)	$NS = Z_i \times T / 100$	Z_i – численность занятых по ВЭД в регионе в начале исследуемого периода, тыс. человек;
Отраслевая компонента (IM)	$IM = Z_i \times (T_j / 100 - T / 100)$	T – темп прироста занятых в экономике РФ в исследуемый период, %;
Региональная компонента (LF)	$LF = Z_i \times (T_i / 100 - T_j / 100)$	T_j – темп прироста занятых по ВЭД в РФ в исследуемый период, %;
Общее изменение региональной занятости (R)	$R = NS + IM + LF$	T_i – темп прироста занятых по ВЭД в регионе в исследуемый период, %.

Источник: составлено по: [7; 8; 11].

Для выявления наиболее перспективных ВЭД и специализации региона с позиции занятости использован коэффициент локализации, рассчитываемый как отношение доли занятых в ВЭД в регионе к соответствующей доле занятых в российской экономике [5; 7; 8]. Применение данного показателя при установлении «самообеспеченности» и экспортных возможностей региональной экономики относительно распространено [1].

На основе расчёта коэффициента локализации выделены базовые, местные (регионального значения) и ВЭД вне специализации региона. Отрасли с коэффициентом локализации выше 1,251 являются базовыми, создающими условия для экспорта товаров и услуг за пределы региона. Значение коэффициента локализации от 0,751 до 1,250 характеризует местные ВЭД, направленные на покрытие потребностей внутреннего рынка региона. В совокупности они представляют ВЭД текущей специализации региона. Виды деятельности, на которых регион не специализируется в рассматриваемый период, характеризуются значением показателя ниже 0,750. Они могут представлять интерес с точки зрения импортозамещения или перспективного развития.

Комплексная оценка перспективности и конкурентоспособности отраслей с позиции занятости, помимо выявления их относительной концентрации в республиканской экономике, предполагает анализ динамики изменения численности занятых в них по сравнению с среднероссийскими темпами в исследуемый период. По уровню конкурентоспособности с позиции занятости ВЭД сгруппированы следующим образом [1; 7; 8]:

- сильные ВЭД – занятость на региональном уровне растёт быстрее, чем на национальном;
- отстающие ВЭД – занятость на региональном уровне растёт более низкими темпами, чем на национальном;
- ограниченно развивающиеся ВЭД – спад занятости на региональном уровне происходит медленнее, чем на национальном;
- депрессивные ВЭД – спад занятости в регионе характеризуют темпы, опережающие национальный уровень.

Информационной базой анализа послужили данные Бурятстата и Росстата по среднегодовой численности занятых в разрезе ВЭД за 2000–2018 гг.¹ Выбор временного интервала обусловлен тем, что 2000 г. – экономически относительно стабильный и может рассматриваться в качестве базового года.

Динамика занятости и современное состояние рынка труда

В Республике Бурятия в исследуемый период наблюдались значительные колебания занятости, ведущие к нестабильной ситуации на рынке труда. После 2013 г. произошла стагнация рынка труда, характеризующаяся ежегодным, за исключением 2018 г., сокращением численности занятых в экономике на фоне сокращения численности населения в трудоспособном возрасте. В этот период был закрыт или значительно оптимизирован ряд крупных предприятий. В то же время в РФ наблюдается рост численности занятых в экономике (кроме небольшого провала с 2009 по 2014 г.) и затем спад, начавшийся в 2016 г. Таким образом, развитие российского и регионального рынка труда характеризуется разнонаправленными трендами (*рис.*).

Рис. Численность занятых в экономике РФ и Республики Бурятия, тыс. человек

Примечание. – полиномиальная линия тренда второй степени.

Источники: Рынок труда, занятость и заработная плата. URL: <https://burstat.gks.ru/trud/>; Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 06.10.2020).

В целом с 2000 г. численность занятых в экономике республики уменьшилась на 3,4%, а в РФ, напротив, выросла на 10,8% (*табл. 2*). Это обусловлено более интенсивными темпами сокращения занятости в отдельных отраслях экономики республики (за исключением обрабатывающих производств) и большим количеством отраслей с отрицательной динамикой по сравнению с РФ в целом. В 2019 г. Республика Бурятия заняла скромное 68-е место в рейтинге регионов РФ по индексу рынка труда², включающему данные по зарплате, условиям труда, занятости и ёмкости рынка труда.

¹ Рынок труда, занятость и заработная плата. URL: <https://burstat.gks.ru/trud/>; Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 06.10.2020).

² Индекс рынка труда в регионах РФ – итоги 2019 года. URL: <https://riarating.ru/infografika/20200908/630179386.html> (дата обращения: 25.10.2020).

Таблица 2

Динамика среднегодовой численности занятых в разрезе ВЭД, тыс. человек

ВЭД	РФ			Республика Бурятия		
	2000	2018	Темп прироста / сокращения, %	2000	2018	Темп прироста / сокращения, %
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	9 134	4 937	-45,9	85,1	31,1	-63,5
Добыча полезных ископаемых	1 110	1 142	2,9	12,5	6,9	-44,8
Обрабатывающие производства	12 297	10 067	-18,1	44,4	40,2	-9,5
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	1 886	2 343	24,2	15,0	16,5	9,8
Строительство	4 325	6 391	47,8	16,4	28,8	75,9
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	8 806	13 670	55,2	38,9	75,2	93,3
Гостиницы и рестораны	948	1 722	81,6	5,1	10,6	108,4
Транспорт и связь	5 056	6 817	34,8	34,8	32,7	-6,1
Финансовая деятельность	657	1 386	111,0	4,6	4,4	-4,0
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	4 490	6 711	49,5	17,8	26,6	49,7
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	3 098	3 651	17,9	23,4	32,5	39,1
Образование	5 979	5 456	-8,7	49,0	33,5	-31,7
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	4 408	4 404	-0,1	28,4	30,1	6,1
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	2 313	2 794	20,8	20,1	13,0	-35,3
Всего	64 517	71 491	10,8	395,5	382,1	-3,4

Источники: рассчитано по: Рынок труда, занятость и заработная плата. URL: <https://burstat.gks.ru/trud>; Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 06.10.2020).

На данный момент у республики нет ярко выраженной специализации, а региональный рынок труда испытывает серьёзные проблемы, связанные с ограниченностью выбора вакансий и возможностей трудоустройства. При высокой потребности в работниках, с одной стороны, предложение на рынке труда не отвечает требованиям работодателей, а с другой – вакансии не соответствуют запросам соискателей по специальности, уровню оплаты и усло-

виям труда. Эта и без того непростая ситуация ещё больше усугубляется несовпадением тенденций, доминирующих на региональном рынке труда и в образовательной сфере. По данным Республиканского агентства занятости населения, в настоящее время в Бурятии наиболее востребованы квалифицированные рабочие и иные работники со средним профессиональным образованием (41,8% вакантных мест), а также работники без профессионального образования (30,7%). Более того, работодатели не предъявляют требований по уровню образования по 13,1% вакансий. На специалистов с высшим образованием приходится всего 13,2% вакантных мест, среди которых наиболее востребованы врачи, учителя и некоторые инженерные специальности¹. В то же время почти половина выпускников имеют вузовский диплом (45%), больше трети из которых – экономиста и юриста. Выпускники по программам подготовки специалистов среднего звена составляют 39%, а квалифицированные рабочие и служащие – всего 16%². В совокупности это ведёт к сохранению структурного дисбаланса спроса и предложения рабочей силы, наблюдаемого в последние годы [2].

В разрезе ВЭД республиканская динамика занятости в 2000–2018 гг. также значительно отличается от изменений в среднем по России. Если в РФ наибольший темп прироста численности занятых наблюдался в финансовой деятельности (+111%), то в Бурятии в этом секторе, напротив, произошло сокращение на 4%.

Аналогичные разнонаправленные тенденции наблюдались в таких секторах, как добыча полезных ископаемых, предоставление прочих услуг, транспорт и связь. Отрицательная динамика численности занятых в экономике республики обусловлена в первую очередь сокращением работников в сельском хозяйстве (–63,5%), образовании (–31,7%) и обрабатывающих производствах (–9,5%).

Значительный рост численности занятых, превысивший среднероссийский темп, отмечен в гостиничной и ресторанной деятельности (более чем в 2 раза) и торговле (практически в 2 раза), доля которой в общей структуре занятости является наибольшей и составляет пятую часть, в то время как доли остальных ВЭД не превышают 10,5%. Аналогичные, но менее интенсивные тенденции наблюдались в строительстве, сфере операций с недвижимым имуществом, государственном управлении и здравоохранении.

В целом по РФ наибольшее сокращение рабочих мест произошло в сельском хозяйстве и обрабатывающих производствах, причём в последних темп снижения превышал республиканский показатель в 2 раза.

Проведённый анализ указывает на значительное влияние региональных и отраслевых факторов на структуру занятости в экономике Республики Бурятия, но оценить их «вклад» без расчёта сдвиг-составляющих невозможно.

Анализ структурных сдвигов в структуре занятости

Положительное влияние на занятость населения в республиканской экономике в целом оказали макроэкономические (национальные) факторы, благодаря которым произошло значительное увеличение численности занятых (на 10,8%, или 42,7 тыс. человек). Однако это не смогло компенсировать негативное влияние региональных тенденций, повлёкших сокращение 33,7 тыс. рабочих мест (–8,6%), и отраслевых факторов, приведших к снижению численности работающих на 22,4 тыс. человек (–5,7%). Суммарное снижение численности занятых в экономике составило 13,4 тыс. человек (*табл. 3*).

¹ Вакансии – вся Россия. URL: https://trudvsem.ru/vacancy/search?_page=0 (дата обращения: 05.12.2020).

² Образование. URL: <https://burstat.gks.ru/education> (дата обращения: 05.09.2020).

Таблица 3

Структурные сдвиги в занятости населения Республики Бурятия
с 2000 по 2018 г.

ВЭД	NS	IM	LF	R	NS	IM	LF	R
	тыс. человек				%			
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	9,2	-48,3	-14,9	-54,0	10,8	-56,8	-17,5	-63,5
Добыча полезных ископаемых	1,3	-1,0	-5,9	-5,6	10,4	-8,0	-47,2	-44,8
Обрабатывающие производства	4,8	-12,8	3,8	-4,2	10,9	-29,0	8,6	-9,5
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	1,6	2,0	-2,2	1,4	11,2	14,0	-15,4	9,8
Строительство	1,8	6,0	4,6	12,4	11,0	36,7	28,2	75,9
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	4,2	17,3	14,8	36,3	10,8	44,5	38,0	93,3
Гостиницы и рестораны	0,5	3,6	1,4	5,5	9,9	71,0	27,6	108,4
Транспорт и связь	3,8	8,4	-14,3	-2,1	11,0	24,4	-41,5	-6,1
Финансовая деятельность	0,5	4,6	-5,2	-0,1	20,0	184,0	-208,0	-4
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	1,9	6,9	0	8,8	10,7	39,0	0	49,7
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	2,5	1,6	5,0	9,1	10,7	6,9	21,5	39,1
Образование	5,3	-9,6	-11,2	-15,5	10,8	-19,6	-22,9	-31,7
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	3,1	-3,1	1,7	1,7	11,1	-11,1	6,1	6,1
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	2,2	2,0	-11,3	-7,1	10,9	9,9	-56,2	-35,3
Всего	42,7	-22,4	-33,7	-13,4	10,8	-5,7	-8,6	-3,4

Источники: рассчитано по: Рынок труда, занятость и заработная плата. URL: <https://burstat.gks.ru/trud>; Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 06.10.2020).

Необходимо отметить, что положительный эффект национального роста проявился во всех ВЭД в равной степени, за исключением финансовой деятельности, где наблюдалось его наибольшее влияние.

Увеличение числа рабочих мест под влиянием отраслевых факторов произошло в 9 ВЭД и в совокупности составило 52,4 тыс. человек. Наиболее значительно это проявилось в финансовой деятельности, а также деятельности гостиниц и ресторанов. В оставшихся 5 ВЭД – сельском хозяйстве, обрабатывающих производствах, образовании, здравоохранении и добыче полезных ископаемых – отраслевые факторы оказали негативное влияние. Более того, они стали первопричиной сокращения занятых в сельском хозяйстве и обрабатывающих производствах и недостаточного роста – в здравоохранении. В обрабатывающих производствах и здравоохранении национальная и региональная компоненты имели положительную направленность. Суммарное снижение по 5 отраслям достигло 74,8 тыс. человек.

Республиканская сдвиг-составляющая оказала положительный эффект только в 6 ВЭД прежде всего в оптовой и розничной торговле. В сфере операций с недвижимым имуществом имел место практически нулевой эффект. Суммарный рост занятости составил 31,3 тыс. человек, что оказалось недостаточно для компенсации отрицательного влияния республиканских тенденций в остальных 7 ВЭД. Наибольшее негативное воздействие проявилось в финансовой деятельности и сфере предоставления прочих услуг. Кроме того, региональный фактор стал главной причиной сокращения в 5 ВЭД (финансовая деятельность, предоставление прочих услуг, добыча полезных ископаемых, транспорт и связь, производство и распределение электроэнергии). При этом во всех секторах, кроме добычи полезных ископаемых, национальная и отраслевая компоненты имели положительное значение. В совокупности по 7 отраслям сокращение составило 65 тыс. человек.

Оценка перспективности и конкурентоспособности ВЭД

Распределение ВЭД на базовые, местного значения и вне специализации республики на основе результатов расчёта коэффициента локализации представлено в [таблице 4](#).

Формирование региональной политики в отношении выявленных групп ВЭД возможно на основе разработки вероятных сценариев развития экономической ситуации (см., например, [1; 7; 8]).

В число базовых в экономике республики в 2018 г. входили только три ВЭД, обеспечивающих формирование первичного дохода на территории региона. Однако только производство и распределение электроэнергии, газа и воды относится к реальному сектору экономики и обеспечивает экспорт за пределы республики, в частности поставку электроэнергии в Монголию. Но динамика развития данного ВЭД носит отстающий характер, поскольку темп прироста региональной занятости здесь значительно уступает среднероссийскому. Это связано, как отмечено выше, с отрицательным воздействием региональных факторов. Необходимы разработка комплекса экстренных мероприятий для сохранения и развития занятости (в том числе сглаживания отрицательного влияния региональных тенденций) и поддержка региональными органами власти соответствующих предприятий.

Также в число базовых в 2018 г. входили ВЭД с бюджетным финансированием, неспособные обеспечить рост экономики республики. Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование являются ведущими в региональной специализации (в 2000 г. – отрасли местного значения) и находятся в стадии роста. В исследуемый период в данном секторе произошёл значительный рост занятости, превысивший среднероссийский показатель более чем в 2 раза. В результате численность работников по данному ВЭД в республике составляет 330 человек на 10 тыс. населения, в то время как среднероссийский показатель – 249 человек. Кроме того, именно республиканские факторы стали доминирующими при изменении численности занятых в этом секторе. Несмотря на то что данный ВЭД

характеризуется как «сильный» по уровню конкурентоспособности с позиции занятости, он не может стать основой развития экономики региона ввиду бюджетного финансирования, а столь интенсивный рост численности государственных служащих не всегда необходим и эффективен в таком депрессивном регионе, как Бурятия, находящейся почти в конце рейтинга регионов РФ по социально-экономическому положению (69-е место из 85)¹.

Таблица 4

Группировка ВЭД в Республике Бурятия
по региональной специализации и уровню конкурентоспособности

ВЭД	Коэффициент локализации		Уровень конкуренто- способности с позиции занятости
	2000	2018	
Базовые ВЭД (коэффициент локализации выше 1,251)			
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	1,231	1,641	Сильный
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	1,300	1,297	Отстающий
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	1,050	1,258	Сильный
ВЭД местного значения (коэффициент локализации – 0,751–1,250)			
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	1,520	1,144	Депрессивный
Образование	1,339	1,132	Депрессивный
Гостиницы и рестораны	0,872	1,130	Сильный
Добыча полезных ископаемых	1,844	1,118	Депрессивный
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	0,721	1,014	Сильный
Транспорт и связь	1,124	0,884	Депрессивный
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1,417	0,857	Депрессивный
Строительство	0,617	0,829	Сильный
ВЭД, на которых регион не специализируется (коэффициент локализации ниже 0,750)			
Обрабатывающие производства	0,590	0,736	Ограниченно развивающийся
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	0,647	0,732	Сильный
Финансовая деятельность	1,134	0,583	Депрессивный

Источник: расчёты автора.

¹ Рейтинг социально-экономического положения регионов – 2019. URL: <https://riarating.ru/infografika/20190604/630126280.html> (дата обращения: 25.07.2020).

Аналогичные тенденции наблюдались в других базовых ВЭД в регионе – здравоохранении и предоставлении социальных услуг, – коэффициент локализации которых в 2018 г. по сравнению с 2000 г. увеличился на 20% благодаря макроэкономическому и региональному влиянию. Свою положительную роль сыграла реализация мероприятий в рамках национального проекта «Здравоохранение». Основные проблемы развития данного ВЭД связаны с отрицательным влиянием отраслевых факторов прежде всего дефицитом профессиональных кадров (особенно в условиях распространения коронавирусной инфекции). Поэтому необходимы дополнительные меры, в том числе поддержка медицинских работников на основе субсидирования приобретения жилья, предоставления дополнительных социальных льгот; увеличение количества бюджетных мест для подготовки медработников и врачей в учебных заведениях республики и пр. Возможным путём усиления данной сферы могла бы стать коммерциализация и развитие медицинского и оздоровительного туризма (на территории республики официально зарегистрировано 86 курортно-оздоровительных местностей¹); высокотехнологичной медицинской помощи, которую иностранным туристам готова предоставлять Республиканская клиническая больница им. Н.А. Семашко.

В число отраслей местного значения вошли 8, также вошедших в число отраслей региональной специализации. Функции данных ВЭД связаны с перераспределением и преумножением первичного дохода, обеспечиваемого базовыми отраслями. Однако по 5 ВЭД (сельское хозяйство, добыча полезных ископаемых, образование, транспорт и связь, предоставление прочих услуг) в исследуемый период наблюдались сокращение рабочих мест и потеря конкурентной позиции в национальном масштабе, что связано с депрессивным характером их развития. Стагнация отраслей, непосредственно связанных с использованием природных ресурсов (минерально-сырьевого комплекса, сельского, охотничье-промыслового и рыбного хозяйств, лесной промышленности и пр.), произошла после принятия в 1999 г. федерального закона «Об охране озера Байкал»². Направления и масштабы развития экономики республики были ограничены введением особого режима природопользования.

На данный момент в состав Байкальской природной территории с особыми условиями природопользования входит более половины территории республики, что подразумевает значительные финансовые затраты при реализации любых проектов. Это, в свою очередь, снижает их инвестиционную привлекательность. В рейтинге инвестиционной привлекательности регионов РФ в 2019 г. у Республики Бурятия всего лишь 72-е место из 85³. Регион характеризуется высоким уровнем капиталоемкости производства, в том числе топливо- и энергоёмкости продукции, низкой дорожной обеспеченностью в отдельных районах. Сказывается периферийное расположение республики в системе макроэкономического районирования РФ, а также её большая территория. Значительная транспортная составляющая себестоимости продукции, изношенность инженерной инфраструктуры, недостаток недорогих ресурсов для снабжения производственного процесса – всё это осложняет социально-экономическое развитие региона.

Кроме того, спад занятости населения республики в сельском и лесном хозяйстве, секторе охоты, рыболовстве и рыбоводстве произошёл вследствие низкого престижа сельскохозяйственного труда, высоких рисков и пр. После 2000 г. республика Бурятия окончательно утратила сельскохозяйственную специализацию в структуре занятости населения.

¹ Денисова М. Бурятия курортная: в Хурале обсудят проблемы лечебного туризма. URL: <https://vtinform.com/podrobnosti/97921/> (дата обращения: 10.10.2020).

² Федеральный закон № 94-ФЗ от 1 мая 1999 г.

³ VII ежегодный рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России 2019. URL: http://www.ra-national.ru/sites/default/files/Obzor_Rating_Investment_Regions_VII_2020.pdf (дата обращения: 15.10.2020).

Сельское и лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство; добыча полезных ископаемых; образование (из-за перманентных процессов оптимизации и реструктуризации), сфера предоставления прочих коммунальных, социальных и персональных услуг (по аналогичным причинам) перешли из группы базовых в группу отраслей местного значения. Кроме того, не может не вызывать опасений наблюдаемое снижение занятости в секторе «транспорт и связь». В целом для возрождения данных ВЭД необходимы значительные усилия и затраты. Несмотря на то, что отрасли с депрессивной динамикой развития малоперспективны и с трудом поддаются восстановлению, их поддержка необходима для благоприятного развития региона.

К быстро развивающимся ВЭД местного значения относятся: деятельность гостиниц и ресторанов; оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования; строительство. При этом основное положительное влияние в исследуемый период здесь оказывали отраслевые факторы. Однако для разработки мероприятий по интенсификации воздействия данных факторов необходимы дополнительные исследования.

Среди отраслей вне специализации региона особый интерес вызывает сфера операций с недвижимым имуществом. Более высокий темп развития данной сферы, чем в среднем по стране, связан с ростом регионального строительного рынка. Направление дальнейшего развития данной сферы не совсем ясно, поскольку её рост оказался независим от влияния местных факторов и обеспечивался преимущественно отраслевыми тенденциями.

Ситуация с занятостью населения в обрабатывающих производствах в исследуемый период ухудшилась (менее интенсивно, чем по РФ в целом) из-за стагнации отрасли. Кроме того, произошло увеличение значения коэффициента локализации по данному ВЭД. Поддержка обрабатывающей промышленности в регионе требует специального рассмотрения, поскольку ограничена высокой рентабельностью производств.

В сфере финансовой деятельности сложилась наихудшая ситуация, значение коэффициента локализации здесь самое низкое. Влияние региональных факторов в исследуемый период носило крайне негативный характер и привело к значительному сокращению занятости. Как показывает опыт других регионов, поддержка данного ВЭД нецелесообразна.

Заключение

Таким образом, метод сдвиг-составляющих позволяет разделить суммарное сокращение занятости на доли и оценить «вклад» каждой составляющей. Так, политику местных властей можно оценивать как наименее эффективную, поскольку отрицательное влияние республиканских факторов на динамику количества рабочих мест оказалось самым сильным. Несмотря на меньшее сокращение числа занятых из-за республиканских факторов по сравнению с отраслевыми, последние способствовали большому росту количества рабочих мест, что в итоге обусловило менее негативное воздействие отраслевой компоненты.

Сельскохозяйственная, а также промышленно-сырьевая ориентация в структуре занятости населения республики была окончательно утрачена с 2000 г. В исследуемый период наблюдаются существенная зависимость структуры занятости населения региона от занятости в бюджетном секторе экономики, невысокая рентабельность малого и среднего бизнеса из-за сложной логистики, высоких затрат на тепло- и электроэнергию, а также ограниченные перспективы развития традиционных отраслей из-за «байкальского фактора». Республике Бурятия пока не удалось занять узкоспециализированную конкурентоспособную нишу в регио-

нальной, российской и мировой системах разделения труда. Стоит трудная задача определения нового пути регионального развития, который должен быть связан, на наш взгляд, с принципами «зелёной» экономики и развитием ВЭД, не связанных экологическими ограничениями, способствующих сохранению и развитию человеческого капитала, в том числе в несырьевых производствах.

Список литературы

1. Блам Ю.Ш., Речко Г.Н., Фридман Ю.А., Ягольницер М.А. Мониторинг структурных сдвигов в экономике региона с использованием показателя занятости // *Экономическое развитие России: региональный и отраслевой аспекты*. Вып. 2. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001. С. 74–90.
2. Бюраева Ю.Г. Дисбаланс спроса и предложения рабочей силы на региональном рынке труда (на примере Республики Бурятия) // *ЭКО*. 2015. № 5. С. 120–127.
3. Воробьева О.Д., Топилин А.В. Оценка качества структурных сдвигов в занятости населения в современной России // *Научные труды: Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН*. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 494–504. http://dx.doi.org/10.29003/m276.sp_ief_ras2018/494-504
4. Воскобойников И.Б., Гимпельсон В.Е. Рост производительности труда, структурные сдвиги и неформальная занятость в российской экономике // *Вопросы экономики*. 2015. № 11. С. 30–61. <http://dx.doi.org/10.32609/0042-8736-2015-11-30-61>
5. Забелина И.А., Клевакина Е.А., Денисенко И.С. Региональные структурные сдвиги в занятости населения: восточные регионы нового Шёлкового пути // *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. 2017. № 39. С. 80–98. <http://dx.doi.org/10.17223/19988648/39/6>
6. Кашенов А.В. Структурные сдвиги в занятости населения России // *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. 2013. Т. 6. № 4. С. 129–137.
7. Миляева Л.Г. Анализ структурных изменений в занятости населения методом сдвиг-составляющих. URL: http://elibrary.ru/journals/Files/pa2001_1_2/pages/19/html (дата обращения: 07.10.2020).
8. Сарычева Т.В. Сравнительный анализ структурных сдвигов в занятости населения региона // *Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО*. 2012. № 2. С. 170–176.
9. Сарычева Т.В. Структура занятости по видам экономической деятельности в России и динамика её изменений // *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*. 2016. № 4 (48). URL: <https://eee-region.ru/article/4821> (дата обращения: 19.10.2020).
10. Blakery E.J. *Planning Local Development: Theory and Practice*. Newbury Park: SAGE Publications, 1994. 360 p.
11. McLean M.L., Voytek K.P. *Understanding Your Economy: Using Analysis to Guide Local Strategic Planning*. Planners Press, American Planning Association, 1992. 245 p.

References

1. Blam Yu.Sh., Rechko G.N., Fridman Yu.A., Yagolnitser M.A. Monitoring of Structural Changes in the Regional Economy Using the Employment Indicator. In: *Economic Development of Russia: Regional and Sectoral Aspects*. Issue 2. Novosibirsk, 2001. Pp. 74–90. (In Russian)
2. Byuraeva Yu.G. The Im-Balance of Demand and Supply of Labour in the Regional Labour Market (On the Example of the Republic of Buryatia). *EKO = ECO Journal*. 2015. No. 5. Pp. 120–127. (In Russian)
3. Vorobyeva O.D., Topilin A.V. Assessment of the Structural Changes Quality of the Employment in Modern Russia. In: *Scientific Works: Institute of Economic Forecasting RAS*. Moscow, 2018. Pp. 494–504. http://dx.doi.org/10.29003/m276.sp_ief_ras2018/494-504 (In Russian)

4. Voskoboynikov I.B., Gimpelson V.E. Productivity Growth, Structural Change and Informality: The Case of Russia. *Voprosy ekonomiki = Voprosy Ekonomiki*. 2015. No. 11. Pp. 30–61. <http://dx.doi.org/10.32609/0042-8736-2015-11-30-61> (In Russian)
5. Zabelina I.A., Klevakina E.A., Denisenko I.S. Regional Structural Shifts If the Population Employment: Eastern Regions of the New Silk Road. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika* [Tomsk State University Journal of Economics]. 2017. No. 39. Pp. 80–98. <http://dx.doi.org/10.17223/19988648/39/6> (In Russian)
6. Kashepov A.V. Structural Changes in Employment in Russia. *Problemy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie* [Problem Analysis and Public Administration Projection]. 2013. Vol. 6. No. 4. Pp. 129–137. (In Russian)
7. Milyaeva L.G. *Analysis of Structural Changes in the Employment by the Method of Shift Components*. Available at: http://elib.altstu.ru/journals/Files/pa2001_1_2/pages/19/pap_19.html (accessed 7 October 2020). (In Russian)
8. Sarycheva T.V. Comparative Analysis of Structural Changes in the Population Employment of the Republic of Mari El. *Ekonomika, statistika i informatika. Vestnik UMO* [Economics, Statistics and Informatics. Bulletin of Educational Methodical Association]. 2012. No. 2. Pp. 170–176. (In Russian)
9. Sarycheva T.V. Employment Structure by Economic Activity and the Dynamics of Its Changes. *Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Regional Economics and Management: Electronic Scientific Journal]. 2016. No. 4 (48). Available at: <http://eee-region.ru/article/4821/> (accessed 19 October 2020). (In Russian)
10. Blakery E.J. *Planning Local Development: Theory and Practice*. Newbury Park: SAGE Publications, 1994. 360 p.
11. McLean M.L., Voytek K.P. *Understanding Your Economy: Using Analysis to Guide Local Strategic Planning*. Planners Press, American Planning Association, 1992. 245 p.

■ ■ ■
Для цитирования:

Бюраева Ю.Г. Структура занятости населения Республики Бурятия: тенденции и сдвиги // Регионалистика. 2021. Т. 8. № 1. С. 68–80. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.1.68>

For citing:

Byuraeva Yu.G. Employment Structure of the Population of the Republic of Buryatia: Trends and Shifts. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2021. Vol. 8. No. 1. Pp. 68–80. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.1.68> (In Russian)

**КИБАЛОВ
Евгений
Борисович**

Доктор экономических наук,
главный научный сотрудник
Института экономики
и организации
промышленного
производства СО РАН,
проспект Академика
Лаврентьева, 17,
Новосибирск, Россия, 630090

**KIBALOV
Evgeny
Borisovich**

Doctor of economics, chief
researcher
Institute of Economics and
Industrial Engineering SB RAS,
17, Academician Lavrentyev
Avenue, Novosibirsk, Russia,
630090

kibalovE@mail.ru

© Кибалов Е.Б., Малов В.Ю.,
Шибикин Д.Д., 2021

УДК 332.1

**ВАРИАНТЫ РЕШЕНИЯ
ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ
АНГАРО-ЕНИСЕЙСКОГО РЕГИОНА**

Ангаро-Енисейский регион дислоцирован на территории водосбора р. Енисей и вместе с другими великими реками Сибири и Дальнего Востока образует эколого-ассимиляционный потенциал Зауралья. Его сохранение и развитие являются элементами национальной безопасности России. Под таким углом зрения критически анализируется национальный проект «Экология». Предлагается в его составе выделить и реализовать реконвалесцентную программу по решению экологических проблем р. Енисей и Ангаро-Енисейского региона. Первый, научно-исследовательский этап такой программы рекомендуется осуществить академической науке за счёт государственных источников финансирования, а средства бизнеса привлечь на следующих этапах её развёртывания. Демонстрируются элементы научного инструментария обоснования предлагаемой программы, разработанные к настоящему времени в Институте экономики и организации промышленного производства СО РАН.

Ангаро-Енисейский регион, логико-эвристическая модель, инвестиции в экологию, целевая функция

**OPTIONS FOR SOLVING
THE ECOLOGICAL PROBLEM
OF THE ANGARA-YENISEI REGION**

The Angara-Yenisei region is located on the territory of the Yenisei catchment area and together with other great rivers of Siberia and the Far East forms the ecological and assimilation potential of the TRANS-Urals. Its preservation and development are an elements of Russia's national security. From this point of view, the national project «Ecology» of Russia is critically analyzed, and it is proposed to identify and implement a re-qualification program to solve the environmental problems of the Yenisei and the Angara-Yenisei region. The first, research stage of such a program is recommended to be implemented by academic science at the expense of state sources of funding, and business funds should be attracted at the following stages deployment of the program. The elements of the scientific tools for substantiating the proposed program that have been developed so far in the Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS are demonstrated.

Angara-Yenisei region, logical-heuristic model, investments in ecology, objective function

**МАЛОВ
Владимир
Юрьевич**

Доктор экономических наук,
главный научный сотрудник
Института экономики
и организации
промышленного
производства СО РАН,
проспект Академика
Лаврентьева, 17,
Новосибирск, Россия, 630090

**MALOV
Vladimir
Yurievich**

Doctor of economics, chief
researcher
Institute of Economics and
Industrial Engineering SB RAS,
17, Academician Lavrentyev
Avenue, Novosibirsk, Russia,
630090

malov@ieie.nsc.ru

Введение

В данной статье Ангаро-Енисейский регион (АЕР) трактуется не только и не столько как система для решения ресурсных проблем страны, то есть утилитарно [6], но и как один из четырёх базовых природных кластеров Сибири и Дальнего Востока, фундирующих российскую цивилизацию как гуманитарный феномен Российской Азии. Эти кластеры дислоцированы на территориях водосбора рек Обь, Енисей, Лена, Амур и в совокупности образуют фундамент эколого-ассимиляционного потенциала Зауралья. Его деградация стратегически опасна как в краткосрочной, так и долгосрочной перспективе, поскольку владение им является преимуществом России в конкурентном, турбулентно развивающемся мире XXI в. Одной из важнейших проблем при этом является сохранение экологической устойчивости АЕР, что и составляет содержание настоящей статьи.

В отличие от канонов традиционного системного анализа и сценарного подхода, разработанных в 50–60-е гг. прошлого века в США, мы рассматриваем экологическую проблему АЕР не только как межотраслевую и межрегиональную внутрироссийскую, но и как межпарадигмальную, то есть на более высоком уровне общности, следуя установкам системной парадигмы Я. Корнаи [5]. Суть парадигмы в том, что крупномасштабные многоаспектные проблемы и проекты их решения должны рассматриваться в различных парадигмах в спектре «марксистская – неоклассический мейнстрим», а выводы о предпочтительных способах решения проблем следует делать с максимальной осторожностью, принимая во внимание фактор неопределённости последствий, определяемых нередко ошибочно. В рамках указанной парадигмы традиционный системный анализ трансформируется в так называемый неосистемный подход [4], который с точки зрения научного содержания не только отличается широтой охвата рассматриваемых явлений от «канонического» системного подхода, но и структурой исследовательского инструментария. Главным инструментом анализа сложных проблем и синтеза вариантов их решения считаются логико-эвристические модели, информационно опирающиеся на суждения экспертов, а экономико-математические модели, использующие преимущественно статистическую информацию, оставаясь в арсенале учёных, занимают более скромное место по сравнению с парадигмой неоклассического мейнстрима со времён Дж. Кейнса.

В статье предлагается обосновать, разработать и реализовать федеральную реконвалисцентную (лечебную) программу с условным названием «Экология АЕР». Важным условием такой разработки, конечно, является бережное от-

Шибикин Дмитрий Дмитриевич

Старший преподаватель
Сибирский государственный
университет путей
сообщения,
ул. Дуси Ковальчук, 191,
Новосибирск, Россия, 630049

**SHIBIKIN
Dmitry
Dmitrievich**

Senior lecturer
Siberian Transport University,
191, Dusi Kovalchuk Street,
Novosibirsk, Russia, 630049

wanderer-di.di@ya.ru

ношение к действующему механизму функционирования и развития АЕР, чтобы гарантировать эффективность сложившейся системы. Это тем более важно в условиях санкционной войны против России, определяющей контуры внешней среды для программы.

В рамках внутрироссийского внутреннего контура программы «Экология АЕР» основным игроком является ПАО «ГМК «Норильский никель», которым в 2019 г. представлена стратегия развития до 2030 г., в том числе в приполярной части АЕР¹. В стратегии уделено особое внимание экологии и устойчивому развитию мест дислокации ключевых активов крупнейшего в мире производителя палладия и никеля. В частности, планируется поэтапно реализовать так называемый Серный проект, в который за 10 лет будет вложено около 3,5 млрд долларов США. При этом предусмотрено, что техногенные воздействия на природу арктической тундры будут сведены к минимуму.

Однако недавние события² дают основания для сомнений в реализуемости намерений в экстремальных природно-климатических условиях Крайнего Севера России. Можно было бы считать выброс 21 тыс. т дизтоплива в реки и озёра окружающей г. Норильск тундры с реальной угрозой загрязнения Карского моря случайностью, если бы она не вскрыла стратегическую угрозу: просадку свайного поля под воздействием растепления вечной мерзлоты из-за климатических изменений в условиях глобального потепления.

Существенной проблемой является развитие Нижнего Приангарья, совместно с оз. Байкал и питающими его реками, образующими единую экономико-экологическую систему. Ещё в 2013 г. большая группа экологов и экономистов отмечала, что необходимо «...оптимизировать попуски через гидроузел [Богучанской ГЭС] для снижения экологического воздействия на экосистемы» и «провести стратегическую оценку планов промышленного освоения Нижнего Приангарья (в частности, инвестиционных проектов «Комплексное развитие Нижнего Приангарья» и «Ангаро-Енисейский кластер») с позиций определения экологической ёмкости территорий и обеспечения экологически устойчивого развития региона»³.

¹ «Норникель»: впереди десять лет экологической ответственности. URL: https://expert.ru/2019/11/19/nornikel_-_vpered-i-desyat-let-ekologicheskoy-otvetstvennosti/ (дата обращения: 11.11.2020).

² Самитова А. Удар по Потанину и северному оленю: что на самом деле произошло в Норильске. URL: https://nsk.tsargrad.tv/articles/udar-po-potaniu-i-severnomu-olenju-chto-na-samom-dele-proizoshlo-v-norilске_258413 (дата обращения: 11.11.2020).

³ Колотов А.А. Обеспечить экологическую безопасность Нижнего Приангарья. URL: <https://aakolotov.livejournal.com/24710.html> (дата обращения: 11.11.2020).

Через четыре года последовал Указ Президента РФ «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года»¹, в котором фиксировалась катастрофическая экологическая ситуация в России по состоянию на 2017 г. Территории концентрации экологического неблагополучия в нём не назывались, но всем исполнительным органам государственной власти предписывалось экологическую безопасность понимать как часть национальной безопасности страны и принять участие в разработке стратегии, направленной на реализацию государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности на федеральном, региональном, муниципальном и отраслевом уровнях².

Во исполнение данного указа был утверждён национальный проект «Экология» (НПЭ)³. Наш анализ показал, что НПЭ с точки зрения методической есть не что иное, как наследник Ангаро-Енисейского проекта, с той разницей, что тот проект, будучи частью плана ГОЭЛРО, во всех его редакциях разрабатывали известные российские учёные и эксперты Госплана СССР, а разработчики нацпроекта не персонифицированы, и как ими учитывался фактор неопределённости при оценке общественной эффективности проектных мероприятий – непонятно. Далее особенности этого проекта мы проанализируем подробно, сейчас же продолжим в хронологической последовательности структурировать проблему экологии России, вмещающую и экологию АЕР.

В июне 2019 г. на Петербургском международном экономическом форуме Президент РФ поручил Правительству РФ вместе с РАН и Русским географическим обществом подготовить до середины сентября предложения о развитии научного и промышленного потенциала Сибири. Во исполнение этого поручения Президиум РАН направил предложения в Правительство РФ.

Дальнейшая судьба этих предложений неизвестна. Поэтому можно предположить, что предложения РАН открыты до сих пор не только для корректировок «сверху», но и «снизу». В данной статье предлагаются корректировки последнего типа и затрагиваются как методологические, методические, так и инструментальные составляющие стратегии опережающего развития АЕР в части обеспечения экологической безопасности этого срединного региона России.

Постановка проблемы

Будем различать проектный и программный подходы к решению любых сложных и крупномасштабных проблем. Отечественная хозяйственная практика, а нередко и наука, эти подходы не различают, что приводит к выбору средств решения проблемы, неадекватному её сложности. Экология АЕР, на наш взгляд, является типичным примером такого рода. Действуя реактивно, Госдума РФ после экологических перипетий 2020 г. в норильской тундре готовит решения как более эффективно делить средства на компенсацию экологических ущербов, полученных государством от ПАО «ГМК «Норильский никель» и его аффилированных лиц в случае разрушения ими природного комплекса низовий р. Енисей. С точки зрения проектного подхода этот принцип верен. Ущерб, нанесённый государству-собственнику водных ресурсов,

¹ Указ Президента РФ № 176 от 19 апреля 2017 г.

² В июле 2020 г. внесены изменения в Указ Президента РФ № 204 от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», развивающий и уточняющий некоторые положения Стратегии экологической безопасности РФ. Однако методологическая и методическая основы в стратегическом документе остались прежними, поэтому в дальнейшем мы ссылаемся только на Указ Президента РФ № 176 от 19 апреля 2017 г.

³ См. Паспорт национального проекта «Экология» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол № 16 от 24 декабря 2018 г.).

локализованный по месту и времени, должен быть возмещён. Однако открытым остаётся вопрос о распределении полученной компенсации между многочисленными очагами техногенных травм, нанесённых природе в разных регионах страны. Всё отдать, например, на восстановление водных объектов р. Нижней Волги или оз. Байкал вместе с р. Ангарой и питающими озеро реками? И как взвесить текущие выгоды от «правильной» распределительной политики с долгосрочными последствиями решений, принятых «здесь и сейчас»? Проектный подход ответов на такие вопросы не даёт (см., например, [10]), поскольку по своей природе локален, даже если называть проект крупномасштабным (национальным, как НПЭ). Цели любых проектов по определению жёстко фиксированы, так же, как и продолжительность их жизненных циклов. В то время как продолжительность жизненных циклов природных комплексов вроде АЕР, образовавшихся эволюционно вокруг рек, можно считать бесконечной. Для таких объектов адекватным средством решения экологических проблем является программа, цели которой могут ситуативно меняться, а продолжительность жизненного цикла, как правило, не оговаривается, она тоже может изменяться по обстоятельствам.

Максимально эффективно согласование подходов. Это можно делать под эгидой государства как активного актора проведения социальной и природосберегающей политики, либо при выполнении государством роли «ночного сторожа», поведение которого рыночно эффективно, но нередко антисоциально и антиэкологично. История показывает, что выбор точки компромисса зависит от эффективности хозяйственно-политического механизма функционирования и развития конкретного государства¹. Чем мощнее этот механизм, построенный на конкуренции всех со всеми, тем проектный подход как инструмент решения социальных и экологических проблем децентрализованного государства более соответствует его интересам и возможностям. Если же речь (при прочих равных) идёт о слабой экономике централизованного государства, то лучшим выбором является программный подход, в рамках которого государство имеет возможность концентрировать ограниченные ресурсы на ситуационно приоритетных целях.

Под таким углом зрения нами был проанализирован упоминавшийся выше НПЭ в составе 11 федеральных проектов². Из самих названий экологических мероприятий следует, что они будут проводиться в рамках проектного подхода. Это означает (с точки зрения теории), что российские власти полагают экономику страны эффективно функционирующей и проектный подход адекватным такому её качеству (по крайней мере, на среднесрочном интервале). Примем для начала эту сильную предпосылку в качестве базовой и на ней построим дальнейший анализ.

Начнём анализ НПЭ, опираясь на его описание по состоянию на 1 ноября 2020 г. Нацпроект является средством реализации идей, заложенных в Стратегии экологической безопасности РФ (рис. 1).

Следуя [1], детализуем рисунок 1, для чего рассмотрим состав и структуру НПЭ (рис. 2).

Трансформируем структуру нацпроекта в систему «цели – средства» и квантифицируем его дерево целей методом «снизу вверх» (см., например, [3, с. 55–57, 126–127]). Для этого используем данные по разделу 5 «Финансовое обеспечение реализации национального проекта» Паспорта НПЭ и вербальную формулировку проблемы (как она понята нами) из Стратегии экологической безопасности РФ.

¹ Без малого четверть века тому назад об этом писал М. Рац [7], но не был услышан ни «младореформаторами», ратовавшими в то время за «Россию регионов», ни современными авторами НПЭ. Эта пионерная – для России – публикация содержит указание на решающее различие проектного и программного подходов: первый – ввиду холистской своей природы в принципе не годится для оценки крупномасштабных комплексных программ, при которой «слишком велик элемент неопределённости».

² Разъяснения терминов даны в [11].

Рис. 1. НПЭ как средство обеспечения экологической безопасности России

Источники: составлено по: Указ Президента РФ № 176 от 19 апреля 2017 г. «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года»; Паспорт национального проекта «Экология» (утв. Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол № 16 от 24 декабря 2018 г.).

Рис. 2. Структура НПЭ как иерархия по входимости

Примечание. * – твёрдые коммунальные отходы.

Источник: составлено по: [1].

Структуризация проблемы представлена на [рисунке 3](#), где цели и средства по возможности чётко разделены и частично квантифицированы. Очевидно, что в 11 федеральных проектах НПЭ отсутствует представленный в явной форме проект, касающийся р. Енисей, так, как это сделано в отношении р. Волги и оз. Байкал. Даже если затраты на подобный проект по умолчанию входят в сумму затрат по проектам 4 и 6 из кластера «Вода», то неясно какая часть суммы предназначена для р. Енисей и АЕР.

Более того, имеет место неопределённость результатов распределения во времени средств, выделяемых на НПЭ как на единую систему национального уровня. Покажем это.

В [таблице 1](#) приведено *плановое* распределение средств на реализацию НПЭ по годам. Видно, что эпюра затрат средств сдвинута к концу жизненного цикла нацпроекта и такая динамика вложений, естественно, минимизирует сумму дисконтированных затрат. Но как она скажется на надёжности достижения экологических целей к завершающему году жизненного цикла НПЭ? Оказывается, по-разному, если результаты (выгоды) нацпроекта оценивать с помощью понятия «антихрупкость», введённого в научный оборот Н. Талебом [8].

Рис. 3. Система «цели – средства» НПЭ

Примечания: * –

; ** – наилучшие доступные технологии.

Источники: составлено по: Указ Президента РФ № 176 от 19 апреля 2017 г. «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года»; Паспорт национального проекта «Экология» (утв. Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол № 16 от 24 декабря 2018 г.).

Таблица 1

Варианты распределения финансовых ресурсов по НПЭ, млн рублей

Вариант	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Плановое распределение	221 533,3	528 693,7	659 196,4	892 258,9	889 565,5	849 794,2
Равномерное распределение	673 507,0	673 507,0	673 507,0	673 507,0	673 507,0	673 507,0

Источник: расчёты авторов.

Действительно, если предположить, что функция выгод от ежегодных затрат средств имеет простейшую квадратичную форму (то есть она выпукла), то элементарные расчёты по Н. Талебу дают следующий результат.

Квадрат от ожидаемой отдачи:

$$((221\,533,3 + 528\,693,7 + 659\,196,4 + 892\,258,9 + 889\,565,5 + 849\,794,2) / 6)^2 = \\ = 453\,611\,679\,049,0.$$

Среднее значение функции:

$$(221\,533,3^2 + 528\,693,7^2 + 659\,196,4^2 + 892\,258,9^2 + 889\,565,5^2 + 849\,794,2^2) / 6 = \\ = 512\,122\,805\,162,4.$$

Разность между этими величинами (58 511 126 113,4) является скрытой выгодой от антихрупкости эпюры финансирования НПЭ, показанной на [рисунке 3](#).

Однако ситуация меняется, если функция выгод не так сильно выпукла, как квадратичная в вышеописанном случае (см. [12, с. 448]). Так, целевая функция, получаемая в результате нашей квантификации дерева целей на [рисунке 3](#), линейна и может считаться вырожденной выпуклой (не так сильновыпуклой).

Тогда значением такой функции от среднего будет:

$$(221\,533,3 + 528\,693,7 + 659\,196,4 + 892\,258,9 + 889\,565,5 + 849\,794,2) / 6 = 673\,507,0.$$

А среднее значение функции будет:

$$(221\,533,3 / 6) + (528\,693,7 / 6) + (659\,196,4 / 6) + (892\,258,9 / 6) + (889\,565,5 / 6) + \\ + (849\,794,2 / 6) = 524\,845,0.$$

Теперь разность между величинами (–148 662,0) говорит о скрытой хрупкости эпюры финансирования НПЭ.

В общем случае, меняя во времени конфигурацию затрат на реализацию НПЭ при линейной функции выгод, получаем оценку надёжности вариантов финансирования. Предположив, например, *равномерное* распределение финансовых ресурсов по годам жизненного цикла нацпроекта, получим годовые затраты в сумме 673 507,0 млн рублей и эпюра финансовых затрат примет вид, как в [таблице 1](#).

В этом случае значение функции от среднего будет:

$$(673\,507,0 + 673\,507,0 + 673\,507,0 + 673\,507,0 + 673\,507,0 + 673\,507,0) / 6 = 673\,507,0.$$

А среднее значение функции будет:

$$(673\,507,0 / 6) + (673\,507,0 / 6) + (673\,507,0 / 6) + (673\,507,0 / 6) + (673\,507,0 / 6) + \\ + (673\,507,0 / 6) = 673\,507,0.$$

Разность между величинами равна 0, что свидетельствует о ненадёжности (низкой аллокативной эффективности) достижения целей НПЭ по критерию антихрупкости.

Введение дополнительного показателя «антихрупкость» позволяет получить количественную оценку аллокативной эффективности распределения средств НПЭ во времени при точечном, преимущественно техническом подходе. Но при всех достоинствах числовой оценки и её отмеченных недостатках, качественный анализ пространственного аспекта задачи показывает, что нерешённой проблемой является неопределённость целевых установок нацпроекта, касающихся восстановления и сохранения природного комплекса р. Енисей как скелетной основы эколого-ассимиляционного потенциала АЕР.

Оставляя в стороне вопрос о скудности средств, выделяемых на решение острых экологических проблем страны вообще, тем не менее важно прояснить, отчего проблема экологии р. Волги выделена в отдельный федеральный проект, а та же проблема р. Енисей – нет. Можно

ли в рамках федерального проекта по оз. Байкал конструктивно решить проблему его спасения вне решения экологической проблемы водосборной площади р. Енисей? Может ли быть решена проблема великой сибирской реки вне рамок проектного подхода.

Для ответа на эти вопросы нами была создана группа экспертов в составе специалистов Института экономики и организации промышленного производства (ИЭиОПП) СО РАН, Сибирского государственного университета путей сообщения Федерального агентства железнодорожного транспорта (СГУПС), Красноярского научного центра СО РАН и представителей зарубежной науки. Суждения экспертов выявлялись методом опроса (анкетирования и личных интервью) и обрабатывались с помощью компьютерных продуктов, разработанных в ИЭиОПП СО РАН и СГУПС. В результате обработки анкет (*рис. 4*) была получена оценочная матрица (*табл. 2*).

Таблица 2

Оценочная матрица вероятностей экологических стратегий АЕР
в сценариях развития России

Экологическая стратегия АЕР	Сценарий развития России		
	1	2	3
A1	0,01	0,56	0,21
A2	0,81	0,13	0,07
A3	0,19	0,32	0,71
Вероятность сценария	0,11	0,38	0,52

Источник: расчёты авторов.

В *таблице 2* нет доминирующей программы, следовательно, имеет место неопределённость, которая вскрывается с помощью критериев оптимальности принятия решений (*табл. 3*).

Таблица 3

Критерии выбора экологической стратегии АЕР в условиях неопределённости

Экологическая стратегия АЕР	Критерий					
	Вальда	Сэвиджа	Гурвица	Байеса	Лапласа	максимума
A1						
A2						*
A3	*	*	*	*	*	

Примечание. * – предпочтительное решение.

Источник: составлено авторами.

Из *таблицы 3* следует, что предпочтительной по всем критериям, кроме критерия максимума, является стратегия «Разработать и принять реконвалисцентную программу решения экологической проблемы АЕР» (A3). Остаётся уточнить, что стоит за понятием «реконвалисцентная» программа применительно к интересующему нас случаю.

Уважаемый эксперт!

На карте-схеме, приводимой ниже, видно, что уже в первых набросках плана ГОЭЛРО (1920 г.) районы Енисейский и Приангарский (Ангаро-Енисейский) выделены как элементы экономико-географической таксономизации России. За прошедшие 100 лет Ангаро-Енисейский регион (АЕР) из малозаселённой и промышленно слабо развитой территории Восточной Сибири превратился в один из главных ресурсодобывчных центров страны и место дислокации энергоёмких производств гражданского и военно-стратегического назначения.

Рис. Карта-схема Ангаро-Енисейского региона в исследованиях по плану ГОЭЛРО (1920 г.)

Источник: Труды Государственной комиссии по электрификации России ГОЭЛРО : Документы и материалы. М.: Соцэкгиз, 1960. С. 102.

Одновременно, как следствие векового крупномасштабного промышленного освоения без должных экологических ограничений, первозданный природный комплекс АЕР к настоящему времени основательно разрушен во всех его частях, начиная с верховий Енисея (Ангарск, Усолье-Сибирское), его серединной части (Нижнее Приангарье и оз. Байкал), низовий (Норильск) и ситуация находится на грани катастрофической.

В мире также имеет место обострение экологических проблем и императивом становится развитие с акцентом на сохранение природного комплекса как элемента национальной безопасности страны. В России такое понимание декларируется, но практически делается очень мало.

С учётом сказанного просим, обратившись к Таблице, в порядковой шкале оценить возможные стратегии решения экологической проблемы АЕР в сценариях-контрастах развития России на временном интервале 2021–2040 гг.

Таблица

Экологические стратегии АЕР	Сценарии развития России		
	1. Оптимистический	2. Пессимистический	3. Наиболее вероятный
1. Продолжать политику игнорирования экологической проблемы АЕР (A1)	3		
2. Реализовать крупномасштабную программу полного восстановления эколого-ассимиляционного потенциала АЕР (A2)	1		
3. Разработать и принять реконвалисцентную программу решения экологической проблемы АЕР (A3)	2		

Пример заполнения экспертом Таблицы.

1. Если эксперт считает, что в оптимистическом сценарии 1 развития России стратегия 2 наиболее предпочтительна, то в клетке Таблицы на пересечении столбца 1 и строки 2 он ставит цифру 1. Если в том же сценарии следующей по предпочтительности эксперт считает стратегию 3, то на пересечении столбца 1 и строки 3 он ставит цифру 2. Естественно, на пересечении 1 – 1 ставится цифра 3.

2. Процедура повторяется для всех остальных клеток Таблицы.

3. Ранжируйте сценарии развития России по возможности их актуализации, поставив цифру 1 под названием сценария в Таблице, если этот сценарий, по Вашему мнению, наиболее достоверен; цифру 2 – второму по достоверности и цифру 3 – третьему.

Рис. 4. Анкета эксперта

Источник: составлено авторами.

Результаты экспериментальных расчётов по реконвалисцентной программе решения экологической проблемы АЕР

В мировой и отечественной науке методы решения экологических проблем на мега-, макро-, микро- и даже наноуровне проработаны достаточно глубоко, литература по вопросу насчитывает тысячи публикаций. Перечень практически удачных решений экологических проблем значительно скромнее и самым эффективным из них нам представляется опыт американской госкорпорации «Администрация долины реки Теннесси» (Tennessee Valley Authority, TVA) по реализации реконвалисцентной программы природного комплекса бассейна р. Теннесси. Программа исходно задумывалась именно как *лечащая* застойный и *экологически* неблагополучный регион США (см. [9, с. 288–289]). Однако её «внешние» эффекты – социальные, экономические и военно-стратегические – оказались шире первоначально предполагавшихся¹.

¹ Бассейн реки Теннесси (США): пример сотрудничества между штатами долины реки. URL: http://www.cawater-info.net/bk/water_law/5_3.htm (дата обращения: 11.10.2020).

Более того, в политическом аспекте программа, считавшаяся «островком социализма» в капиталистической Америке, выжила и за 90 лет своего существования стала опорным элементом электроэнергетики США.

Сказанное не означает, что модель TVA является неким лекалом для решения экологических проблем р. Енисей и АЕР. Отечественные проблемы специфичны и требуют как критического осмысления зарубежного опыта, так и творческого подхода к использованию собственного научного потенциала. Конкретно речь идёт об оценке *общественной эффективности* крупномасштабных экологических мероприятий, результативные попытки получения которой с учётом фактора *радикальной* неопределённости в известных нам западных первоисточниках не описаны.

Для заполнения образовавшейся лакуны была использована оптимизационная межрегиональная межотраслевая модель (ОМММ), разработанная ещё в годы плановой экономики СССР в ИЭиОПП СО РАН под руководством академика РАН А. Гранберга. На основе этой базовой модели позднее было создано семейство версий и одна из версий, назовём её версией М [2], послужила инструментом для экспериментальных расчётов, результаты которых приводятся ниже.

Цель расчётов состояла в проверке возможности получения количественной оценки зависимости общественной эффективности экономики России от имплантации в неё вариантов финансирования НПЭ. Предполагалось, что целевая функция ОМММ общественную эффективность отражает¹. Задача решалась посредством варьирования объёмов выделяемых финансовых ресурсов с учётом степени «антихрупкости» вариантов (как это показано выше).

Содержательно варианты описываются следующим образом.

Вариант 1 (исходный) при инвестициях в 1 трлн рублей за 6-летний период предполагает отсутствие существенных ограничений на масштабы прироста отраслей АЕР, в том числе превышающие нормативы предельно допустимого выброса (ПДВ) и предельно допустимой концентрации; результат, с которым сравниваются другие варианты по показателю конечного потребления (КП) на 2030 г., понимаемый как целевая функция модели, – 67,2 трлн рублей (здесь и далее расчёты выполнены в ценах 2010 г.) (см. [рис. 5](#)).

Вариант 2 при инвестициях в 2 трлн рублей предполагает сокращение допустимых масштабов темпов прироста наиболее «вредных» отраслей в среднем в 2 раза. Результат ожидаемый: сокращение КП на 0,5 трлн рублей, то есть до 66,7 ([табл. 4](#)). Показательно, что прироста по большинству из этих отраслей в каких-либо других регионах не происходит. Выделенные отрасли, как правило, энергоёмкие, то есть именно эффект дешёвой энергетики в АЕР оказывает решающее влияние на выбор места размещения новых энергоёмких объектов промышленности. Собственно, как это и было предсказано ещё в 30-е гг. прошлого века Н. Колосовским и его коллегами по Ангаро-Енисейской проблеме. Некоторый прирост в других регионах связан с выполнением требований (по условиям модели) восстановления экспортного потенциала РФ из-за сокращения продукции АЕР, предназначенной на экспорт. Эффект от улучшения экологической обстановки в регионах АЕР оценивать *количественно*

¹ Целевая функция ОМММ, значения которой фиксируются по оси ординат на [рисунке 5](#), является конкретизацией упомянутой выше базовой модели и содержательно описывается как критерий оптимизации по показателю КП следующим образом: в составе конечной продукции выделяется постоянная и переменная части; постоянная часть включает минимально необходимые объёмы продукции для непроизводственного потребления, накопления, возмещения выбытия основных фондов, внешнеторгового обмена; переменная часть конечной продукции максимизируется в заданном ассортименте при ограничениях, обеспечивающих плавность изменения структуры потребления [2, с. 201, 238, 314].

в рамках данной модели не предполагается. Оценить, стоит ли сохранение здоровья населения и чистоты природы АЕР 500 млрд рублей не дополученного КП, предлагается соответствующим экспертам, возможно, разнопрофильным.

Таблица 4

Сравнительная характеристика вариантов финансирования
на конец расчётного периода (2030 г.) *

Территория	Отрасль	Вариант 1 (исходный) (КП – 67,2 трлн рублей)	Вариант 2 (КП – 66,7 трлн рублей)
		Среднегодовой коэффициент роста (результат), раз	Среднегодовой коэффициент роста (верхняя граница), раз
Иркутская область	Целлюлозно-бумажная	1,023	1,012
	Нефтепереработка	1,050	1,025
	Цветная металлургия	1,046	1,023
	Химическая	1,023	1,012
Красноярский край	Целлюлозно-бумажная	1,037	1,018
	Нефтепереработка	1,080	1,040
	Цветная металлургия	1,044	1,022
	Теплоэнергетика	1,056	1,028

Примечание. * 2020 = 1,000.

Источник: расчёты авторов.

Прирост мощностей по сравнению с *вариантом 1* наблюдается в европейской части России (нефтепереработка), Тюменской области (целлюлозно-бумажная отрасль и нефтедобыча) и Забайкальском крае (цветная металлургия). Потерю ежегодного КП в 0,5 трлн рублей мы понимаем как *общественно необходимые издержки* для реализации более значимых (чем материальное потребление) целей общества в регионах азиатской части России. Применяемый для этих оценок инструментарий показывает, что предлагаемый вариант прогноза обеспечивает минимальные народнохозяйственные издержки.

Есть ещё *вариант 1* (минимальный), имитирующий «разрешение» использовать верхние границы ограничений (как и по *варианту 1* – исходному – в *таблице 4*) при условии задействования «природосберегающих» проектов на выделенные суммы. Его имитация даёт оценку вложений во внедрение экологически чистых (насколько это возможно по нормативам ПДВ) технологий «вредных» объектов АЕР в целях сохранения возможностей продолжения наращивания мощностей этих объектов (отраслей) в АЕР ради использования эффекта дешёвой энергетики. Расчёты показали, что годовые вложения по 83 млрд рублей в технологические усовершенствования «вредных» отраслей в Иркутской области и Красноярском крае сократят КП только на 180 млрд рублей, а не на 500. Другими словами, 166 млрд рублей, потраченные на совершенствование технологий в отраслях АЕР, позволяют сократить «потери» КП (если сохранение здоровья можно сравнивать с объёмами дополнительного потребления мяса, тканей и других потребительских товаров) на 320 млрд рублей. Конечно, здесь необходимы достоверные данные о том, сколько инвестиций потребуют новые технологии, обеспечивающие снижение ПДВ.

В вариантах 3 и 4 (рис. 5) предполагалось в течение 6 лет инвестировать 3 и 4 трлн рублей соответственно (от 0,332 до 0,667 трлн рублей в год); условно считалось, что все вложения осуществляются в форме создания здесь нового оборудования для «вредных» производств.

Рис. 5. Зависимость целевой функции ОММММ от объема инвестиций по реконвализцентной экологической программе АЕР, млрд рублей

Источник: составлено авторами.

Таким образом, прирост инвестиций в экологию АЕР в рассмотренных вариантах вызывает общественные потери тем большие, чем выше объёмы вкладываемых средств. При этом линейная целевая функция ОММММ – математической модели экономики России – имеет слабую негативную выпуклость по H . Талебу и, следовательно, оптимальные варианты, выявляемые с её помощью, недостаточно антихрупки.

Заключение

Полученный в данной работе результат предлагается считать исходным для серии аналогичных вычислительных экспериментов в формате эскизного проектирования реконвализцентной программы решения экологической проблемы АЕР. Дальнейшие вычислительные эксперименты, проведённые в рамках программы по классической схеме, предложенной в [12], помогут, если не решить, то по крайней мере чётко поставить на модельном уровне проблему исчисления общественной эффективности крупномасштабных экологических программ¹. Такая задача, во-первых, требует совершенствования использованной нами полудинамической детерминированной модели ОММММ по многим направлениям, указанным

¹ Возникающие при этом проблемы поставлены почти полвека тому назад в [12]. Экономическая наука с тех пор мало продвинулась в данном направлении (см. [7]) и настоящая статья представляется попыткой использовать неосистемный подход и модельные эксперименты для хотя бы частичного решения проблемы оценки общественной эффективности крупномасштабных экологических проектов.

в [12, с. 251], и во-вторых, объединения усилий представителей общественных и естественных фундаментальных наук под эгидой государства. Частный бизнес должен включаться в программу после того, как государство профинансирует научно-исследовательские работы, необходимые для создания научных основ будущих инвестиций в восстановление и сохранение природного комплекса регионов России, в том числе и АЕР.

Список литературы

1. Веницианов Е.В. Основные положения Федерального проекта «Экология» для оздоровления Волги. URL: http://www.eco-project.org/data/upload/2._Venicianov_lekciya_po_prektu_Ekologiya.-20191220123353.pdf (дата обращения: 11.10.2020).
2. Гранберг А.Г. Математические модели социалистической экономики. М.: Экономика, 1978. 351 с.
3. Кини Р.Л., Райфа Х. Принятие решений при многих критериях: предпочтения и замещения. М.: Радио и связь, 1981. 560 с.
4. Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. М.: Наука, 2004. 238 с.
5. Корнай Я. Системная парадигма // Вопросы экономики. 2002. № 4. С. 4–22.
6. Марк Константинович Бандман. Избранные труды и продолжение начатого / под ред. В.Ю. Малова. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2014. 448 с.
7. Рац М.В. «Белые» и «красные» // Независимая газета. 1996. № 188. С. 5.
8. Талеб Н.Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. М.: КоЛибри, 2019. 768 с.
9. Территориально-производственные комплексы: Нижнее Приангарье / Отв. ред. В.В. Кулешов, М.К. Бандман. Новосибирск: Наука : Сиб. изд. фирма, 1992. 342 с.
10. Чаркина Е.С. Развитие проектного подхода в системе государственного управления: методология, опыт, проблемы. М.: Ин-т экономики РАН, 2017. 54 с.
11. Ярёмченко И.А. Национальные проекты, госпрограммы, национальные цели. Как они скоординированы // Бюджет. 2019. № 10 (202). URL: <http://bujet.ru/article/389777.php> (дата обращения: 11.11.2020).
12. Kydland F.E., Prescott E.C. The Computational Experiment: An Econometric Tool // Journal of Economic Perspectives. 1996. Vol. 10. № 1. Pp. 69–85.

References

1. Venitsianov E.V. *The Main Provisions of the Federal Project «Ecology» for the Improvement of the Volga*. Available at: http://eco-project.org/data/upload/Venicianov_lekciya_po_prektu_Ekologiya.-1720200512083929.pdf (accessed 11 October 2020). (In Russian)
2. Granberg A.G. *Mathematical Models of the Socialist Economy*. Moscow, 1978. 351 p. (In Russian)
3. Keeney R.L., Raifa H. *Decisions with Multiple Objectives: Preferences and Value Tradeoffs*. Moscow, 1981. 560 p. (In Russian)
4. Kleiner G.B. *Evolution of Institutional Systems*. Moscow, 2004. 238 p. (In Russian)
5. Kornai Ya. System Paradigm. *Voprosy ekonomiki = Voprosy Ekonomiki*. 2002. No. 4. Pp. 4–22. (In Russian)
6. Mark Konstantinovich Bandman. *Selected Works and Continued Begun*. Ed. by V.Yu. Malov. Novosibirsk, 2014. 448 p. (In Russian)
7. Rats M.V. «White» and «Red». *Nezavisimaya gazeta* [Independent Newspaper]. 1996. No. 188. P. 5. (In Russian)
8. Taleb N.N. *Antifragile: Things That Gain from Disorder*. Moscow, 2019. 768 p. (In Russian)
9. *Territorial Production Complexes: Lower Angara Region*. Ed. by V.V. Kuleshov, M.K. Bandman. Novosibirsk, 1992. 342 p. (In Russian)

10. Charkina E.S. *Development of the Project Approach in the Public Administration System: Methodology, Experience, Problems*. Moscow, 2017. 54 p. (In Russian)
11. Yaremenko I.A. National Projects, State Programs, National Goals. How are They Coordinated. *Byudzhets* [Budget]. 2019. No. 10 (202). Available at: <http://bujet.ru/article/389777.php> (accessed 11 November 2020). (In Russian)
12. Kydland F.E., Prescott E.C. The Computational Experiment: An Econometric Tool. *Journal of Economic Perspectives*. 1996. Vol. 10. No. 1. Pp. 69–85.

■ ■ ■
Для цитирования:

Кибалов Е.Б., Малов В.Ю., Шибикин Д.Д. Варианты решения экологической проблемы Ангаро-Енисейского региона // Регионалистика. 2021. Т. 8. № 1. С. 81–96. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.1.81>

For citing:

Kibalov E.B., Malov V.Yu., Shibikin D.D. Options for Solving the Ecological Problem of the Angara-Yenisei Region. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2021. Vol. 8. No. 1. Pp. 81–96. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.1.81> (In Russian)

ЗАОСТРОВСКИХ**Елена****Анатолевна**

Кандидат экономических наук, научный сотрудник
Института экономических исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

Zaostrovskikh**Elena****Anatolyevna**

Candidate of science
(economics), research fellow
Economic Research Institute
FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

zaost@ecrin.ru

ORCID: 0000-0002-7447-0406

**МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА РОССИИ «АРКТИКА: РЕШЕНИЯ
ЗАДАЧ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ»****INTERNATIONAL CONFERENCE
OF THE FREE ECONOMIC SOCIETY
OF RUSSIA «THE ARCTIC: SOLUTIONS TO
SUSTAINABLE DEVELOPMENT PROBLEMS»**

Вольное экономическое общество (ВЭО) России совместно с ведущими учёными и специалистами, государственными и общественными деятелями регулярно проводит научные дискуссии по наиболее важным аспектам развития национальной и мировой экономики. За последний год в онлайн-формате были организованы обсуждения следующих тем: «Стратегия для России», «Курс на Север: устойчивое развитие как приоритет», «Мировое экономическое положение и перспективы, 2021», «Внимание, перезагрузка: как настроить нацпроекты заново», «Год прошёл: что дальше?», «Эволюция занятости: как пандемия перекраивает рынок труда» и др.

17 февраля 2021 г. в онлайн-формате состоялась Международная конференция «Арктика: решения задач устойчивого развития»¹. Организаторами форума выступили: ВЭО России, Научный совет РАН по изучению Арктики и Антарктики, Международный Союз экономистов при участии Информационного центра ООН в Москве. Модератор конференции – член Президиума ВЭО России, член бюро и заместитель председателя Научного совета РАН по изучению Арктики и Антарктики, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН, д-р экон. наук, проф. *Б.Н. Порфирьев*.

Программа конференции включала обсуждение широкого спектра фундаментальных и научно-прикладных проблем устойчивого развития Арктической зоны РФ (АЗРФ) – природно-экологических, технико-технологических, ре-

¹ Мероприятие осветил телеканал «Общественное телевидение России» в аналитической программе «Дом Э». URL: <http://veorus.ru/события/анонсы-мероприятий/arkticheskaya-zona-resheniya-zadach-ustoychivogo-razvitiya/> (дата обращения: 20.02.2021).

**КРАСНОПОЛЬСКИЙ
Борис
Хананович**

Доктор экономических наук,
профессор, главный научный
сотрудник

Институт экономических
исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**KRASNOPOLSKI
Boris
Hananovich**

Doctor of economics, professor,
chief researcher

Economic Research Institute
FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

boriskrasno@gmail.com
ORCID: 0000-0002-1549-036X

сурсных, пространственно-экономических, предпринимательских, а также многих других аспектов, – которые являются весьма важными как на текущем этапе развития арктического бассейна, так и в будущем (ближайшем и отдалённом). В конференции приняли участие 320 человек, были представлены 12 докладов.

Вступительную речь произнесли: Президент ВЭО России, президент Международного Союза экономистов, директор Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, д-р экон. наук, проф. *С.Д. Бодрунов*; академик-секретарь Отделения наук о Земле РАН, руководитель научного направления «Планетарная геофизика и геодинамика», гл. науч. сотр. Института физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН, член Президиума РАН, академик РАН, д-р физ.-мат. наук, проф. *А.О. Глико*.

С приветственными словами к участникам конференции обратились: директор Информационного центра ООН в Москве *В.В. Кузнецов*; посол доброй воли ООН по Арктике и Антарктике, председатель Центрального совета Всероссийского общества охраны природы *В.А. Фетисов*; руководитель Представительства Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) в РФ *В.В. Мошкало*.

Особый интерес вызвали следующие доклады. Директор ИЭиОПП СО РАН, академик РАН, д-р экон. наук, проф. *В.А. Крюков* и ст. науч. сотр. ИЭиОПП СО РАН, канд. экон. наук *В.И. Нефёдкин* представили доклад «Ключевые игроки в Арктике – от социалистических комбинатов к компаниям – лидерам устойчивого развития». В докладе были отражены следующие аспекты: устойчивое развитие Арктики как способ поступательного роста социальной ценности результатов хозяйственной деятельности; проблемы освоения уникальных природных объектов и получение положительного экономического результата за счёт «эффекта масштаба»; условия перехода от «советских комбинатов» к трансрегиональным корпорациям в Арктике; особенности процесса адаптации корпораций к климатическим изменениям и инновационным процессам. Было отмечено, что особенности арктических проектов заключаются в том, что добыча полезных ископаемых генерирует колоссальный доход. Добытые ресурсы принадлежат внешним владельцам, поэтому наблюдается пространственная асимметрия выгод и издержек, которая выражается в том, что сравнительно малая часть дохода и прибыли от реализации проектов остаётся в пределах Арктики, остальная – «оседает» за пределами страны. В то же время транспортные издержки существенно выше из-за территориальной удалённости, поэтому существует проблема асимметрии позиции Арктики в гло-

бальной экономике. Особое внимание в докладе было уделено проблемам связанности и взаимодействия арктических проектов с другими регионами РФ. Представлены основные модели по освоению арктических ресурсов. Отмечено, что современная российская модель по освоению арктических ресурсов тяготеет к патерналистской модели, которая основана на принятии ключевых решений на федеральном уровне. Однако сжатые сроки, хронический дефицит всех факторов и условий реализации проектов, а также отложенный характер решения проблем обеспечения устойчивого социально-эколого-экономического функционирования северных территорий привели к тому, что в последние годы Арктике нанесён значительный ущерб.

Член научного совета при Совете Безопасности РФ, член научного совета при Президиуме РАН по изучению Арктики и Антарктики, директор консультационной компании ООО «Гекон», академик РАЕН, канд. геол.-минерал. наук *М.Н. Григорьев* представил доклад «Инвестиционные проекты и транспортная инфраструктура», посвящённый этапам освоения минеральных ресурсов АЗРФ и развитию транспортной системы. Отмечено, что поэтапно арктический регион в освоении природных ресурсов перешёл от речного, железнодорожного и трубопроводного видов транспорта к морскому. В перевозке грузов по трассе Северного морского пути (СМП) отмечается одна устойчивая тенденция – сжиженный природный газ вышел на лидирующие позиции, оттеснив ранее доминирующую нефть. Кроме того, был сделан важный акцент – транзитные перевозки по СМП не имеют источников грузовой базы для своего развития. В заключение было подмечено, что развитие транспортной инфраструктуры также позволит повысить качество жизни местного населения и связность территорий.

Директор Института геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии РАН, чл.-корр. РАН, д-р геол.-минерал. наук *В.А. Петров* в докладе «Ресурсный потенциал Арктической зоны РФ» представил основные проекты минерально-сырьевой базы Арктики до 2035 г. Отмечено, что значительная часть месторождений стратегических металлов полуострова Таймыра, Чукотки и Северной Якутии остаётся слабо изученной. Были затронуты вопросы открытий новых месторождений золота, алмазов, руды и меди. Основной прирост по добыче природных ископаемых в будущем могут дать районы Восточной Арктики. Особое внимание было уделено новым способам получения редкоземельных металлов из угля и побочных продуктов, образующихся при их использовании. В заключение отмечено, что несмотря на продолжительную историю изучения АЗРФ полного представления о её ресурсном потенциале в настоящее время нет. Устойчивое социально-экономическое развитие АЗРФ связано с состоянием её минерально-сырьевой базы и зависит от реализации комплекса инфраструктурных проектов и природоохранных мероприятий.

Член Правления ВЭО России, заместитель директора Института проблем нефти и газа РАН, чл.-корр. РАН, д-р техн. наук, проф. *В.И. Богоявленский* представил доклад «Анализ состояния, перспектив и проблем освоения ресурсов углеводородов и угля в Арктике в связи с экономическими, геополитическими и технологическими реалиями». Были рассмотрены вопросы комплексного изучения природных и техногенных проблем освоения углеводородов Арктики, представлена динамика освоения ресурсов газа и нефти в мире, а также прогноз добычи нефти в АЗРФ. Особое внимание было уделено проблемам освоения угольных бассейнов в АЗРФ и эмиссии метана. Отмечено, что самая крупная эмиссия метана в Арктике существует на Таймырском и Тунгусском угольных бассейнах, поскольку их природная дегазация сдерживалась многие десятилетия. В 2020 г. обнаружен гигантский кратер выброса газа на полуострове Ямале. Согласно трёхмерной модели, единовременный выброс газа такого кратера составляет от 100 до 200 тыс. м³, что представляет большую угрозу для дальнейшего развития АЗРФ. Подобные кратеры обнаружены на шельфе, что может сделать небезопасным СМП. Данные объекты подлежат детальному исследованию в предстоящие годы.

Вице-президент АО «Росгеология», директор по арктическим проектам *С.А. Хрущёв* выступил с докладом «Разработка программы геологоразведочных работ с учётом развития инфраструктуры Арктической зоны», в котором рассмотрел преимущества и недостатки транспортировки экспортно ориентированных грузов по СМП. Эксперт подчеркнул, что при составлении схем транспортировки грузов по СМП на внутренний и внешний рынки необходимо учитывать не только транспортную и энергетическую инфраструктуру, но и систему льгот. Важно определить точки генерации грузов и места наибольшей нагрузки на транспортную инфраструктуру. В связи с этим особое значение приобретает геологическая изученность территории. В настоящее время существуют «белые пятна» по отдельным регионам. Более того, нет чёткой привязки проектов к СМП: некоторые объекты находятся от СМП на расстоянии 300–1000 тыс. км. Успешным является только проект «Сабетта», поскольку опирается на детальную проработку и грамотную политику государственно-частного партнёрства.

В целом весьма высоко оценивая значение данной конференции и для науки, и для практики дальнейшего освоения арктического пространства (тем более в части исполнения национальных проектов России, связанных с АЗРФ), нельзя не сказать и об отдельных вопросах, которые не получили достаточного освещения в ходе мероприятия. Прежде всего речь идёт о пропорциональном отражении пространственно-экономических связей и их «архитектуры» в АЗРФ. Арктическая зона нашей страны весьма неоднородна в пространственном плане, что основывается и на природно-климатических, и на ресурсных, и на исторически-политических и прочих особенностях её освоения. И, конечно, хотелось бы, чтобы на конференции был представлен доклад, обобщающий накопившийся на сегодня опыт в пространственном её развитии и сложившиеся пропорции в разрезе северо-арктических регионов тех федеральных округов (макрорегионов), которые установлены российским правительством. Особое внимание должно быть сфокусировано на пропорциональности (или непропорциональности) развития европейского, уральского, сибирского и дальневосточного секторов АЗРФ и связанных с этим серьёзных «перекосов» не только в развитии собственно российской зоны, но и в её трансграничных международных связях, в особенности – на западном и дальневосточном её «крыльях», опорных «форпостах». Ведь от этого зависит успех развития не только АЗРФ, но и в целом всего мирового арктического бассейна, а также решение весьма сложных геоэкологических, геополитических и геоэкономических проблем, накопившихся в этом регионе мира.

В целом следует высоко оценить как научно-прикладную, так и государственную значимость проведённой международной конференции по устойчивому развитию Арктики.

■ ■ ■
Для цитирования:

Заостровских Е.А., Краснопольский Б.Х. Международная конференция Вольного экономического общества России «Арктика: решения задач устойчивого развития» // Регионалистика. 2021. Т. 8. № 1. С. 97–100. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.1.97>

For citing:

Zaostrovskikh E.A., Krasnopol'ski B.H. International Conference of the Free Economic Society of Russia «The Arctic: Solutions to Sustainable Development Problems». *Regionalistica* [Regionalistics]. 2021. Vol. 8. No. 1. Pp. 97–100. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.1.97> (In Russian)

**КИМ
Андрей
Леонтьевич**

Младший научный сотрудник,
аспирант

Институт экономических
исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**KIM
Andrey
Leontyevich**

Junior research fellow,
post-graduate student

Economic Research Institute
FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

andreykim-1996@yandex.ru

ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ КРАЕВОЙ КОНКУРС МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ И АСПИРАНТОВ

23rd REGIONAL COMPETITION OF YOUNG SCIENTISTS AND POSTGRADUATES

В январе 2021 г. в Хабаровском крае прошёл XXIII Краевой конкурс молодых учёных и аспирантов. Конкурс проводится с 1999 г., за это время его участниками стали более 2,5 тыс. молодых исследователей. Особенностью XXIII Конкурса явилось то, что впервые к участию были допущены обучающиеся по программам высшего образования – программам магистратуры. Секция «Экономические науки» прошла 18–19 января 2021 г. в Институте экономических исследований ДВО РАН в смешанном формате: очно и по видео-конференц-связи. Конкурсной комиссией под председательством академика РАН, научного руководителя ИЭИ ДВО РАН П.А. Минакира было заслушано 13 научных докладов.

Программу первого конкурсного дня открыл доклад ст. преподавателя кафедры математических методов и информационных технологий Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС, аспиранта ИЭИ ДВО РАН *С.Г. Панкратьевой*. Автор исследования, рассмотрев проблемы и перспективы развития возобновляемых источников энергии в Хабаровском крае, сделала вывод, что данный вид источников наиболее рентабелен в децентрализованных районах. Аспирант ИЭИ ДВО РАН *В.Д. Толмачёв* представил результаты оценки эффективности функционирования в Хабаровском крае территорий опережающего социально-экономического развития (ТОР). Конкурсант выявил отсутствие пропульсивного характера у большинства якорных проектов, реализуемых резидентами ТОР. Младший научный сотрудник ИЭИ ДВО РАН *А.В. Алейникова* посвятила свой доклад проектному управлению, отметив, что в Хабаровском крае не используются некоторые инструменты, которые могли бы способствовать более результативному осуществлению проектной деятельности.

Магистрант Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС *Ю.А. Поливаева* представила результаты исследовательской работы, посвящённой методологическим аспектам измерения бедности. Конкурсант сделала вывод, что в российской практике необходим переход к комплексному анализу измерения бедности на основе монетарной аб-

солютной и немонетарной субъективной концепций. Младший научный сотрудник ИЭИ ДВО РАН, аспирант Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС *И.О. Мерзляков* в своём исследовании попытался ответить на вопрос, являются ли крупные города центрами экономического роста. В заключение научного доклада автор подчеркнул, что в 7 из 17 рассмотренных агломераций наблюдается явная концентрация экономической активности. Младший научный сотрудник, аспирант ИЭИ ДВО РАН *А.Л. Ким* представил результаты проверки гипотезы о соответствии динамики капиталовложений секторов экономики Дальнего Востока принципу инвестиционного акселератора: только в одной отрасли – добыча полезных ископаемых – капиталовложения следуют принципу акселератора с лагом в один год.

Доцент кафедры финансов и кредита Хабаровского государственного университета экономики и права, канд. экон. наук *М.Ю. Дендиберя* представил вниманию конкурсной комиссии математическую модель, позволяющую оценить уровень риска легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путём. Апробация модели выполнена исследователем на основе данных предприятия, чья деятельность была прекращена в соответствии с рекомендациями надзорного органа. Магистрант Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС *Е.А. Алтухова* в своей работе оценила возможное влияние уклонения от налогообложения на экономику Хабаровского края: недоимки в бюджете существуют в связи с уклонением налогоплательщиков от налогообложения как легальными, так и нелегальными способами. Аспирант Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС *Н.М. Шум* представил результаты оценки состояния лесопромышленного комплекса Дальнего Востока, который, по мнению выступающего, в настоящее время приходит в упадок: крупнейшие предприятия близки к банкротству, не хватает мощностей для производства лесопромышленной продукции. Аспирант Дальневосточного государственного университета путей сообщения *К.С. Лапина* представила результаты анализа основных моделей управления страховыми товарными запасами, который позволил выявить проблемы их применения для торгового ассортимента, изготавливаемого с нанесением товарного знака под контролем правообладателя. Конкурсант предложила модели, позволяющие решить задачу снижения затрат.

Аспирант Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток) *А.А. Ржохин* сделал обзор практики применения зарубежных форматов организации общественного питания в качестве инновационного направления развития рынка. В исследовании, выполненном в соавторстве с магистрантом Тихоокеанского государственного университета *В.В. Кузнецовым*, он определил главные тенденции развития рынка общественного питания и рассчитал основные экономические показатели перспективной модели «Азиатский FastFood» в первый год реализации. Руководитель Центра кластерного развития АНО «Агентство привлечения инвестиций и развития инноваций Хабаровского края», аспирант Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС *В.В. Габунов* оценил перспективы развития экономики Хабаровского края на основе инновационного территориального кластера авиастроения и судостроения. Достижение социально-экономического эффекта для развития территории, по мнению исследователя, может быть достигнуто при переходе к концепции региональной инновационной системы. Магистрант Амурского государственного университета (г. Благовещенск) *С.В. Хмура* представил на конкурс результаты типологизации ТОР Дальнего Востока по уровню инвестиционного потенциала и риска. Работа выполнена в соавторстве с доцентом кафедры финансов Амурского государственного университета, канд. экон. наук *В.А. Якимовой*. Авторы выявили, что большинство ТОР, созданных в дальневосточных регионах России, относятся к типу «инвестиционный потенциал ниже среднего уровня – средний уровень риска».

Подведение итогов и присуждение конкурсных мест состоялось во второй день работы секции – 19 января 2021 г.

Призовые места присуждены: I место – не присуждено; II место – Панкратьевой С.Г. (ДВИУ – филиал РАНХиГС, ИЭИ ДВО РАН), Лапиной К.С. (ДВГУПС); III место – Дендибере М.Ю. (ХГУЭП).

Грамотами Министерства экономического развития Хабаровского края отмечены работы: Кима А.Л. (ИЭИ ДВО РАН) и Поливаевой Ю.А. (ДВИУ – филиал РАНХиГС).

Грамотами Института экономических исследований ДВО РАН отмечены работы: Мерзлякова И.О. (ИЭИ ДВО РАН, ДВИУ – филиал РАНХиГС) и Толмачёва В.Д. (ИЭИ ДВО РАН).

Грамотами Объединённого Учёного совета ДВО РАН по общественным наукам отмечены работы исследовательских групп: Якимова В.А. и Хмура С.В. (АмГУ), Ржохин А.А. и Кузнецов В.В. (ДВФУ и ТОГУ).

Грамотой филиала Банка ВТБ в г. Хабаровске отмечен доклад Алтуховой Е.А. (ДВИУ – филиал РАНХиГС).

В заключение академик РАН П.А. Минакир отметил, что конкурсная комиссия в целом осталась довольна уровнем представленных докладов и вместе с заместителем Председателя Правительства Хабаровского края – министром экономического развития края, д-р экон. наук В.Д. Калашниковым пожелал конкурсантам успехов в дальнейшей научной работе.

Институт экономических исследований ДВО РАН готов и дальше предоставлять площадку для обсуждения результатов научных исследований молодых учёных Дальнего Востока.

■ ■ ■
Для цитирования:

Ким А.Л. Двадцать третий Краевой конкурс молодых учёных и аспирантов // Регионалистика. 2021. Т. 8. № 1. С. 101–103. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.1.101>

For citing:

Kim A.L. 23rd Regional Competition of Young Scientists and Postgraduates. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2021. Vol. 8. No. 1. Pp. 101–103. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.1.101> (In Russian)

Regionalistica **[Regionalistics]**

2021 Vol. 8 No. 1

Electronic scientific journal

regionalistica.org

ISSN 2313-0881

The journal's periodicity:

6 times a year

Founder:

Federal State Budgetary
Scientific Institution
The Economic Research Institute,
Far-Eastern Branch of
the Russian Academy of Sciences
(Khabarovsk)

Registered by the Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass
Media. Registration certificate
Эл № ФЦ77-57151 of March 11,
2014.

The authors are fully responsible
for the compilation and presentation
of information contained in their
papers. Authors' views may not
reflect the Editors' point of view.
Not part of the Journal materials
can be reprinted without permission
from the Editors.

Contacts:

Economic Research
Institute FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042
Phone: +7 (4212) 225-404
E-mail: regionalistica@ecrin.ru

Design: V.N. Ukrainsky
Making-up: V.V. Chervontseva

*Petrus Plancius's map (1594) is used
in design of a cover*

The Editorial Staff

Editor-in-Chief: *O.M. Prokapalo,*
Doctor of Economics

Tsuneo Akaha, Professor (Monterey, USA)
Vincent F. Gallucci, Professor (Seattle, USA)
S.G. Kirdina-Chandler, Doctor of Sociology (Moscow, Russia)
N.V. Lomakina, Doctor of Economics (Khabarovsk, Russia)
P.A. Minakir, Academician of RAS (Deputy Editor-in-Chief,
Khabarovsk, Russia)
S.N. Naiden, Doctor of Economics (Khabarovsk, Russia)
O.G. Polivaeva, Candidate of science (economics) (Khabarovsk,
Russia)
L.A. Samokhina (Khabarovsk, Russia)
V.N. Ukrainsky, Candidate of science (economics) (Khabarovsk,
Russia)
I.A. Sviridenko, Candidate of science (economics) (Managing
Editor, Khabarovsk, Russia)

The Editorial Board

N.E. Antonova, Doctor of Economics (Khabarovsk, Russia)
A.B. Bardal, Candidate of science (economics) (Khabarovsk,
Russia)
L.E. Blyakher, Doctor of Philosophy (Khabarovsk, Russia)
S.D. Valentey, Doctor of Economics (Moscow, Russia)
N.V. Galtseva, Doctor of Economics (Magadan, Russia)
K.V. Grigoriev, Doctor of Sociology (Irkutsk, Russia)
A.N. Demyanenko, Doctor of Geography (Khabarovsk, Russia)
D.A. Izotov, Candidate of science (economics) (Khabarovsk,
Russia)
A.G. Isaev, Candidate of science (economics) (Khabarovsk,
Russia)
V.A. Kryukov, Academician of RAS (Novosibirsk, Russia)
S.V. Kuznetsov, Doctor of Economics (Saint-Petersburg,
Russia)
Yu.G. Lavrikova, Doctor of Economics (Yekaterinburg, Russia)
V.N. Lazhentsev, Corresponding Member RAS (Syktyvkar,
Russia)
S.N. Leonov, Doctor of Economics (Khabarovsk, Russia)
E.O. Leontyeva, Doctor of Sociology (Khabarovsk, Russia)
N.P. Ryzhova, Doctor of Economics (Vladivostok, Russia)
V.I. Suslov, Corresponding Member RAS (Novosibirsk, Russia)
A.I. Treyvish, Doctor of Geography (Moscow, Russia)
A.N. Shvetsov, Doctor of Economics (Moscow, Russia)
Yu.D. Shmidt, Doctor of Economics (Vladivostok, Russia)